ЗОЯ
МИРОНОВА

ФОРВАРД ПРОДОЛЖАЕТ БОРЬБУ

СЛ

СПОРТ И ЛИЧНОСТЬ

ЗОЯ
МИРОНОВА

ФОРВАРД ПРОДОЛЖАЕТ БОРЬБУ

Литературная запись
Михаила ЯМПОЛЬСКОГО

Москва
«Молодая гвардия»
1980

75.0
М64

М $\frac{60902-057}{078(02)-80}$ 132—80. 4202000000

© Издательство «Молодая гвардия», 1980 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Среди социально-общественных сторон жизни, таких, как политика, наука, искусство, одно из важных мест занимает физическая культура и спорт. По своему охвату, по масштабности, широте интересов и силе влияния спорт поистине не имеет себе равных среди категорий, характеризующих социальный прогресс. Это и понятно. В век научно-технической революции человек, как никогда ранее, чувствует острую необходимость в восстановлении и развитии своих физических и морально-волевых качеств.

Однако сам спорт, в сфере его высших достижений, не избежал общей тенденции к всевозрастающим физическим и нервным нагрузкам. В этом отношении особенно характерны крупные спортивные состязания, когда спортсменам приходится вести наиболее острую и бескомпромиссную борьбу. И пока существует спорт, существует и должна существовать спортивная медицина — наука о специфических заболеваниях, свойственных лишь спортсменам.

Одним из общепризнанных авторитетов в области спортивной медицины и, в частности, спортивной травматологии является заведующая отделением спортивной и балетной травмы Центрального института травматологии и ортопедии имени Н. Н. Приорова доктор медицинских наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, заслуженный мастер спорта СССР Зоя Сергеевна Миронова.

За двадцать семь лет работы в области спортивной медицины тысячи спортсменов были возвращены в строй ею и ее коллегами. Вновь завоевывали высокие спортивные титулы, высоко неся знамя отечественного спорта.

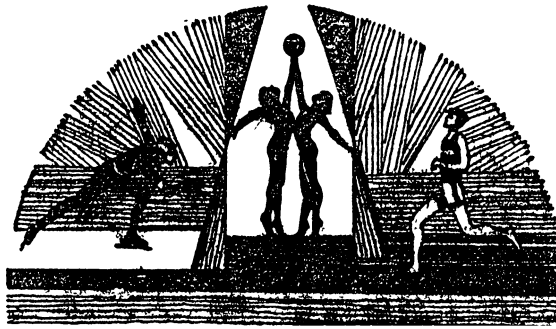
Широкий диапазон интересов, энергия, глубина мысли и темперамент нашли свое выражение в той плодотворной работе, которую ведет Зоя Сергеевна Миронова в качестве председателя Федерации спортивной медицины СССР и члена Национального олимпийского комитета Советского Союза.

Ее заслуги в области спортивной медицины и в олимпийском движении снискали ей и большой международный авторитет. Единственная представительница Советского Союза, З. С. Миронова награждена премией имени президента Международного совета физического воспитания и спорта (СИЕПС), лауреата Нобелевской премии мира Филиппа Ноэль-Бейкера и Международным олимпийским орденом.

Разносторонняя деятельность З. С. Мироновой, ученого и общественного деятеля, дала ей возможность увлекательно рассказать о своей работе в двух книгах: «Вместо выбывшего из игры» и «Возвращение чемпиона», пользовавшихся большим успехом у читателей.

Нам думается, что новая книга Зои Сергеевны Мироновой «Форвард продолжает борьбу» будет с удовлетворением встречена не только спортивной общественностью, но и самым широким кругом читателей и явится еще одним свидетельством растущего авторитета физической культуры и спорта в нашей стране.

А. КОЛЕСОВ,
заместитель председателя Спорткомитета СССР,
заслуженный мастер спорта СССР,
олимпийский чемпион

ИЗ ПИСЕМ К ДРУГУ

«...Ты заметил, что сейчас все пишут? Какой-то «пишущий» век. Не знаю, в такой ли степени читают, в какой пишут.

Откуда эта потребность? Что заставляет, допустим, меня снять халат и пройти к письменному столу? Так я и знала. Именно эти слова и ожидала услышать: образованность... общий высокий уровень... способность современного человека рассуждать буквально обо всем...

Только ли это? Почему-то представила себе сейчас старого земского врача (наверное, ассоциация по профессии). Исколесив по бездорожью под дождем и зноем полгубернии, возвращается он домой. Тщательно по привычке моет руки, наскоро ужинает и спешит к письменному столу. Зеленый абажур керосиновой лампы-«трехлинейки» бросает мягкую тень на чистый лист бумаги. Доктор берет в руки перо и надолго задумывается, устремив взгляд в одну точку. Наконец окунает в чернильницу перо, и на лист, уже успевший пропитаться запахом карболки, ложатся первые строчки неразборчивого врачебного почерка.

О чем он пишет? Научное? Редко. Он рассказывает о том, что видел в течение этого долгого трудного дня. Он рассказывает о своих пациентах. Кому? Зачем? И что вообще заставило его писать? Наверное, то же, что заставило его лечить. Сострадание к ближнему. Сострадание к людям. Желание помочь им. Желание понять их. Понять самого себя. Это диалог человека с человеком. Диалог человека с обществом.

Ты понимаешь, мне кажется, потребность в диалоге возникала и возникает сейчас в еще большей степени от интереса к человеческой личности. Именно он лежит в основе всевозрастающей тяги к общению. Мир настолько перегружен всем, чем угодно, что нести подобную чашу одному уже становится не под силу. Человек ищет взаимопонимания, сочувствия. Он ждет совета. Ответа...

Причем пишущий ждет ответа ничуть не в меньшей степени, чем тот, кто пытается найти его на страницах книги. Не знаю, всегда ли удается каждому из них найти для себя эти ответы и воспользоваться ими. Но истина рождается не только в спорах. В диалогах о наболевшем, в диалогах о находках и потерях нередко прокладывается путь к объективным оценкам и поступкам. Вот почему каждая встреча с читателем не только приятна, но и полезна. Ведь в той же мере, в какой книги нужны людям, люди нужны книгам...»

«...Не знаю, ответила ли я достаточно полно на твой вопрос: что побудило меня написать эту книгу? Дело ведь еще вот в чем. Жизнь врача всегда на людях и среди людей. Но в той особой точке их жизни, где взгляд глубже, исповедь чище, оценка строже.

Так уж получилось, что два мира соседствовали рядом: мир спорта и мир медицины, мир здоровых людей и мир людей, временно «выбывших из игры». Мир борьбы, скоростей и рекордов и мир ограниченного пространства, боли и невеселых раздумий. Стоя на пороге этих двух миров, я пытаюсь найти ответ на главный вопрос: где и в чем должен находить и находит человек силы для борьбы, что заставляет, допустим, человека, выбитого из седла, вновь возвращаться к состязанию? Я спрашиваю об этом входящего в палату и выходящего из нее. И слышу удивительные рассказы. Только ли о спорте эти скупые исповеди? Они о людях. О судьбах.

Большая жизнь, прожитая в спорте, в науке, в общественных и личных заботах, успела задать за все эти годы достаточное количество самых разных вопросов. Нужно время, чтобы взглянуть на себя со стороны. Взглянуть на окружающий тебя мир и его глазами попытаться взглянуть на себя — вот что постараюсь сделать в этих записках. И сделать это постараюсь в преддверии Олимпийских игр, которые впервые будут проводиться на нашей советской земле...»

1.
ОТДЕЛЕНИЕ

«СЛУЖЕБНЫЙ РОМАН». СТРАНИЧКА НА ВЫБОР

Ровно в девять часов утра врачи и средний медицинский персонал отделения собираются в моем кабинете. Ночная смена сестер сдает дежурство.

Прежде всего послеоперационные.

— У Шадрина ночь прошла спокойно. Температура нормальная. У Князевой боли. Небольшая температура. Вечером — 37,4.

На мои вопросы Зина отвечает без запинки, четко и коротко. Это сестра «от бога». Аккуратна, пунктуальна. Но главное даже не это. Она не только помнит больного, не только знает его сильные и слабые стороны. Она чувствует его, улавливает малейшие оттенки его настроения. Будучи посредником между нами и нашими пациентами, она понимает, что от того, когда и как она подаст больному лекарство, как и с каким настроением проведет процедуру, каким тоном позовет его в столовую, будет зависеть повседневное ежеминутное настроение ее подопечных. И какая-то врожденная, а скорее всего, конечно, пришедшая с опытом способность безошибочно чувствовать, что нужно в этот момент больному и чего ждет от нее врач.

Она смотрит на моего заместителя Римму Ивановну, чувствуя, что сейчас последует вопрос лечащего врача.

И он следует незамедлительно:

— Как себя чувствовала Вайцеховская?

— Боли. Бессонница.

— Сделали что-нибудь?

— Да. Обезболивающий укол.

Мне кажется, что Риммин вопрос обидел Зину. «Римма Ивановна, неужели об этом нужно спрашивать?»

— Как в целом прошла ночь?

— Спокойно, Зоя Сергеевна.

В этом односложном «спокойно» для меня кроется многое. Смена дежурства, с которой изо дня в день начинается наша работа, это не ритуал и не традиция. Это то, что делает наше отделение «производством непрерывного цикла».

Где-то в глубине тревожных бессонниц при осторожном свете ночника закладывался, «программировался» день сегодняшний. Вообще надо сказать, что к няням и сестрам ночных смен у меня особое отношение. Началось это, возможно, с тех бессонных ночей 41-го года, когда я, еще молодой врач 1-го Московского медицинского института, дежурила у постели тяжелораненых в Яузской больнице, а по военным временам — в эвакогоспитале № 5004. С тех бессонных ночей, когда после операций приходилось учиться не только искусству врачевания, но и искусству выхаживать больного. Искусству, требовавшему не только огромных физических, но и душевных сил...

На пятиминутке не всегда успеваешь подумать об этом. Не всегда успеваешь заметить осунувшееся за ночь лицо, круги под глазами. А ведь в течение долгой ночи, когда «влачатся в тишине часы томительного бденья», эти ночные няни и сестры — единственные живые ниточки, связывающие больных с внешним миром. Днем есть мы, есть товарищи по несчастью, есть даже свежесть утренних сил, есть «божий свет». Ночью все кошки не только серы. Ночью все кошки страшны. «В уме, подавленном тоской, теснится тяжких дум избыток...» Спросите у этих пожилых нянь и молоденьких сестер, и они расскажут вам, как трудны для больного «часы томительного бденья». И это верно. Он остается

наедине не только с болью. Он остается наедине с сонмищем сомнений, разочарований, с воспоминаниями, окрашенными в минорные тона оттого, что болезнь отдалила его от настоящего и в еще большей степени от будущего. И это тогда, когда травма вдруг, внезапно, неожиданно вырвала человека из бурного, жизнедеятельного существования. Когда друзья и соперники берут новые старты...

Утром, еще до обхода, встречаешь в коридоре отделения Никитичну, спрашиваешь:

— Никитична, как Курицына? Спала?

— Спала, сердешная, спала. Только кричала уж больно. Да ты не волнуйся, Сергевна, это не от хворобы. Со сна кричала. Мается во сне. Все прыгать порывается. Видать, парашют этот окаянный ей снился, будь он неладен.

Я знаю, что Курицына не только кричала во сне, но и просыпалась. Что Никитична не один раз за ночь подходила к ней; поправит подушку, подоткнет одеяло, скажет два-три слова, которые не придумываются, не выговариваются, а вычувствываются. И в этом простом, душевном участии растворяется боль, обретается надежда, рождаются силы.

Я не думаю, чтобы Никитична или даже Зина знала офорт Гойи «Сон разума порождает чудовищ». Но по своему опыту, по жизни она знает, что бессонница страждущего человека — это вовсе не бодрствование разума и воли. Это бодрствование иных сил, лишь создающих впечатление бодрствующего сознания. Но вот другого она не знает: она не знает, что в ночные часы, часы томительных бессонниц, она и есть доктор. Во всяком случае, в том смысле, в каком имеет это в виду старая русская поговорка «доброе слово лечит»...

В нашем «производстве непрерывного цикла», в той его части, которое называется ночным дежурством, случается всякое — больница есть больница.

Несколько дней тому назад у совсем еще юного гимнаста из цирка ночью начался приступ аппендицита. Острые боли, поднялась температура. Был вызван из соседнего отделения дежурный хирург, сделано обследование, и парня срочно отправили на операционный стол. Да мало ли что может случиться ночью. Но любое волнение, любой ночной вызов все-таки не столь тревожен, если ты уверен в людях, находящихся в этот момент у изголовья больного.

В наших сестер и нянь я верю. Это люди на своем месте. Во всяком случае, подавляющее большинство из тех, к кому обращен сейчас мой вопрос:

— Как там наши фигуристы? Опять сидели до двенадцати?

— Зоя Сергеевна, если бы только фигуристы. Это просто безобразие. Попробуйте их уложить, когда по телевизору спортивная передача. Я сказала, что вам пожалуюсь.

— И что же? Они выключили?

— Выключили...

Зина прячет глаза:

— Потом включили. Правда, смотрели без звука.

Доктор Баднин смеется:

— Зачем им звук. Комментатор им только мешает.

Серьезность Зины непоколебима:

— Зоя Сергеевна, я теперь перед своим дежурством боюсь раскрывать «Вечерку»: а вдруг вечером опять спортивная программа.

Телевизор — наш бич. А может быть, все-таки, доктор?

— Ладно, что-нибудь придумаем. — В моих словах нет никакой уверенности. — Спасибо, вы свободны.

С их уходом наш круг резко сужается. Нас действительно немного. Кроме заведующего отделением, еще три врача. Три кандидата медицинских наук, три специалиста в области спортивной и балетной травмы,

каждый из которых ведет по три палаты. В сумме это около пятидесяти больных. Много это или мало? Иногда мне кажется, что, будь отделение вдвое меньше, уменьшился бы, возможно, объем работы, но вряд ли бы спала напряженность. Один больной, подобно одному ученику в классе, может доставить врачу предостаточно забот.

И заботы эти начинаются с моего вопроса: «Кто поступил в отделение за последние сутки?», с первых же строчек анамнеза, выведенных рукой врача.

Я смотрю сейчас на сидящую справа от меня Евгению Васильевну Богуцкую. Вспоминаю вот такой же день, вот такую же пятиминутку, когда на этом спокойном, всегда сдержанном лице мелькнула тень беспокойства.

Вопрос был тот же: «Кто поступил в отделение?»

— Владимир Шадрин, — ответила Евгения Васильевна.

— Наш старый знакомый? Что с ним?

— Жалобы на боли в области левого коленного сустава. Снижение опороспособности и устойчивости.

— Случилось-то что?

— Во время тренировки партнер упал и навалился всей тяжестью на ногу Шадрина. Тот почувствовал острую боль в колене.

— Добрался домой сам?

— С трудом.

— Обследован?

— Вчера успела его посмотреть.

— Травма серьезная?

— Да.

Сдержанное, лаконичное «да». Сдержанность во всем: в словах, поступках, в проявлении чувств. Но сдержанность не делает Евгению Васильевну сухой. Отнюдь нет. Здесь другое: внутренняя собранность. Человек, в котором все подогнано с той целесообраз-

ностью, которая становится категорией эстетической. Не отсутствие эмоциональности, а ее иное качество — не вширь, не вразброс, а в глубину, вовнутрь.

Но я знала, что состояние Шадрина волновало ее.

В тот день решался вопрос об операции. День первых тревог... Первых ли?

Володя Шадрин... Испытанный, закаленный в ледовых битвах боец... Десятки раз ломаный-переломаный и не сломленный. Разрыв ключично-акромиального сочленения, бесчисленные повреждения суставов и сухожилий, операция по поводу опухоли на ребре... Таков «послужной список Шадрина» у нас.

Сейчас мы оперировали его во второй раз. Тревоги улеглись.

Надолго ли?..

А сегодня уже новые заботы.

— Римма Ивановна, сейчас посмотрим Вайцеховскую. И Курицыну.

Римма Ивановна еще где-то там, в утреннем, в домашнем. Пройдет еще немало времени, прежде чем войдет в берега волнение жены и матери. Вся гамма чувств, все оттенки настроения, все — здесь. Я прячу улыбку: вижу — или Римма опять не могла добудиться сына, или у нее снова что-то случилось с машиной.

Но есть профессионализм, есть привычка, внутренняя дисциплина, и поэтому она почти сразу же отвечает:

— Хорошо, Зоя Сергеевна.

— Иван Аверьянович, — обращаюсь я к доктору Баднину, — как чувствует себя наша балерина?..

...Резкий телефонный звонок. Настойчивый. Требовательный. А главное, ранний. С неприятным предчувствием снимаю трубку.

— Да... Миронова слушает...

Мужской голос. Вежливый, корректный, вкрадчивый. С многозначительным ударением на слове «про-

фессор»: «Извините, профессор, что так рано побеспокоил вас своим звонком».

— Нет-нет, нисколько. У нас уже в разгаре рабочий день... Я вас слушаю... Простите, не поняла... Госпитализировать? Так сразу и госпитализировать?

Я прикрываю ладонью трубку и многозначительно подмигиваю Баднину, сидящему напротив меня в кресле:

— Госпитализировать.

Он, в свою очередь, подмигивает мне:

— А может, заодно уж и выписать?

— Да-да, я слушаю... Вас? А кого? Вашу тещу? А что с ней? У кого она лечилась?.. Так... Знаю. Не наступило улучшение? Хотите непременно ко мне? Но видите ли, для этого необходимо направление лечебного учреждения. И потом, у нас специализированное отделение. Ваша теща мастер спорта? Балерина?.. Понятно... От какого Ивана Ивановича? Нет, не имею чести...

Я снова прикрываю трубку. Шепчу:

— Ты знаешь Ивана Ивановича?

Баднин делает страшные глаза и предупреждающе подносит палец к губам:

— Знаю, он друг Ивана Никифоровича. Помните, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем. Видать, успели помириться.

Я едва сдерживаю смех.

— Алло... Вы слышите меня? Мы посмотрим вашу тещу. Привезите направление... Хорошо... Посмотрю лично.

Вешаю трубку.

— Заботливый зять.

— Редкий случай. Придется посмотреть. — На лице Ивана Аверьяновича ни тени улыбки.

Я смеюсь:

— А может быть, просто хочет отдохнуть от нее? Ладно, забудем.

Римма Ивановна скептически улыбается:

— Думаете, даст забыть?

Она права. За тридцать лет работы я не помню случая, чтобы этот голос мог что-нибудь забыть из того, что затрагивает его интересы. Есть простой и прямой путь, но почему-то путь окольный кажется надежнее и короче. Нет никакого сомнения, что завтра на поликлиническом приеме я увижу этого человека. Больше того, я уверена, что он торжественным жестом вытащит из бумажника направление и с видом победителя положит мне на стол. А он и впрямь победитель. Ибо, прежде чем достать это направление, он одержал победу над очередным Иваном Ивановичем. А случай у тещи наверняка окажется пустяковым. И говорили ему об этом, да и сам он в глубине души это знает. Но вот нужно, чтобы непременно — профессор Миронова. Ну вот вынь да положь свадьбу с генералом...

Да, порой бывает трудно попасть в больницу. Трудно попасть на консультацию к авторитетному специалисту. И это порождает нездоровые тенденции. Но мне нелегко припомнить случай, чтобы при достаточно серьезных показаниях больному было бы отказано в помощи. Трудно попасть в больницу потому, что еще не хватает коек, не хватает специалистов. Тем более внимательно надо рассматривать каждый клинический случай, не перегружая стационары теми, кто может быть успешно вылечен в амбулаторных условиях. Но ведь не всем и не всегда это докажешь.

Ладно, завтра явится — посмотрим...

— Иван Аверьянович, так как там твоя балерина?

Доктор Баднин. Единственный наш мужчина. Как сказал бы о нем Гоголь, «человек приятный во всех отношениях». Прекрасный семьянин. Отец, по нынешним временам, многодетной семьи — у него двое детей:

сын и дочь. Девочка приучена все делать сама. Когда мама уезжает отдыхать, она остается полноправной хозяйкой в доме. Любят дети отца до самозабвения. Прекрасная семья и, как шутит иногда Римма, «тыл у нашего Ивана Аверьяновича обеспечен прочно». Он вообще надежен во всем, будь то семья, работа, дружба. Когда сейчас я перевожу взгляд с него на Римму Ивановну, а с нее на Богуцкую и снова на Ивана Аверьяновича, я чувствую, что истоки утренних настроений там, во вчерашнем, в том, что мы привыкли называть «личной жизнью». Может быть, поэтому так ровен в своих настроениях и поступках этот невысокий, темноволосый, очень подвижный человек? Любая просьба, любое поручение исполняются точно, быстро и безотказно. Человек слова. Если необходимо срочно приготовить реферат, он сделает это в одинаковой степени быстро и хорошо. Необыкновенно добр и мягок с больными. Сейчас он ведет довольно сложную больную. Когда я спрашиваю о его балерине, он отвечает:

— Нормально плохо.

Плохо потому, что пока действительно плохо. А нормально потому, что плохо уже давно и пока неизвестно, когда будет хорошо. Сдвиги есть, но пока это только сдвиги. Я довольна, что балерину ведет именно он. Дело даже не в том, что он специализируется на балетной травме. Здесь тот случай, когда надо было долго и упорно искать причины абсцесса. При его упорстве он рано или поздно, но докопается до этих причин.

Римма Ивановна сочувственно поглядывает на Ивана Аверьяновича. Я ее понимаю. Ей тоже не легче. Трудна Вайцеховская. Труден Максименко. Сложна Курицына.

Таков наш «задел» на ближайшие дни, недели и, кто знает, может быть, и месяцы. Если будут продолжать прыгать с полутора тысяч метров без парашюта, входить в воду не под тем углом, каким надо, или вре-

зать свой мотоцикл в грузовик на скорости в сто пятьдесят километров, мы вряд ли сможем рассчитывать на легкие случаи.

Трудно. Но надо согласиться с тем, что пока говорить о спорте без травм еще рано. И вряд ли, дорогие мои коллеги, при нынешнем росте нагрузок, интенсивности тренировок и нынешней остроте спортивной борьбы мы останемся с вами без работы.

Так что пора на обход и по рабочим местам. Ибо сегодня нас еще ждут...

На несколько минут я остаюсь одна. Но я еще продолжаю видеть их лица, слышать их голоса: улыбку доктора Баднина, раскрытость Риммы Ивановны, сдержанность Евгении Васильевны. Я продолжаю думать о них.

Мои коллеги... Те, с кем пройден долгий путь до дня сегодняшнего, с кем предстоит работать завтра и все дни потом. Те, с кем приходится не только общаться, но и нести ту ответственность за здоровье и жизнь пациентов, которую в полной мере может осознать только врач. Не умозрительно, а всем своим существом. Каждой извилиной мозга, каждым миллиметром до предела напряженного нерва...

Я не знаю, чем можно измерить эту ответственность. Но разделить ее ты имеешь право только с тем человеком, которому ты беспредельно доверяешь. Как специалисту, как человеку.

В этом смысле я как заведующая отделением человек удивительно счастливый. Я полностью и безраздельно доверяю каждому из тех, кто только что сидел в моем кабинете. Каждый из них так же безраздельно доверяет другому. Это имеет огромное значение, и вот в каком смысле. Подобным отношением друг к другу мы создали такую атмосферу в отделении, что наши пациенты абсолютно одинаково верят каждому из нас. У нас нет этого оскорбляющего доверие врача: «Я хочу,

чтобы меня посмотрел такой-то». Я вижу в этом успех и профессиональный, и чисто человеческий.

Многие годы работаем вместе. Десятилетия сделали наше общение, возможно, менее многословным. Появился другой язык. Язык жестов, порой едва уловимых. Язык взглядов. Короче, то, по чему без слов угадывается состояние и настроение человека. Слова же обретают особую весомость, особую значимость. Нас четверо. Четыре разных человека, четыре характера. Четыре «частные жизни», где «под каждой слабенькой крышей, как она ни слаба, свое счастье, свои мыши, своя судьба...». И все-таки остается общность самых разносторонних интересов.

Я помню, как, поработав у нас некоторое время, Евгения Васильевна ушла в другое учреждение. Но работать там не смогла. Потянуло к нам. У нас было интереснее, перспективнее. А главное, здесь были иные человеческие отношения, иной душевный климат. Но ведь это тоже часть так называемого **личного.**

Все трое защитились. Иван Аверьянович работает над докторской. Римма Ивановна стала моим заместителем. Каждый из них давным-давно мог бы работать самостоятельно. Но работают здесь. Работают вместе. Прижились? Приспособились? Тихая заводь? Нет, это все не для них. Да и место не очень-то тихое. Здесь другое.

Помимо чисто профессиональных интересов (я имею в виду специфику именно спортивного травматизма), здесь годами, десятилетиями складывались особые отношения между врачом и его необычным пациентом. Пациентом в тренировочном костюме. Как-то в ординаторской после одного из обходов Евгения Васильевна, питающая особую симпатию к спортсменам высокой квалификации, чистосердечно призналась: «Вы знаете, друзья, а ведь мы с вами погибшие для медицины люди». Все с недоумением посмотрели на нее. Она рас-

смеялась: «Да-да, погибшие. Вы, Иван Аверьянович, смогли бы работать с обычными больными? А я вам что говорила? Конечно же, нет. О тебе, Римма, и говорить нечего. А я вообще не представляю себе работу в другом месте. Так что для всего другого мы просто не существуем». И каждый знал, что это действительно так.

Отделение спортивной и балетной травмы не больница в привычном понимании этого слова.

Это особый контингент больных. Люди, которым свойственны воля, энергия, динамизм, целеустремленность. То есть как раз наиболее характерные черты **здорового** человека. Физически и нравственно здорового. Чисто профессиональный подход здесь неприемлем. Подойти к человеку в тренировочном костюме, опирающемуся на костыль, с общей меркой невозможно. Ибо он **привык** чувствовать себя неким **эталоном** здоровья. И этот «комплекс здоровья» ты должен в нем уважать.

Однако уважение, в свою очередь, не родится, если ты не научишься понимать и разделять интересы своих пациентов, если ты не сумеешь понять, в чем же смысл их жизненного увлечения.

Но если это происходит, то расширяется граница твоих представлений, шире становится круг интересов, ты невольно заражаешься этой мужественностью и оптимизмом и уже, подобно Евгении Васильевне Богуцкой, не представляешь себе иных пациентов, иной жизни, иного сюжета своего «служебного романа».

А если ты сама когда-то была спортсменкой, жила в большом спорте, ставила рекорды, была чемпионкой, то нетрудно понять, как близка тебе жизнь всех этих людей, волей случая попавших на больничную койку. Разрушается барьер между личной жизнью и работой, между до и после.

Наша жизнь в какой-то степени «служебный роман». И «служебный роман» в значительной степени наша жизнь. И главное вот в чем.

Сейчас начнется обход. Нас ждут. Нам верят. Нас даже любят. Вот это и делает страницы «служебного романа» страницами частной жизни профессора Мироновой и страницами частной жизни доктора Баднина.

Наверное, поэтому думаешь не только об операциях прошлых и предстоящих, обо всех этих суставах, сухожилиях, менисках. Но думаешь о человеке, ставшем героем твоей «служебной повести».

Вот почему нельзя не думать о твоих соавторах, с которыми создаются его главы, с кем изо дня в день вот уже много лет пишутся его удачные и не всегда удачные страницы.

Однако пора...

ВНЕ ИГРЫ. МУЖЧИНЫ

Сейчас начнется обход. Осмотр больных, консультации, назначения. То, о чем в конце дня, возможно, и не вспомнишь, то, что память просеет между впечатлениями более яркими, сильными. И так, наверное, случилось бы, если бы обход был бы только обходом. Но именно здесь возникают первые контакты между врачом и пациентом. Первые диалоги.

Едва переступив порог палаты, сразу же попадаешь в своеобразное «магнитное поле». К тебе устремляются взгляды, которые ты не только видишь, а физически ощущаешь. Само по себе твое появление здесь — уже вексель, в кредитоспособности которого нельзя усомниться. Но так и должно быть — ведь на тебе белый халат. Ты врач. Ты обязан помочь. В тебя верят.

Осмотр... Значит, смотрю и я.

От меня к пациенту, в свою очередь, устремляется

«направленный силовой поток». Я тоже ищу. Я тоже хочу верить.

...В палате их четверо.

Прежде всего — к тому, кто недавно соперирован. Подходим к кровати Шадрина.

— Как наши дела?

— Все нормально, Зоя Сергеевна.

— Показывай ногу.

Сшивание и аутопластика внутренней боковой связки коленного сустава, удаление мениска... Ничего... Вполне прилично. Оперировала Богуцкая под моим наблюдением.

Я обращаюсь к стоящей рядом Евгении Васильевне:

— По-моему, для начала неплохо?

— По-моему, тоже. Шестого только сняли гипсовую повязку.

Я осторожно ощупываю ногу. Есть, конечно, атрофия мышц, но вполне умеренная. А колено спокойное.

— Согни-ка ногу.

Ногу он сгибает осторожно.

— Еще чуть-чуть... Так... Молодец... Ну что ж, сто шестьдесят градусов. Хорошо. Значит, мой дорогой, так. Ближайшая наша с тобой цель — укрепление мышц конечности. Евгения Васильевна, проследите, пожалуйста, за тем, чтобы он не перегружал ногу.

— Зоя Сергеевна, — спешит успокоить меня Шадрин, — разве нам с вами в первый раз учиться ходить?

— Вот именно. Не форсируй движений в суставе.

Он смеется:

— Ни в коем случае. Зоя Сергеевна, не волнуйтесь, ноги моей здесь не будет.

И он взглядом показывает на пол.

Не я его, а он меня старается успокоить. За многие годы знакомства мы перестали составлять с ним систему врач — пациент и в каком-то смысле стали коллегами. Понимаем друг друга с полуслова.

Уголком глаза слежу за остальными тремя ребятами. Примечательная вещь. У каждого из них свой диагноз, свое течение болезни, свое субъективное состояние. Каждому есть о чем поразмыслить. Но, как только мы подходим к первой же койке, трое остальных поворачиваются к нам лицом и обращаются в слух. И так будет каждый раз. В любой палате. Стоит подойти к одному из них и начать осмотр, как остальные тут же проявят повышенный интерес к происходящему. Здоровье одного волнует всех. Все обеспокоены состоянием товарища. Слушают внимательно, не пропуская ни одного слова. Что это, любопытство? Одно из немногих развлечений в довольно-таки однообразной жизни стационара? Не думаю. Скорее другое. Сочувствие здесь искренно, сопереживание откровенно и естественно. Не идет ли это сопереживание от сопереживания, сопутствующего минутам спортивной борьбы? Не научил ли их этому коллективизм, не научила ли их этому сопереживанию жизнь в команде, где чувство соперничества неотделимо от чувства товарищества? Сегодня личное первенство, завтра командное. Завтра твое «я» должно стать органической частью «мы». Не раствориться в нем, напротив, блеснуть всеми гранями таланта. Но это должен быть блеск одной грани в гармонии общего. Сегодня Шадрин играет за свой «Спартак» в соперничестве с Харламовым. Завтра в сборной они будут играть как партнеры. Они должны не только сыграться, они должны почувствовать друг друга. Мне кажется, что где-то здесь надо искать источник этой постоянной готовности понять друг друга и помочь друг другу. Во всяком случае, такого **всеобщего** и искреннего сочувствия я не наблюдала нигде. И. А. Баднин как-то заметил: «Сестрам и нянечкам у нас просто благодать. Больные сами ухаживают друг за другом». И это действительно так. Обычная больница — это совсем другое дело. Там вы-

зывает сочувствие момент настоящего состояния. Человек болен. Это прискорбно. И ты, будучи больным, понимаешь и принимаешь это по-особому. У нас же, где лежат спортсмены, выбывшие из игры вдруг, внезапно, порой так и не успев осознать, что случилось, к тому, что происходит сейчас, прибавляется сочувствие к той ситуации, которая привела тебя на больничную койку. Нелепость, противоестественность случившегося обостряют сопереживание, делают сочувствие еще более глубоким.

Все это отлично понимаешь, и все-таки это участие поразительно. Привыкнуть к этому невозможно.

— Поправляйся, — говорю я Шадрину, прежде чем подойти к койке его соседа. Володя ободряюще кивает в ответ. Он мой союзник. Он надежен.

Для меня и раньше и теперь понятие мужества (я имею в виду мужество спортивной борьбы) не было понятием однозначным. Оно включало в себя не только способность человека преодолевать страх, умение «скручивать себя в узел», подавляя самоохранительные инстинкты. И уж, во всяком случае, не являлось в образе обнаженной грубой силы, эдакого суперменства. Мне всегда казалось и кажется теперь, что мужество коллективной, командной борьбы непременно включает в себя способность человека в острейших, порой опаснейших ситуациях находить в себе силу не столько для самовыражения, самоутверждения, сколько находить в себе силу оставаться достойным и надежным партнером.

Надежность — одна из тех категорий мужества, которая трудна именно потому, что нет в ней головокружительного взлета с последующим весьма болезненным падением, нет яркости кратковременной вспышки, шумного всплеска, нет этого честолюбивого «ego», того самого «я», при котором самооценка (всегда со знаком плюс) вспыхивает на табло самоуверенности прежде,

чем появляется объективная оценка окружающих. Кстати говоря, поговорка «сложнее удержать победу, чем завоевать ее» верна не только с технической точки зрения, но и с точки зрения психологической. Для завоевания победы, возможно, и необходимо «чистое» мужество. Но для удержания ее необходима именно надежность. Та самая надежность каждодневного мужества, которая так свойственна нашим хоккеистам и которая обеспечила им многолетние победы на европейских и мировых чемпионатах.

Если говорить о характере мужчин вообще, то, с моей точки зрения, надежность должна быть органично присуща им. Вот этой-то надежности, этого скромного повседневного мужества, проявляемого порой, казалось бы, в мелочах, не всегда хватает нашим мужчинам.

Мужество эстетично. И всегда будет эстетично, если в спортивной борьбе возникает гармония силы, разума и чувств. Ибо прежде, чем что-то сделать, совершить тот или иной поступок, надо осознать его цель, направить усилия в том направлении и с той задачей, которая продиктована объективной оценкой.

Шадрин, Харламов, Третьяк, Зимин... Старая гвардия нашего хоккея. Мне кажется, их спортивные успехи во многом определены именно этими качествами. Без этого борьба утратила бы свою остроту, свой эстетический рисунок. Целое развалилось бы по частям. Причем отвалившиеся части вряд ли бы напомнили нам сверкающие обломки распавшегося метеорита. Но если бы кто-то и блеснул в своих попытках самоутвердиться, он прожил бы судьбу «рыцаря на час». Стирает ли мужество коллективных усилий, коллективной борьбы черты индивидуальности? Думаю, что нет. В общем рисунке поединка каждый по-своему и в своей манере решает стоящие перед ним задачи. Но в рамках единой цели, единого чувствования партнеров. Я выступала и

в личных зачетах и в составе сборных команд, поэтому хорошо знаю это.

Возможно, и вспомнила я об этом сейчас потому, что хорошо знаю мир этих людей. Хорошо знала этих ребят, так сказать, задолго до нашего очного знакомства. По тем временам, когда тренировалась и соревновалась сама, когда с трудом «запихивала» внутрь себя горделивое «я», готовое выскочить из всех пор после каждой победы.

И только потом жизнь вдруг предоставила мне возможность увидеть и близко узнать этот народ, но на иной черте. Я стала врачом, они — моими пациентами.

Сейчас и Шадрин, и Третьяк, и все остальные давным-давно с травмой на «ты». Дорога в ЦИТО наезжена ими отлично. Повод, безусловно, грустный для знакомства, но тем не менее знаем мы друг друга давно. И если кто-то из них на время остается «вне игры», то свой тайм-аут он проводит по всем правилам. Но уже по нашим.

Годами складывались наши отношения. Мы учились разделять их интересы. Они учились понимать нас. Учились терпеть боль, неподвижность. Учились делать в пятый, в десятый раз свой первый шаг. Учились самому трудному — быть такими, как все. Не каждому это удается. Для этого тоже необходимо мужество.

Общение не ограничивается замкнутой кубатурой этих палат. Как-то несколько лет тому назад я пригласила в Дом ученых Виктора Зингера, Славу Метревели, Елену Петушкову и еще нескольких спортсменов. Это был откровенный диалог ученых и мастеров спорта. Были споры, обсуждения, строились совместно прогнозы относительно будущего науки и спорта, их взаимоотношений и самых разнообразных связей. А спустя буквально несколько месяцев я, в свою очередь, была гостем моих друзей хоккеистов на одной из матчевых встреч очередного чемпионата мира.

Не думаю, чтобы мое присутствие помогло им выиграть. Но что выдержка и мужество этих ребят помогают нам, — это бесспорно...

За долгие годы общения мы научились доверять друг другу и верить друг в друга. Теперь наши старые «кадры» учат долготерпению новичков...

...Я еще продолжаю думать о Шадрине и его гвардии, как с соседней койки в нас выстреливают вопросом:

— Когда ногу можно нагружать?

Как говорится, «ни здрасьте тебе, ни до свидания». Сразу быка за рога: «Когда ногу нагружать?» Римма Ивановна, к которой, как я понимаю, непосредственно относится этот вопрос, дотрагивается до плеча молодого легкоатлета:

— Рано еще, Гриша, — как всегда, ровно и мягко отвечает она.

Ни тон, ни мягкий жест не производят на Гришу ни малейшего впечатления. В голосе звучит нескрываемое раздражение, когда он задает нам второй вопрос:

— Когда же я наконец приступлю к тренировкам?

Он мастер спорта. С Украины. Ему везло. Серьезных травм не было, и о ЦИТО он не слышал.

Смириться с мыслью, что он выбыл из игры, что он в больнице, что нужно делать то, что ни в коей мере не соответствует ни его привычкам, ни его вкусам, Гриша не может. Все это чушь, ерунда, какая-то нелепость. Человек этот привык существовать в среде, где символом движения является он. Здесь он неподвижен. Движется окружающее, бегает не он, а бегают вокруг него. Зачем бегают, отчего суетятся — эта мысль его мало занимает. Потому что меньше всего он думает о травме.

О травме думаем мы.

— Что он принимает?

Сестра заглядывает в свой кондуит:

— Оксигенотерапию, водные процедуры, физиотерапию...

— Вот и пусть принимает. Все, как назначено. Все в полной мере. Процедуры пропускает?

— Да. Ходит нерегулярно.

— Так вот. Чтобы это было в последний раз.

Я выдерживаю паузу. Он смотрит на меня исподлобья. Ждет.

— Ногу нагрузим тогда, когда сочтем нужным. Есть еще вопросы?

Молчит. Отворачивается к окну. Раздражен. Болью, нами, процедурами, которые не дают моментального эффекта. Из маленьких кирпичиков-обид быстро выкладывается стена отчуждения. Ее необходимо разрушить, разбить. Ибо за этой стеной может быть скрыто все, что угодно.

И прежде всего недоверие. А это опаснее любой травмы...

...Когда я подхожу к Максименко, он откидывается на спину и забрасывает руки за голову. Он не скрывает, что ему худо. Это тоже больной Риммы Ивановны и тоже тяжелый. На тяжелых в этом месяце ей везет. Еще двух ее больных мы увидим чуть позже. Но сейчас — Максименко.

— Ну что, очень скверно? — спрашиваю я вместо приветствия.

— Ночью побаливало. Сейчас как будто легче.

«Побаливало»... Значит, здорово болело. Просто привык переносить боли.

Он разбился на мотогонках. Уже смеркалось. Тренировки заканчивались. По чьей-то халатности на шоссе, по которому еще неслись гонщики, кто-то выпустил грузовики.

— Хло́пок, — рассказывал он своему лечащему врачу. — Понимаете, хло́пок. Дорога́ каждая минута. Вот и поторопились.

На скорости сто пятьдесят километров мотоцикл врезается в грузовик. Мотогонщик перелетел через кузов с хлопком и чудом остался жив. Собственно, не чудом. Максименко спасло мастерство. Его спасло самообладание. Реакция. Если хотите, умение падать. То чувство охранительного рефлекса, которое развивается тем острее, чем чаще возникает опасность. Мотогонщику она сопутствует постоянно. И даже майка чемпиона не смущает ее.

Гонщики... Люди бешеных скоростей. Скоростей, до предела и сверх предела сжимающих пространство. В этом сжатом пространстве устойчивая неподвижность срывается с места и несется на тебя с той же бешеной скоростью, с какой несешься ты. Маленький бугорок на шоссе, камешек, вросший в асфальт, — все наделено убийственной силой. Сумма скоростей. Вектор сложенных сил.

В местную больницу Максименко привезли в тяжелом состоянии. Скальпированная рана черепа... Серьезная травма бедра. Асептический некроз... Сейчас состояние средней тяжести.

Я уже видела это.

С велосипедных гонок много лет назад начиналось мое посвящение в клан спортивных врачей.

...Была изнурительная жара. Бесконечная лента шоссе, по которой вот уже третий день шла трудная многодневная велогонка по маршруту Москва — Харьков — Киев — Минск — Москва протяженностью в три тысячи километров.

И была сопровождающая эту гонку группа врачей. Среди врачей находилась на положении медицинской сестры студентка третьего курса мединститута Зоя Миронова.

Были падения, ушибы, травмы...

На одном из этапов гонки у лучшего гонщика страны тех лет Сергея Вершинина что-то случилось с ма-

шиной. Затормозить он не успел. Был крутой спуск. Он перелетел через седло и ударился о твердый каменистый грунт.

Бесконечная дорога от места аварии до небольшого поселка... Крестьянская телега... Моя рука, поддерживающая голову Сергея...

Прошло почти сорок лет. Мой муж кладет передо мной «Советский спорт». Ногтем отчеркивает одну из заметок.

— Прочти.

Читаю:

«Место действия — гонка Мира-78. Действующее лицо — Александр Аверин.

...Крутой поворот! Откуда он взялся? Летит в толпу Хартник, машина вдребезги.

Держать руль, держать! Поздно... Брусчатка, как наждак... Вставать, вставать. Последний шанс уйти. Последний...

Аверин ушел спать лидером...»

Сорок лет спустя... Другие машины. Другие дороги. То же мужество. Тот же характер...

Максименко из этой же плеяды. Без позы. Без шума. Если больно — больно. Если надо — надо. И всегда честно. И всегда — до конца.

Он и сейчас держится хорошо. Крепко держится. А держаться придется долго. И он это знает.

...Четвертый еще совсем мальчишка.

— Ну-ка ножку, красавец.

Виктор лихо задирает штаны.

— Для вас всегда пожалуйста.

Римма Ивановна улыбается.

— Помолчи.

— Молчу, молчу. — И игриво, по-балетному, тянет носок.

— Дела у нас как будто идут на поправку, — говорю я и ощупываю коленный сустав.

— Его давно пора выписывать. — Римма Ивановна безуспешно пытается добыть из недр своего возмущения металлические нотки.

— Согни колено, герой. Все-таки небольшой выпот есть. Ногу больно сгибать?

Он смотрит на меня полувосторженно, полуиронически. И бодро отвечает:

— Не. Совсем даже не больно.

У него контрактура коленного сустава. Сейчас нога совсем спокойна. Гимнаст. Но вот какой разряд — не помню.

— У тебя какой разряд?

— Первый. Надо было мастера защищать, да вот...

Небрежный кивок в сторону колена.

— Так за что тебя выписывать собираются?

Молчит. Прячет глаза под длинными черными ресницами.

— Режим нарушает. Поздно ложится спать, — Римма Ивановна смотрит на Виктора, и под ее взглядом щеки его начинают розоветь.

— Где же ты гуляешь?

— В триста двадцать шестой палате он гуляет.

— К девочкам, значит, заглядываешь? К кому же, если не секрет?

Заглядывает он к хорошенькой легкоатлетке из Новокузнецка. Когда бы я ни проходила по коридору, они стоят вместе. Здороваются и снова продолжают о чем-то шептаться. Ну вот, не хватает только душевных травм. Но здесь, кажется, все в порядке.

— М-да... Что же мне с тобой делать? Нарушение режима — это серьезно...

Я делаю очень строгое лицо. Но чем оно строже, тем шире улыбка Виктора. Нахал. Но, говорят, девчонкам теперь нравятся именно такие. Брать с него слово,

что он не будет бегать в триста двадцать шестую палату, бесполезно. Бегать он все равно будет. А вот ножку ему погреть нужно.

Да, бегать он будет. Для меня главное, чтобы бегал...

Я иногда ловлю себя на мысли, что здесь, в отделении спортивной травмы, можно довольно четко проследить не только отношение больного ко всему укладу больничной жизни, но, как это ни покажется странным, здесь, в стационаре, можно почти безошибочно сделать вывод об отношении наших пациентов к их спортивным увлечениям.

А секрет здесь вот в чем. Все наши пациенты стремятся как можно быстрее встать в строй. Или, как мы, врачи, говорим, восстановиться. Но восстанавливаются они по-разному.

Первая группа — это те, кто хорошо знает, что такое спортивная травма. Те, для кого спорт — не титулы и аплодисменты, слава и почести. Это те, для кого спорт прежде всего труд. Не будет торопиться Шадрин, как не торопился когда-то Майоров. Не будет спешить Лена Вайцеховская, как не спешила когда-то Надежда Чижова. Не будет форсировать нагрузки штангист Воронин, как не форсировал их когда-то Лев Яшин. Не будет спешить Максименко... Да, они не торопились. Но не потому, что устали от всех этих скоростей и нагрузок. Не потому, что искали здесь, у нас, убежища от физических и нервных потрясений, от побед, поражений, болельщиков и славы. Нет, именно в силу нерасторжимости с делом, которому он предан, рождается у человека эта титаническая сила долготерпения, великотерпения. Хватает сил на эту застылость, окаменелость, загипсованность.

И есть другие. Есть Гриша. С величайшим трудом переносит он вынужденную неподвижность. Суетен, нетерпелив. Отсюда часто возникающее недоверие к назначениям и процедурам, не дающим эффекта сразу,

вдруг, немедленно. Он тоже любит спорт. Он тоже предан ему. Ради него он готов прыгнуть с операционного стола на пол и, схватив костыли, помчаться на футбольное поле, беговую дорожку или в гимнастический зал. Не понимая, что любовь к спорту, преданность ему требуют от него сейчас только одного: выдержки. Любовь еще не созрела, она еще поверхностна, она не выстрадана. Еще не пройдена та кризисная точка, когда вырастает перед тобой во весь свой громадный и трагический рост вопрос: или — или.

А вот Виктор мне по-своему симпатичен. Я симпатизирую его непосредственности, эмоциональности, открытому взгляду на жизнь. Да, он тоже нетерпелив. Нетерпелив во всем. В делах, в увлечениях, в любви. Но это совсем иное нетерпение. Больничных стен для него просто не существует. Виктор приходит к девочкам в триста двадцать шестую палату и сидит там, пока его не выгонят оттуда наши серьезные сестры. А почему не посидеть, не поболтать? И почему ему не должна нравиться Наташа? Он принес сюда весь свой мир и щедро делится этим миром с каждым, кто встретился на его пути. Травма — это пустяки, поболит и пройдет. Скорей бы выписывали. Оптимизм такой, что его хватило бы по ведру на каждого. Но это совсем иной оптимизм, чем оптимизм, допустим, того же Максименко. Если оптимизм Максименко — это форма выражения всей гаммы переживаемых чувств, то у Виктора это тональность сиюминутной радости.

Когда его привезли и с ногой было плохо, он храбрился. Тоненькой пленочкой покрывала эта храбрость его настоящий испуг. Виктора надо было лечить и «выласкивать» одновременно. Его лечащий врач Римма Ивановна делала это так, как могла делать только мать. Боль отступила. Виктор вспорхнул и улетел к своей Наташе. Помчался рассказывать ей о том, что костный укол или пункция — пустяк и перенес он их запросто.

Но что это был за «пустяк», отлично знали процедурные сестры и та же Римма Ивановна...

Характер еще не выработан, еще не сформирован. Сейчас это лишь порыв, стихия, натиск. Он во многом напоминает мне моего младшего сына Сергея в детстве и юности. Жизнь обтесывает таких, как они, с годами и, убирая все лишнее, с придирчивостью самого требовательного скульптора постепенно высекает личность.

Таковы эти четверо, с которых мы начали сегодня обход...

ВНЕ ИГРЫ. ЖЕНЩИНЫ

Дверь в триста двадцать шестую палату приоткрыта.

— Наташа, посмотри. Тебе нравится? Опять модны удлиненные линии. Широкая свободная кофточка и расклешенная юбка ниже колен.

— Красиво. Но я считаю, модно то, что идет. То, что носишь с удовольствием.

— Ну не скажи. Надо быть современной.

— Девочки, у кого есть помада? Моя как камень.

— Возьми мою.

— Где ты достала?

— Володька принес.

— Очень приятный тон. Пятирублевая?

— Представь себе, за рубль пятьдесят...

Все это в щелочку приоткрытой двери за минуту до того, как мы переступаем порог триста двадцать шестой палаты.

В палате на тумбочках цветы. Тонкий запах духов и идеальный порядок.

Лена Вайцеховская сидит на кровати и при нашем

появлении откладывает в сторону книгу. Смотрит на нас своими темными серьезными глазами. Боли мучили ее сегодня меньше. Но настроение скверное. Плечо все-таки болит. Тупая, непрекращающаяся боль. Упорная штука — этот деформирующий артроз. Лена знает это, и утешать ее ни я, ни Римма Ивановна не собираемся. Да и она не из тех, кто нуждается в утешении. Ей двадцать один год, но по силе характера я могу сравнить ее разве что с Максименко. Сейчас она стоически переносит болезненные уколы, не пропускает ни одной процедуры и с невероятным упорством, с невероятной настойчивостью, через боль разрабатывает плечо. Предана спорту беззаветно. И эта преданность сделает ее в конце концов здоровой.

Если не считать Лены и Аллы Михальченко, то тяжелых больных в триста двадцать шестой палате нет. Может быть, поэтому здесь в меньшей степени ощущается «больничный микроклимат». Хотя в принципе в любой нашей женской палате больше уюта, порядка, мягкости и интима. Здесь все отмечено женским вкусом, женскими привычками, женским настроением.

Я не сторонница того мнения, что спорт непременно огрубляет женщину. Не спорю, что многолетние занятия определенными видами спорта, многолетние и форсированные нагрузки накладывают нередко чисто внешний отпечаток. Фигура пловчихи — это не фигурка гимнастки. Но, как правило, соревновательная сущность спорта не убивает в женщине ту «слабость», которая так привлекательна в ней. Все, безусловно, зависит от человека.

В попытках доказать свою силу, в попытках ни в чем не уступить мужчине, в самом стремлении к эмансипации женщина, как мне кажется, в еще большей степени проявляет свое стремление оставаться женщиной. Она ведь самоутверждается вовсе не с целью уподобиться мужчине. Она самоутверждается как женщина. Наш

пол отнюдь не слаб своей «силой». Но он так же силен и своей «слабостью».

Я помню, что, когда я впервые познакомилась со своим будущем мужем, а тогда моим первым тренером, и стала замечать, что тренер мой проявляет ко мне не только спортивный интерес, мне захотелось нравиться. Причем, чем больше и успешнее я занималась, чем больше выкладывалась под его неусыпным взором на беговой дорожке, тем больше мне хотелось в свободные минуты быть просто женщиной. Нравиться, морочить голову мальчишкам, вызывать ревность у девчонок. Мой первый тренер стал моим мужем. Значит, что-то получалось. «Быть женщиной — великий шаг, сводить с ума — геройство...» Эту строчку Бориса Пастернака я прочла много позже, когда «сводить с ума» стало значительно труднее, да и в общем-то ни к чему. Но вот другое осталось на всю жизнь. Считать настоящим мужчиной того человека, который в состоянии понять, насколько быть женщиной действительно «великий шаг»...

Возможно, я ошибаюсь, но мне хочется верить, что женская рука, бросающая ядро, должна испытывать какую-то органическую потребность быть мягкой, ласковой, любящей. И чем тяжелее ядро, тем нежнее должна быть эта рука. Потому что в попытках самоутверждения своих физических и волевых качеств опять-таки сказывается все та же потребность оставаться женщиной. В соревновательной борьбе она ищет силы не только для преодоления «дистанции», но и для того, чтобы быть женой, матерью, любимой. Я вспоминаю новозеландскую спортсменку, мать двоих детей, Мильдрет Самсон. Пробежав марафонскую дистанцию в 42 километра 195 метров за 3 часа 19 минут 33 секунды, она тут же прошла на кухню и приготовила ужин на 11 человек. Причем трудно сказать, что с большим удовольствием делала Мильдрет: бежала ли дистанцию, или выполняла роль гостеприимной хозяйки.

Я смотрю на Наташу. В своем голубом тренировочном костюме она очаровательна. Небольшая упругая грудь, тонкая талия, стройные длинные ноги... От нее трудно оторвать взгляд даже мне. Нет, тренировочный костюм на женщине не должен уподоблять ее мужчине. Он должен подчеркивать грациозность и женственность, он должен по-особому носиться, по-особому чувствоваться. Я имею в виду тренировочный костюм в прямом и переносном смысле слова. Эти нескрываемые слезы радости после одержанной победы, эти рыдания после поражения, эта открытая эмоциональность не делают женщину слабой. И если уж говорить о тренировочном костюме, то он должен помочь ей носить платье. «Туалет, — писал Бальзак, — состоит не столько в одежде, сколько в том, как ее носить». Спортивная форма (я говорю не о платье, а о состоянии) помогает обрести осанку, учит правильно и красиво двигаться. Все это передается платью. «Человек — это стиль», — говорят французы. Не вчера и не сегодня женщина впервые надела спортивный костюм для того, чтобы обрести форму, почувствовать свое тело, научиться красиво и правильно двигаться.

Сейчас почему-то вспомнилась заметка в «Русском спорте». Корреспондент писал о том, что в Сокольниках в легкоатлетических соревнованиях впервые приняли участие дамы. Обычно дамы занимались лаунтеннисом, крокетом, верховой ездой. Это были дамы света и полусвета, были они насквозь буржуазны, но в одном отказать им было нельзя. Они владели искусством быть женщиной. Пусть внешне, но все-таки...

Десять лет спустя в тех же Сокольниках на первом Всероссийском чемпионате по легкой атлетике впервые взяли старт молодые работницы, крестьянки, студентки.

А еще десять лет спустя выходило на старт мое поколение. В 1933 году я впервые становлюсь чемпионкой Советского Союза по скоростному бегу на коньках. Тог-

да многое делалось впервые. Впервые совершались перелеты, впервые штурмовался полюс, впервые женщина садилась на трактор, впервые завоевывались премии на международных конкурсах искусств, впервые выходили на международную арену наши спортсмены...

Мы, спортсменки 30-х годов, ставили первые рекорды, завоевывали первые высокие титулы. Но мы оставались женщинами. Как оставались женщинами первые трактористки, первые летчицы, первые женщины-капитаны.

Мне было бы очень обидно за женщин моего поколения, если бы молодежь восьмидесятых годов не сумела бы разглядеть в энтузиазме первых пятилеток живых черт героев нашего времени, если бы она в «битве великих строек, огне и пламени больших дерзаний» не сумела бы расслышать стука человеческого сердца. Да, мы были в чем-то нетерпимее, бескомпромиссней, временами ортодоксальны. Но поверьте нам, девушки из триста двадцать шестой палаты, для нас гражданская война — это не только тачанки и бронепоезда. Это шолоховские Григорий и Аксинья. Это герои Багрицкого. Это «Каховка», где «девушка наша жила»... Точно так же, как пятилетки были для нас не только «битвой великих строек», но и «Рабфаковкой» Михаила Светлова. Просто битвы тех лет были «пограндиознее Полтавы и любовь пограндиознее онегинской любви».

Изменился мир. Изменился человек в этом мире. В чем-то эти девчонки похожи на нас. В чем-то они совсем другие. Новое время — новые песни. Но есть извечный лейтмотив общечеловеческой женской любви. К мужчине, к ребенку, к звездам...

...Триста двадцать шестая палата, плюнув на все режимы и распорядки, до позднего вечера смотрит передачу из Вены. Смотрит чемпионат мира по фигурному катанию. Эмоциям нет края. Волнуются, радуются, комментируют. Обсуждают костюмы, прически, бог знает

что еще может заметить женский глаз. Все на темпераменте, на экспрессии...

Но вот они узнают, что у Ирины Родниной родился ребенок. Это заслоняет собою все остальное. Триста двадцать шестая волнуется, переживает, обсуждает. Помешает ли это ей? Уйдет ли Ирина из спорта? Ведь она теперь мать...

Не надо волноваться, девочки. Нужно радоваться. Всем вам рано или поздно придется рожать, все вы рано или поздно станете матерями. И совсем не обязательно для этого уходить из спорта. Больше того, смею вас уверить как врач и спортсменка, что и после родов ваши спортивные достижения ничуть не пострадают.

Примеры? Сколько угодно. Даже среди олимпийцев. Галина Урбанович уже двенадцать лет была матерью, когда на XV Олимпийских играх в Хельсинки завоевала золотую медаль. И, напротив, не прошло и двух лет со времени родов, как Елизавета Дементьева становится олимпийской чемпионкой в гребле. А помните замечательную спортсменку рижанку Инессу Яунземе? Она стала олимпийской чемпионкой в метании копья, имея четырехлетнюю дочь.

На XVII Олимпийских играх в Риме сразу семь матерей стали чемпионками, одержав победу в командном первенстве. Это были замечательные спортсменки разных видов спорта: Нина Пономарева, Мария Шубина, Валентина Растворова, Вера Крепкина, Маргарита Николаева, Лариса Латынина, Софья Муратова.

Сотни, тысячи матерей выходят на стартовую линию, побеждают, ставят рекорды.

Законы природы естественны и прекрасны (ну разве что старение и смерть не вызывают к себе особой симпатии). Но любовь, материнство, ощущение полноты чувства — это все то, без чего нет и не может быть женщины.

Конечно, нам нелегко. Семья, работа, спешка, мага-

зины, сумки... Заботы, которых много больше, чем у самого занятого мужчины. Тем более все это требует сил. Физических. Духовных. И можно и должно обрести их в культуре физической.

Женщина заканчивается там, где начинается неуважение к себе самой. С необращенного внимания на походку, прическу, осанку, платье. И дело не в рождении ребенка и не в том, сколько детей.

Когда я смотрю на тонкую стройную фигурку той же гимнастки, она кажется мне эталоном женщины.

Но еще большее восхищение и чувство какой-то особой теплоты должны вызывать спортсменки-жены, спортсменки-матери, сумевшие сохранить молодость и тела и духа...

В триста двадцать шестой палате соседствуют рядом два мира. Мир спорта и мир искусства.

Едва мы переступаем порог палаты, как навстречу нам устремляется взгляд такой чистоты и силы, что в первые минуты становится даже чуточку не по себе от этой обнаженности человеческого сердца, этой распахнутости человеческой души. Мне кажется, что только стихия красок, музыки, стихия чувства, короче, мир искусства способен так раскрыть человека. Конечно, если ему восемнадцать и он делает первые шаги в мире прекрасного, ради которого он готов забыть все существующее.

Доктору Баднину юная солистка Большого театра Алла Михальченко улыбается с особой теплотой. Она улыбается ему как старому, доброму другу, как «своему» доктору, врачу, которому привыкла доверять всегда и во всем.

Ее мир — это мир музыки, танца, красок и звуков. Другого не существует. В этом она вся.

Вот что писала о ней ее педагог народная артистка

Советского Союза Софья Головкина сразу же после VIII Международного конкурса балета в Варне, где Алла получила золотую медаль в группе балерин младшего возраста: «В знаменитом дуэте из третьего акта «Лебединого озера» молодая артистка вся отдается прекрасной стихии танца. Техническая сторона этого па-де-де выполняется танцовщицей с блеском. В па-де-де из балета «Корсар» Михальченко, не отходя от сложившихся канонов, сумела внести в танец непосредственность молодости, и он засверкал новыми свежими красками...»

Таков ее мир. И вдруг...

Это было буквально за день до моего ухода в отпуск. Мне позвонила ее мама. Голос был совершенно убитый. «У Аллы очень плохо с ногой, — услышала я в трубке. — Нога распухла, покраснела. Девочка вот уже вторую неделю температурит. Зоя Сергеевна, умоляю вас, посмотрите Аллу. Она в ужасе от одной мысли, что не сможет танцевать...» Состояние этой женщины нетрудно было понять: мне звонила не только мать, мне звонила танцовщица.

Алла была тяжело больна. Абсцесс развивался на фоне общего недомогания, вызванного большими перегрузками. У нее было повышено РОЭ, была очень скверная кардиограмма, реактивность организма была снижена до предела. Вот уже вторую неделю держалась высокая температура. Она была просто раздавлена свалившимся на нее несчастьем.

Передавая больную Баднину, я просила Ивана Аверьяновича выяснить причины, вызывающие такое острое воспаление. Вместе с Риммой Ивановной он исследовал Аллу, все больше склоняясь к мнению, что инфекция была занесена еще в период амбулаторного лечения. Позже нами была сделана операция, после которой Алла почувствовала себя значительно лучше.

В окончательном успехе я теперь не сомневалась. Между тем я отлично знала, какой ценой вот уже много лет даются подобные успехи Баднину. Не в профессиональном, а в психологическом отношении. Ох как нелегко лечить артистов балета! Ох как нелегко...

Всякий раз, глядя на Аллу, я ловлю себя на том, что не могу не думать о ее адаптации к нашим условиям, к нашим пациентам.

Да, два мира, в чем-то похожих и в чем-то разных, соседствуют у нас рядом. Спорт и искусство в дни Олимпийских игр должны будут составить единое празднество. Артисты будут аплодировать спортсменам, спортсмены — артистам. Причем я уверена, что в артистах, допустим, того же балета спортсмены эстетических видов спорта найдут весьма тонких ценителей.

А артисты, в свою очередь, найдут тонких ценителей в лице многих любителей спорта.

Два мира соседствуют рядом. Когда общаешься с людьми того и другого круга в течение многих лет, уже где-то через тебя проходят перекрестки и развилки их путей.

Граница между спортом и искусством, как мы теперь привыкли считать, порой бывает неощутимой. В общем, так оно и есть. Мне трудно установить водораздел между изяществом и красотой фигурного катания и одухотворенной пластикой классического или современного танца. Не ставит ли перед собой гимнастика (и не только художественная, но и спортивная), помимо задач чисто технических, и задачи, связанные с эмоциональной выразительностью, с созданием своего индивидуального стиля? Именно отсутствие выразительности, эмоциональности, души не дает возможности некоторым технически очень сильным гимнасткам, замечала Лариса Латынина, добиться высоких спортивных результатов. Между тем в последнее время соревнования фигуристов или гимнастические турниры превращаются

в настоящие спектакли, где мы вправе говорить о попытках создать почти художественный образ.

Некоторые ревнители «чистого» спорта, его соревновательной сущности высказывают даже опасение относительно излишнего, с их точки зрения, артистизма, свойственного некоторым эстетическим видам спорта. Но они просто забыли слова Маленького Принца: «Это по-настоящему полезно, потому что красиво...»

Между тем в современном обществе законы прекрасного становятся неотъемлемой частью общечеловеческой культуры. Кстати, и само понятие «культура» есть категория эстетическая. Культура речи, культура движения, культура тела... Как легко заменяется здесь слово «культура» синонимом «красивый». Да и соревнование красиво само по себе. Разве не эстетизм лежит в основе зрелищного бума того же фигурного катания или художественной гимнастики? Красивой должна быть и сама сила. С древних времен музыка, пение и танцы сопровождали состязания гимнастов и легкоатлетов. Музы искусств покровительствовали спорту.

Однако, на мой взгляд, есть еще по крайней мере два момента, сближающие спорт и искусство. Первое — это колоссальный труд, лежащий в основе как спортивной, так и артистической деятельности. Упорный и повседневный. Труд, без которого нельзя добиться совершенства ни в той, ни в другой области.

Мне рассказывала мама одной девочки, что ее дочь, серьезно занимаясь плаванием, проплывает в день пять-шесть километров. Девочка не чемпионка мира, и, кажется, даже не перворазрядница. Ей 13 лет. Она учится в шестом классе. У нее каждый день по пять-шесть уроков. Потом еще три-четыре часа она делает домашнее задание. И почти ежедневно она проплывает около шести километров. Невероятно. Но это факт.

А труд артистов балета разве что не вошел в поговорку. Ежедневные репетиции, спектакли, классы. Часа-

ми у станка. Причем так. Если Майя Плисецкая занимается в мужском классе у Асафа Мессерера и легко переносит нагрузки, которые не всегда под силу мужчине, если для Нины Тимофеевой урок — это игра, что-то вроде утренней гимнастики, то для молодой балерины, такой, как Алла Михальченко, эти нагрузки бывают чрезвычайно велики.

Но там и тут труд — в радость. Хоть перегрузки чреваты подчас большой опасностью.

Почему этот труд в радость? Ответ на этот вопрос подводит нас к тому второму моменту, который, как мне кажется, также объединяет мир спорта и мир искусства. Труд позволяет не просто идти вперед. Он позволяет подниматься по восходящей. Это постоянный путь вверх. Завоевание ступенек, каждая последующая из которых пусть чуточку, но все же выше предыдущей.

Ну что ж, казалось бы, все эти общие черты должны были способствовать адаптации артиста к обстановке, во многом близкой ему. Здесь, где так много спортсменов, где так разнообразно представлен спортивный мир, «служитель муз» должен был бы почувствовать себя как рыба в воде. Однако «рыбка» эта чаще всего чувствует себя здесь как на сковородке.

Почему?

Почему так трудно лечить товарищей Аллы по профессии? Почему с тревогой я всматриваюсь и в ее лицо?

Действительно, с некоторых точек зрения, есть нечто общее между спортом и искусством.

Но есть иная точка зрения, с позиции которой отчетливо видна точно очерченная граница между тем и другим. Более того, грань непереходимая. Это — профессионализм.

Артист балета — это профессия. И об этом не следует забывать.

Если спорт действительно непрофессионален, то

объективно он делает спортсмена менее зависимым от превратностей спортивной и околоспортивной жизни.

Если балет — профессия, то превратности сценической жизни порой решают судьбу артиста. Есть некоторая разница между вопросом Елены Вайцеховской: «Буду ли я и в дальнейшем заниматься прыжками в воду?» — и вопросом ее соседки балерины Аллы Михальченко: «Смогу ли я танцевать?» Стоя на кончиках пальцев, трудно поверить в прочность подобной «точки опоры» даже при всей своей преданности искусству и при всем своем оптимизме.

Вот откуда этот почти панический страх перед травмой при способности переносить самые адские боли. Вот откуда это желание во что бы то ни стало скрыть даже серьезное повреждение, терпя опять-таки сильнейшие боли. Вот откуда это стремление любой ценой избежать стационара, опять-таки несмотря на боль.

Этим и труден наш второй контингент.

И лучше всех знает это наш Иван Аверьянович.

В 1966 году директор Центрального института травматологии и ортопедии академик М. В. Волков пригласил молодого врача Ивана Аверьяновича Баднина на должность травматолога-ортопеда в только что организованный врачебно-балетный диспансер Большого театра. Единственное в Советском Союзе и в мире подобное учреждение. Специфика балетной травмы требовала специальных наблюдений и специальных исследований.

Так вот, Иван Аверьянович рассказывал нам о том, какую панику среди артистов балета вызвало известие об открытии диспансера. «Теперь будет организован постоянный врачебный контроль, — говорили артисты, — и будет решаться вопрос о нашей профнепригодности».

— Вы даже не представляете, — вспоминал впоследствии Иван Аверьянович, — сколько времени, сил,

терпения и такта потребовалось для того, чтобы их успокоить, чтобы доказать, что это сделано прежде всего в их интересах.

Любопытная, кстати, деталь. Мысль академика Волкова создать специальный врачебно-балетный диспансер была положительно встречена не только в советских медицинских кругах, но и за рубежом.

Несколько лет тому назад с целью изучить опыт работы первого в мире учреждения подобного рода приехал из Соединенных Штатов бывший известный танцовщик доктор Эрнест Вашингтон. Он с большим интересом знакомился, в частности, и с исследованиями доктора Баднина.

Некоторое время спустя Вашингтон прислал Ивану Аверьяновичу статью с просьбой высказать свое мнение по ряду специальных вопросов. Баднин подробно ответил на письмо.

Спустя почти шесть лет из Кливленда (штат Огайо) на имя доктора Баднина приходит письмо. В письме его извещали о том, что в сентябре 1979 года в Америке состоится I Международный симпозиум по лечению артистов балета. В приглашении, между прочим, говорилось: «Ваше присутствие на симпозиуме внесло бы положительный вклад в дело разрядки и взаимопонимания между нашими народами, тем более что вы будете единственным из тех, кто имел бы честь представлять социалистическую страну».

Под приглашением, выдержанным в самых дружеских тонах, стояла подпись: «Директор Международного центра по лечению артистов балета доктор Эрнест Вашингтон. Кливленд (штат Огайо)».

А Баднин уже успел закончить к этому времени свою кандидатскую диссертацию и с успехом защитить ее. В этой работе был обобщен многолетний очень интересный опыт лечения травм у артистов балета. За каждой строкой его монографии стояло скрупулезное

изучение физических нагрузок артиста, специфики движения, долгие часы, проведенные в классах таких замечательных педагогов, как Уланова, Семенова, Асаф Мессерер, часы дежурств за кулисами Большого театра, многие часы общения с известными мастерами сцены и начинающей свою артистическую деятельность молодежью. Общение, включавшее не только круг специальных вопросов, но и широкий диапазон самых разнообразных интересов.

Прошло время, и этот человек стал большим другом многих известных и неизвестных артистов балета. И белый халат его стал приметой удачи. А ведь для артиста примета — штука весьма многозначащая...

Работать стало приятнее, но отнюдь не легче.

И вот почему.

— Понимаете, это люди особой, тонкой организации, это художники, — говорит Иван Аверьянович так, будто говорит не с нами, а со своими друзьями-актерами, мягко, чуть растягивая слова. — Это люди широкого эмоционального диапазона. Марина Кондратьева танцевала в Большом в день, когда умер ее отец, известный советский академик. Я знал эту семью и знал, как Марина была привязана к отцу. Вы представляете, в каком состоянии она танцевала. Танцевала прекрасно. А после каждого акта ее приходилось приводить в чувство. Таковы законы искусства. Этот эмоциональный диапазон, эта тонкость художественных натур делают человека искусства особенно чувствительным к тому, что мы привыкли называть «внешней средой».

Баднин прав, когда говорит, что у людей такого склада в минуты опасности все обостряется с особой силой. В сумерках самых мрачных предчувствий с особой силой, с особой яркостью вспыхивает одно слово: «СПЕКТАКЛЬ». Играть спектакль, танцевать партию при любых условиях, при любых обстоятельствах. Сделать все, даже самое невероятное, безумное, сделать

все, что угодно, но быть здоровой на один день, на вечер, на час.

Вечером телефонный звонок. Иван Аверьянович снимает трубку:

— Майя Михайловна, что случилось? Боли в позвоночнике? Танцуете? Когда? Сегодня... Обезболить позвоночник? А есть у вас снимок?

Рентгеновского снимка у Плисецкой не было. Бадиин отказался что-либо сделать без снимка. Но Плисецкая все-таки укол сделала. Сделала, что называется, «вслепую». Человек необычайной трудоспособности, выносливости и мужества, она пошла на риск, вытерпела боль. И риск себя не оправдал. После уколов она так плохо себя чувствовала, что спектакль с ее участием пришлось отменить. Но ведь человек пошел на подобный риск. Я не думаю, чтобы слава или материальные мотивы сыграли здесь побудительную роль. Не тот случай...

Шла «Кармен-сюита». Любимый балет Майи Плисецкой. Еще раз должна была родиться и прожить свою короткую и ослепительно яркую жизнь Кармен. Еще раз должен был прозвучать под сводами Большого театра прекрасный и трагический апофеоз Любви.

Я много раз видела «Кармен-сюиту». И всякий раз в новой эмоциональной оранжировке ее единственной исполнительницы. Что-то новое, что-то очень важное должна была сказать нам Кармен и в тот вечер. Может быть, о любви к Хозе, вновь вспыхнувшей в ней в тот последний и страшный миг, когда слились воедино Любовь и Смерть. Не знаю...

Спектакль не состоялся.

Кармен была убита прежде, чем ее успел убить Хозе. Ее не было. Ее просто не существовало в этот вечер.

Что значило это для актрисы? В этот вечер должно было состояться еще одно «прожитие» в художествен-

ном образе Майи Плисецкой. Еще одно «прожитие» ее собственной жизни.

Оно не состоялось.

«Спектакль заменяется...» Когда я подхожу к театру и читаю на афише эти грустные слова, я думаю не о моем несостоявшемся празднике, я думаю о художнике, о подлинном художнике, для которого его болезнь равносильна смерти образа. Я думаю не о его физических страданиях. Я думаю о боли душевной.

У Михаила Светлова есть стихотворение «Живые герои» и в нем строчки: «И если, не в силах отбросить невроз, герой заскучает порою, — я сам лучше кинусь под паровоз, чем брошу на рельсы героя».

Я вспоминаю эти строчки в ту минуту, когда вижу слова, перечеркнувшие афишу: «Спектакль заменяется...»

Наверное, поэтому, не оправдывая, как врач, риск, угрожающий здоровью, просто по-человечески я понимаю актера-художника, актера-творца. Как понимаю спортсмена, рискнувшего вступить в поединок, несмотря на травму, если речь идет о престиже команды, общества, страны. Если риск этот оправдан, если он не продиктован мотивами карьеризма и честолюбия.

Они делают обезболивающие уколы и бегут на тренировки и репетиции или, считая себя здоровыми, могут снять гипс в самое неурочное время, как это сделал народный артист СССР Владимир Васильев и как сделал это чемпион мира Сергей Волков. Только ли боясь конкурентной борьбы? Не верю. Верю в другое. Верю в неповторимость созданного ими образа.

Как верю в их индивидуальный спортивный почерк.

Понимает это и Иван Аверьянович. Он понимает Владимира Васильева, танцевавшего в «Щелкунчике» полтора акта с надорванной мышцей, но так и не сумевшего найти в себе силы пробыть у нас в отделении

и двух дней. Он понимает сейчас нетерпение Аллы Михальченко, ее трудную и продолжительную адаптацию, как понимает он десятки других актеров и актрис, для которых их профессия, их работа, их труд суммируются в одно короткое (к сожалению, очень короткое) слово «жизнь».

— Черт возьми, — с улыбкой восхищения говорит Иван Аверьянович, — даже гипс, даже мрамор не выдерживает и раскалывается на куски под этим натиском, под этим стремлением самовыразиться через художественный образ. Попробуйте-ка их уложить. Попробуйте-ка их как следует полечить. Тут, дорогая Зоя Сергеевна, такое терпение надобно, такая дипломатия требуется, что, прежде чем сказать «да» или «нет», двадцать интонаций отрепетируешь по системе Станиславского.

Это тоже к вопросу о нерасторжимости, неотторжимости человека и его дела. И, конечно же, подобная органическая связь вовсе не привилегия только артистов и только спортсменов. Многие из нас вписывают строчки частной жизни в страницы «служебного романа», и, в свою очередь, его страницы становятся страницами нашей личной жизни.

И если я говорю о спортсменах или об артистах балета, то только потому, что это люди, с которыми мы повседневно общаемся, люди, которых мы успели изучить, люди, которых мы знаем.

* * *

...Ночью, когда не будет врачей, обходов, процедур и в сестринской уставшие ночные сестры прикорнут на жесткой кушетке, забывшись легкой тревожной дремотой, в триста двадцать шестой палате еще долго будет слышен шепот:

— Ну как у тебя с ним?

— Не знаю. Иногда кажется, любит меня. А иногда... Иногда другое...

— Что другое?

Вздох.

— Как тебе объяснить?.. Иногда вдруг кажется, что любит он не меня, а себя в любви. Понимаешь, даже не саму любовь, а себя в любви...

— Выдумываешь тоже. Это все от комплексов.

— Может быть...

— Ты-то его любишь?

— Люблю.

— Любишь. Знаю. Вчера ведь извелась вся, пока пришел. Даже в лице изменилась...

С испугом:

— Правда?

— Выходила бы за него замуж. Пока он не раздумал.

— А мне не надо того, кто раздумает. Лучше уж так... Живут же другие...

— Ты так не сможешь.

Лежат с широко раскрытыми глазами. Слушают ночь. Слушают звезды... Ждут своих принцев, своего капитана Грея. Ждут даже тогда, когда любят. А может быть, ждут именно потому, что любят?..

БЕЗ НЕБА НЕТ ЗЕМЛИ...

Мои пациенты... Сомневаюсь, чтобы они вспоминали нас так же часто, как мы вспоминаем их. Тревожимся. Думаем. Мы — эпизод в их жизни. Они — наша жизнь. В этой разнице вся штука.

Мои пациенты...

Память в конце дня отсеет многое. А главное, она

отсеет то, что становится будничным, каждодневным, привычным. Она просеет все это сквозь заботы и суетность дня, оставляя лишь наиболее крупное, яркое, волнующее. В конце дня, возможно, я не вспомнила бы обход. Если бы он ограничивался сугубо врачебными рамками. Но обход — это контакт. Это вопрос: кто есть кто?

Кто из них окажется мужественным перед лицом нового испытания? Кто из них подготовлен вчерашней борьбой на стадионе к борьбе сегодняшней в стенах стационара? Кто из них выдержит? И кого боль сломает прежде, чем он успеет адаптироваться к новому для него микроклимату больничной палаты? Человек болен. Но заболевал он не постепенно. Не постепенно отламывалась, откладывалась от него тускнеющими осколками мозаика многоцветного, многозвучного мира. Здесь все произошло иначе. Здесь все случилось вдруг, внезапно. Травма — это всегда вдруг. Прерывается скорость, сужается пространство. Бешеный ритм, бешеный темп — и «стоп-кадр». Все. Точка. Белое безмолвие потолка. На этом белом экране — драма. Действующих лиц — двое. Человек и Боль. Боль предъявит к человеку свои жесткие требования. Она подвергнет неожиданному экзамену, экзамену без подготовки все: разум, характер, волю, даже вкус. В ком, где и когда откажет мужество, не выдержит характер? Кто сдастся? Кто спишет надежды, стремления, мечту за счет случайности и обстоятельств? Боль может изматывать своей упорной постоянной настойчивостью и ударить исподтишка, ударить сильно, обескураживающе. Кто, не сумев сдержать инерцию вчерашнего дня, так и не сможет втиснуть себя в прокрустово ложе больничной койки? Кто, так и не сумев сдержать свой темперамент, не примирится с мыслью, что в эти минуты вынужденного бездействия кто-то обходит его на дистанции? Кто, отбросив костыли, пре-

возмогая боль, решится сделать свой первый шаг второй раз в жизни? И кто, вцепившись в ручку костылей, так и не сможет найти «точки опоры»? По ту сторону болевого барьера пристально всматривается в моего пациента недуг (почти «недруг»). По эту сторону барьера следит за ним врач.

Да, по-разному переносят микроклимат больницы наши пациенты, хотя для каждого из них главным остается возвращение на дистанцию. Именно неотторжимость человека от того, что стало для него больше, чем просто увлечением, питает его титаническое терпение, способность ждать, надеяться, верить, переносить эту неподвижность, застылость, загипсованность.

Как-то на днях в ординаторскую вошла Римма Ивановна. Села на диван. Долго молчала, уставившись в одну точку. Она только что вернулась из палаты, куда мы сейчас направляемся и куда войти без волнения невозможно. Долго длилось это молчание. Потом, словно очнувшись, словно только что заметив нас, она негромко произнесла: «Нет, понять это невозможно. Другое измерение. Инопланетность... Понимаете, она падала с высоты полторы тысячи метров. Не раскрылись оба парашюта... Спрашиваю: «Зина, опять — в небо?» Она улыбается. Понимаете, ей жалко человека, который может задать такой вопрос. Непостижимо...»

Сейчас мы войдем в эту палату.

Кровать справа у окна. Между спинками металлическая штанга. Чтобы, взявшись за нее рукой, можно было приподняться. С белых, высоко подоткнутых подушек будут смотреть на нас удивительно живые, умные, большие глаза женщины. И на губах непременно будет приветливая улыбка, скромная и искренняя. При нашем появлении женщина засуетится, задвигается, ей будет неудобно, нет, не лежать — к этому неудобству она уже давно привыкла, — ей будет неудобно оттого, что она лежит, оттого, что не может встать нам на-

встречу. Но зато все выразит крепкое рукопожатие и все та же улыбка на красивом лице.

Об этой женщине нельзя рассказывать походя, между прочим. И потому, что это было бы нечестно по отношению к ней как безусловно незаурядной личности. И потому, что это тот случай, когда характер был необходим спорту ничуть не в меньшей степени, чем необходим сам спорт для формирования характера и воли.

Если бы мне пришлось рассказывать об этом человеке или писать о нем, я назвала бы свой рассказ рассказом о человеке, для которого без неба нет земли.

Я бы начала этот рассказ с небольшого старинного городка, каких десятки, а может быть, тысячи в России. С городка, где все русское: история, характеры, судьбы... С той «родинки», которой отмечен каждый из нас однажды и на всю жизнь. Потом будут Франция и Италия, Болгария и Новая Зеландия, Чехословакия и Австралия. Но чем дальше будут уносить ее крылья, тем ближе он будет, этот скромный и в общем-то ничем не примечательный городок, с которого началось ощущение Родины. Для нее это Егорьевск.

На окраине города — небольшой аэроклубовский аэродром.

Часами смотрит она, как раскрываются разноцветные зонтики парашютов, как, покачиваясь, парят в воздухе крохотные человеческие фигуры, как все сильнее и сильнее притягивает их к себе земля. И вот касание, белый шелк, разливающийся по зеленому полю...

Она не просто следила за прыжками. Она повторяла движения этих смельчаков, старалась пережить те же ощущения, и с каждым днем, все острее становилась потребность высоты, необходимость неба...

Она уже знала все системы, все парашюты, знала каждую их ниточку, каждую складку.

...Две девчонки из параллельного девятого класса занимались в парашютной секции аэроклуба. Они никогда

не принадлежали к числу ее близких друзей. Просто были знакомы по школе. И узнала она об их увлечении совершенно случайно, когда увидела их однажды на летном поле.

На следующий день перед уроками она подошла к ним:

— Девчонки, вы занимаетесь в аэроклубе?

— Занимаемся. А что? Хочешь поступить?

— Хочу.

— Вообще-то группы уже набраны. Сейчас вряд ли возьмут.

— Возьмут.

Юные парашютистки переглянулись.

— Вряд ли, — сказала одна из них. — Но сходить можно. Приходи в аэроклуб.

...Зина Курицына оказалась настойчивой, и ее приняли.

У мамы их было четверо. Трое сыновей и одна дочь. Конечно, Зину не очень устраивало то, что она родилась девочкой. Но уж если так случилось, то, во всяком случае, она постарается ни в чем не уступить братьям. Первый разряд по легкой атлетике, первый по лыжам... Маленькие ступеньки самоутверждения. Маленькие, но все-таки...

И вот теперь...

Младший, который уже второй год занимался в аэроклубе — летал на вертолетах, отнесся к новому увлечению сестры крайне отрицательно. Прыгать, считал он, это не для девчонок. Но она-то отлично понимала истинную причину — он просто очень волновался за нее. Как только брат видел ее в аэроклубе или на летном поле, он принимался гнать ее домой, и, когда ни одна угроза не помогала, брат прибегал к самой сильной: «Ты что хочешь, чтобы мама узнала?»

Нет, этого она не хотела. Во всяком случае, пусть это случится позже, чем раньше.

...Ну скорей бы Кутузов перешел Березину и кончился бы шестой урок. Она снова унесется к своим парашютам...

Но время подгонять не надо. Уже конец учебного года. Скоро практика. А там и лето...

Практика начиналась в первых числах июля. Работать она пойдет на фабрику, туда, где работала мама. С этим все ясно. Для большинства егорьевских девчат будущее — это то, что составляло настоящее их матерей. Так было всегда, так будет и впредь.

9 июля в семь часов утра должен был начаться для Зины ее первый рабочий день на ткацкой фабрике...

Между тем занятия в аэроклубе шли своим чередом. Правда, в последние дни занятия проводились более интенсивно, чувствовалась какая-то приподнятая атмосфера, инструктор был как никогда требователен, но требовательность эта почему-то только радовала ребят. Все чаще шли разговоры об отъезде в лагерь спортклуба.

— Ребята, когда назначены прыжки?

— Говорят, выезжаем восьмого. Начнем, наверное, девятого с утра.

Зина побледнела:

— Как девятого?

— А почему тебе не нравится девятое? Это же не тринадцатое?

— Нет-нет, это невозможно. У меня ведь первый рабочий день.

Она была в отчаянии. Первый прыжок... Первый... И она не сможет прыгать...

Положение было безвыходным. Не пойти на работу она не могла.

И вот теперь, когда так близко было то, о чем она мечтала все это время, когда так близко было то, чем она жила все эти дни, надо было отказаться от поездки в лагерь, от первых прыжков. И кто поверил бы сейчас

в самые уважительные причины? Струсила. Просто струсила.

Нет, надо успокоиться. Надо все спокойно и трезво обдумать.

Значит, так. В лагерь они уезжают восьмого во второй половине дня. Прыжки начинаются девятого в шесть. В шесть их уже поднимут в воздух. Если ее выпустят первой... Стоп. Смена на фабрике начинается в семь. До города на автобусе минут пятнадцать. До автобуса минут десять. Успею. Успею. Надо только предупредить инструктора. Она должна успеть.

Теперь — мама. Что сказать ей? Ведь еще никогда в жизни она, Зина, не отлучалась из дому на ночь. Надо сказать правду. Больше тянуть нельзя.

Мама пришла после смены уставшая.

— Ты почистила картошку?

— Да, мамочка, конечно. Уже сварила.

— Умница. Иди занимайся. Я сама подогрею.

— Ну что ты. Я все сделаю.

Наверное, первую ошибку она невольно, незаметно для самой себя допустила именно здесь. В тоне. В жесте. Мать удивленно взглянула на нее.

— Что это с тобой?

— Ничего. А что?

— Что-то ты не в себе вся. Что случилось?

— Честное слово, ничего. Да, ты знаешь, мам, — начала она как бы между прочим. — Наши ребята из аэроклуба уезжают на два дня в лагерь.

— Какой лагерь? Какие ребята?

— Мам, но ты только не волнуйся. Понимаешь, я давно хотела тебе сказать... Я занимаюсь в парашютной секции.

— Где?! Господи, мне еще парашютистки не хватало. Один на вертолетах шею себе хочет сломать, другая и того пуще — с неба прыгать хочет. Да вы что, с ума посходили?

Мать говорила, говорила, говорила... Слова, ударяясь о плотное, спрессованное молчание дочери раскалывались на отдельные звуки и с оглушительным звоном рассыпались вокруг. Но дочь не слышала их.

И мать поняла. Она поняла, что вопрос давным-давно решен, что у нее просто нет сил что-нибудь изменить. И вряд ли есть вообще кто-нибудь, кому это было бы под силу. Она слишком хорошо знала этот прямой и твердый взгляд (не в сторону, не на потолок, а прямо в глаза), эти плотно сжатые губы, эту способность мгновенно одеваться в камень.

Мать обмякла, как-то расслабленно опустилась на стул, даже не замечая, стоит ли он, безвольно опустила на колени руки, натруженные, уставшие, ушла в себя, закрылась.

О чем она думала в эту минуту? О чем думаем все мы в такие минуты? О чем думала я, когда не все ладилось в семье моего старшего сына и он был близок к опрометчивому решению? О чем думала я, когда младший, увлекшись спортом, забросил институт? Думаем о том, готовы ли мы, матери, к той минуте, когда дети становятся взрослыми (или им кажется, что они становятся взрослыми?). Но рано или поздно час этот наступает.

Час выбора пути. Час их решения.

Нет, дети уходят от нас не с отъездом в дру́гой город, не с переменой места работы и не с женитьбой.

Это происходит значительно раньше. Это происходит в час решения. В час выбора пути.

Да, конечно, мы желаем нашим детям счастья. И мы считаем себя счастливыми, когда их решения соответствуют нашим желаниям. С позиции родительского альтруизма нашему одобрению подлежит лишь обозримая нами площадь, в центре которой нередко не твой сын или дочь, а мы сами. Но с этой позиции бесконечной и не всегда разумной родительской любви подчас

трудно рассмотреть то, что видят там, за горизонтом, твои дети.

Опыт? Наш богатый жизненный опыт... Но всегда ли доверяют ему наши дети? Иной мир, иное время, иные представления, иные оценки... «Ну что ты, мама, говоришь. Это же было в ваше время. Сто лет назад...»

И невольно ловишь себя на мысли: а может быть, они правы?..

Но рано или поздно он наступает, этот неотвратимый час выбора решения. Согласна ли ты с этим решением или нет, но мера твоей вины, не будет ли она одинаковой и в том случае, когда ты воспротивишься этому решению, а оно окажется правильным, и в том случае, когда ты согласишься, а оно будет роковым? Отойти в сторону? Занять позицию невмешательства? Но, когда речь идет о твоем ребенке, возможно ли это? Как ни странно, но некоторым (особенно папам) это каким-то чудом удается. Но папы ли это?

Должна быть какая-то высшая мудрость, к сожалению, не всегда и не во всем нам доступная. Не наломать бы дров... Не вырубить бы вместе с сухостоем молодые саженцы надежд и поисков... Не сломать бы деревце, не изуродовать бы... Но и не дать ему обрасти густой неопрятной кроной пустого прожектерства, кроной, не дающей пробиться лучам подлинного, а не мнимого благополучия. Подлинного, а не мнимого счастья...

Где грань? Где рубеж? Где ответ? Может быть, в материнском сердце?

Только и остается, что желать этим упрямцам счастья. Болеть и страдать за них. Гордиться? Прекрасно, если можно гордиться. А вообще-то были бы счастливы да живы...

Живы... Она боится за своего младшего. Земли ему мало. Лезет в небо... И вот теперь туда же дочь. Как вот тут поступить? Пока привыкнешь (если когда-ни-

будь вообще привыкнешь), поседеешь вся. Глаза выплачешь. И вот ведь поди ж, без этого самого неба, что сваливается на нее сейчас, давит и гнет к земле всей своей тяжестью ее материнские плечи, без неба этого нет для ее детей земли.

— Уезжаете-то когда? — Первые слова, которые Зина слышит.

Бросается им навстречу вся, целиком.

— Восьмого вечером, мамочка.

— Как восьмого? Тебе же на работу?

— Неужели ты думаешь, что я могу тебя подвести?

— Сумасшедшая...

Ночью мать не сомкнула глаз. Не спала и Зина. Вертелась, крутилась, забываясь коротким тревожным сном. Волновалась за мать.

Утром — а утро у ткачих раннее — мать подошла к дочери. Присела на краешек кровати. Поцеловала.

— Ты поосторожнее все же... Скажи этому черту лысому, как вы там его величаете?.. Инструктор, что ли?

Зина смеется:

— Мам, да он совсем не лысый. У него чуб, как у Тараса Бульбы...

— Ничего, еще будет лысый... Доберусь я до его чуба. Ты хоть ему скажи, чтоб не высоко поднимал...

— Мам, ты не волнуйся. Я скажу...

...Пройдет пятнадцать лет. Эта девушка из Егорьевска совершит 4325 прыжков (вот уж когда действительно сумму надо писать прописью, вдумываясь в каждую цифру — четыре тысячи триста двадцать пять прыжков!). Она установит 18 мировых и всесоюзных рекордов. Станет абсолютной чемпионкой социалистических стран и чемпионкой Советского Союза. Но на вопрос о самом счастливом дне в своей жизни мастер спорта международного класса Зинаида Курицына (вот вам и «нелетающая» фамилия!), не колеблясь ни минуты, ответит:

— День моего первого в жизни прыжка.

Сейчас в отделении спортивной травмы ЦИТО, прикрученная к кровати приступами острых болей в бедре, Зина так рассказывает об этом дне своим соседкам по палате:

— Лагерь подняли в три часа утра. Аэродром в лесу. Красотища необыкновенная. Представляете: высоченные сосны на фоне постепенно голубеющего неба словно силуэты огромных странных великанов. Свежесть такая, что пьешь этот воздух взахлеб, пьешь и не можешь напиться. Позавтракали, надели комбинезоны, нацепили парашюты — и на аэродром. Ан-2 уже ждал нас. В самолете среди ребят я оказалась одна. Сидела возле иллюминатора. Все видно: деревни, ниточки дорог, наш лес... Ощущение такое, что это все во сне, что все это не с тобой. И в то же время, как будто это уже было. Но где? Когда? Просто много мечтала об этом... Ребята, конечно, подшучивали. Прыгали они уже по нескольку раз, а тут новичок. Да еще девчонка. Теперь я понимаю, что они просто по-своему, по-мальчишески, даже где-то, как им казалось, по-мужски старались подбодрить меня. Но мне, девчонке, действительно не было страшно. Честное слово. Наверное, оттого просто, что в мыслях я летала и прыгала уже десятки и даже сотни раз.

Прыгнула сама. Частенько новичков подталкивают. Иногда приходится. Но я прыгнула сама.

Отрываешься... Летишь несколько секунд — душа где-то в пятках. Потом перемещается куда-то к голове. Первые секунды, наверное, страшно. Но их не успеваешь засечь. Я, например, не успела. Легкий толчок, и над тобой раскрывается купол. Ты уже не падаешь, не несешься камнем вниз. Ты паришь в воздухе, покачиваясь на стропах, как на качелях.

А теперь, девчонки, представьте. Голубое-голубое небо. Безбрежное, бесконечное. Оно всюду, оно кругом.

Ты в середине хрустального шара, среди солнечных бликов. И только на самом дне этого прозрачно-голубого шара, прямо под тобой и чуть дальше в сторону зеленое кружево деревьев. Над лесом и полем тонкие пряди седого тумана. Из оранжевого марева выкатывается и повисает над линией горизонта огненно-рыжий шар июльского солнца. Тишина... Сказочная, неправдоподобная. Тишина, небо и ты...

Помню, что мне хотелось петь и орать во все горло, орать на весь мир, какая я счастливая. Хотелось танцевать и прыгать. Хотелось дурачиться, потому что я была свободна, была в той самой высшей точке, к которой так стремилась, с которой открывается необозримость твоей мечты. Это просто невозможно передать словами. Это надо пережить. Пусть один раз в жизни, но, честное слово, девчонки, нужно...

Парашют опускался все ниже. Вокруг меня расчерчивали небо стрижи, я слышала их приветственные крики. Я ощущала поднимающийся мне навстречу запах просыпающихся трав с их капельками утренней росы.

И вдруг, когда, казалось, было все, что только может быть, когда я была переполнена окружающим, а окружающее было переполнено мною, я услышала, как с земли поднимаются мне навстречу звуки нашего гимна. Представляете, девчонки... Услышать в небе гимн! Сначала я не поняла, откуда эти звуки. Казалось, музыка звучала во всем, что окружало меня в эту минуту. Потом я поняла. Просыпался наш лагерь. Ребята, оставшиеся на аэродроме, включили динамик. Было ровно шесть часов утра...

Так под звуки гимна я и приземлилась. Но совсем не туда, куда было нужно. Купол моего парашюта накрыл собой две высоченные сосны. Я висела между деревьями, болтая ногами, всего в пяти метрах над землей...

Было шесть часов десять минут. До начала смены оставалось меньше часа.

Инструктор, задрав голову, смотрел на сосны. С аэродрома было видно, как свежий утренний ветерок относил парашют к лесу.

— Зи-и-и-на-а-а... — неслось по лесу, подхваченное гулким раскатистым эхом...

Наконец, задрав в очередной раз голову, инструктор прямо над своим носом увидел болтавшиеся в воздухе длинные ноги. Верхняя половина того, что по его предположению должно было быть Зиной, выделывала совершенно немыслимые движения. Что-то среднее между танцем живота и попыткой поднять себя за голову.

Зина и в самом деле прибегала к самым ухищренным приемам, чтобы снять с деревьев парашют. И стропы, конечно, запутывались еще больше.

— Слезай! Слезай! Опоздаешь. Мы сами снимем. Все будет в порядке. Давай! Еще успеешь на автобус...

Она увидела автобус совсем рядом, на повороте. Это была удача. Но счастье, обдав ее запахом бензина, промчалось мимо.

Теперь, если она хочет успеть на фабрику, надо бежать на остановку, ставя самые сумасшедшие рекорды. Можно было отчаяться от этих сплошных невезений, можно было махнуть на все рукой, смириться.

Она побежала.

Зина вскочила в автобус в тот момент, когда водитель уже закрывал дверь. Она упала на сиденье и отбросила голову на его спинку...

Было шесть часов двадцать пять минут.

Ровно в семь она была в цехе.

А через несколько минут дверь цеха распахнулась, и Зина увидела мать, бежавшую к ней вдоль длинного ряда ткацких станков.

— Живая! Господи, живая!

Мать, не стыдясь, вытирала слезы...

— Понимаете, девчонки, этот день был для меня самым счастливым не только потому, что в этот день я совершила свой первый прыжок. Я поняла, что могу добиться своей цели. Что я не слабее и не хуже других. Для меня всегда, сколько я себя помню, было самым важным выяснить только один вопрос: смогу или не смогу я сделать то, что кажется мне сейчас трудным, сложным, недоступным. Ведь многое мы теряем оттого, что успеваем отказаться от своей цели прежде, чем пытаемся достичь ее. Мы, удовлетворясь тем, что легче, проще, доступнее, обкрадываем себя, часто не замечая этого. А хочется дышать полной грудью. Как тогда там, в небе над аэродромом нашего маленького аэроклуба...

В этом вся штука. В этом сердцевина ее характера, цельность натуры. Не только само по себе достижение цели, но и характер ее выбора — всегда чуточку выше уже достигнутого.

Весь день, с самого утра, на протяжении всего обхода я продолжаю думать сегодня об этой потребности сильных и по-настоящему мужественных людей осознавать цель как объект достижения только в том случае, если путь к нему достаточно тернист, но прекрасна сама цель. Недаром же говорили древние: «Пер аспера ад астра» — «Через тернии к звездам». Но с той разницей, что страдание понимается здесь отнюдь не в духе христианской морали.

И еще одна мысль, глядя на эту многострадальную, но несломленную женщину, сумевшую перенести такие боли и такие физические страдания, что десятой их доли хватило бы другому, чтобы распрощаться с жизнью.

И мысль вот какая. Подобная сила характера, отчасти врожденная, а в большей степени благоприобретенная в борьбе с трудностями и в борьбе с собственными слабостями, решает одну из самых, на мой взгляд, важнейших личностных задач. Она, эта сила, обеспечивает запас прочности для того, чтобы выжить и победить

в самых сложных, в самых, казалось бы, безвыходных ситуациях. Ибо всего предвидеть, предугадать, приготовиться ко всем неожиданностям просто невозможно.

Не знала и Зина, да и не могла знать, в какую ловушку загонит ее жизнь пятнадцать лет спустя после ее первого прыжка, какой экзамен готовило ей то самое небо, без которого не было для нее земли.

А между тем каждый день из этих пятнадцати лет, каждый из четырех тысяч трехсот двадцати пяти прыжков были подготовкой к тому, что случилось с ней в одну из октябрьских ночей 1978 года...

...А пока жизнь шла своим чередом. Она работала в цехе. Шила детскую обувь. Овладевала смежными специальностями. Ей не нужно было привыкать к рабочей среде, к этому четкому ритму, к образу мыслей, привычкам и вкусам, ко всему жизненному укладу этих людей. Она была частью их самих. Так же, как ее мать и бабушка.

Здесь не последнее место занимали сила и выносливость. Очень сильная от природы, Зина работала легко, играючи, ей не приходилось привыкать к нагрузке восьмичасового рабочего дня. Любознательная, она уже владела всеми смежными профессиями. Живость характера, радушие, умение зажечь самый «сырой материал» сделали ее любимицей цеха. Нравился и характер. Упорный, настойчивый, крепкий.

И когда ее, восемнадцатилетнюю девчонку, в общем-то только начинавшую свой трудовой путь, избрали депутатом, здесь, наверное, и сфокусировалось то, что видел в ней каждый и что видели все.

Она продолжает прыгать. В любое время года. В любое время суток.

Вот коротенькая, так сказать, выборочная хроника ее спортивной жизни тех лет. Только самое главное.

Ей было девятнадцать, когда она совершила 211 прыжков, показав результаты, намного превышающие результаты мужчин. С филигранной точностью она выполняет в свободном падении все шесть фигур обязательной программы, включая сальто назад. Игра с высотой, игра с земным притяжением. Попытка остановить мгновение...

1969 год. Первая серьезная травма. Разрыв связок в голеностопном суставе. Операционный стол... Два-три шага по земле... И снова в небо...

В 1972 году Зинаида уже призер Вооруженных Сил. А два года спустя впервые становится чемпионкой Советского Союза.

Это не просто прыжки. За сорок секунд в свободном падении необходимо построить шестнадцать фигур. Всего сорок секунд... Выброска. Полет вниз... До градуса выверенный угол падения... Планирование... Доли секунды, за которые ты должен увидеть того, с кем должна произойти сценка в воздухе. До сантиметра рассчитать стремительно сокращающееся расстояние... Не проскочить... Успеть взяться за плечо... Застыть на мгновение в воздухе в ожидании следующего... Пристраивается один, другой, третий... Строится фигура... Силы земные пытаются разорвать крепко сцепившиеся руки, вырвать и притянуть к земле того, кто окажется слабее... Падение, которое надо сделать полетом, эстетикой парящих фигур...

Всего сорок секунд...

1975 год. Франция. Фонтенбло. Небо над знаменитым дворцом французских королей. Зонтики парашютов. Международная товарищеская встреча. Успех советских спортсменов. Ее успех...

1976 год. Болгария. Первенство социалистических стран. Восемь раз она поднимается в воздух. Восемь раз прыгает и восемь раз попадает в «ноль». Иными словами, в центр небольшого круга. Совершенно уни-

кальный результат. Перекрыты все мировые рекорды. Из пяти комплектов золотых медалей, разыгранных на этих соревнованиях, все пять вручаются представительнице Советского Союза Зинаиде Курицыной.

Тот же 1976 год. Италия. Чемпионат мира по парашютному спорту. Серебряная медаль.

1977 год. Вновь чемпионка Советского Союза.

Наступает 1978 год. Зинаида Курицына идет на побитие мирового рекорда американской парашютистки Стерне.

Сорок два раза поднималась американка в воздух и сорок два раза опускалась в центр круга. Задача, стоявшая перед советской спортсменкой, была не из легких. Но для Зины она и была заманчива своей сложностью.

Прыжки шли днем и ночью. Согласно общим правилам один прыжок должен был совершаться днем и один ночью. Зина поднималась в воздух по 12—15 раз в сутки. Уже установлены два мировых рекорда в групповых прыжках и семь мировых рекордов в индивидуальных.

Восемьдесят один раз Зина поднимается в небо и восемьдесят один раз опускается в «ноль». Рекорд американки превышен вдвое.

Сказывается усталость. Сказываются нагрузки.

Но, кажется, наконец все. Еще один последний групповой прыжок.

...К двум часам ночи поднялся ветер. Тронулся и поплыл куда-то дальше на юг табор облаков, заночевавший под вершинами дальних гор. Ветер гнал со скал холодный воздух, собирая в глубокие черные складки и без того плотную иссиня-черную ткань южной ночи. Там дальше, за темными силуэтами разбуженных в неурочный час деревьев, вспыхивали огни аэродрома. Луч

прожектора на мгновение разрезал черное полотнище, высвечивал серую прядь облака, пытался пробиться дальше, вверх, но быстро терял силу и возвращался к земле.

Цепочка людей садилась в самолет. Ветер, с разбегу подхватывая с земли пригоршни песка, старался непременно попасть в лицо. «Покрутит сегодня. А может быть, стихнет?..» Зина бросила последний взгляд на вершины деревьев и нырнула в кабину.

На высоте 1600 метров самолет лег на курс выброски. Как и пятнадцать лет назад во время первого полета, она снова сидела возле иллюминатора. За окном кромешная мгла. Нет ни высоты, ни расстояния, ни скорости. Вакуум. Космос... И только где-то далеко мерцали светлячки. Похожие на те, что видела она в Новой Зеландии несколько лет тому назад в знаменитой пещере, которую новозеландцы, конечно же, называют восьмым чудом света. Абсолютный мрак, вот такой же, как сейчас там, за стеклами иллюминатора. Огромный черный шар, полый внутри. И ты в середине этого шара. Так тихо и так темно, что ты теряешь ощущение собственного тела, растворяясь в этой черноте. И вдруг в этой тишине, в этой вечной ночи начинают сверкать слева, справа, сверху, снизу мириады искр, мириады крошечных огоньков. Фантастическое зрелище. Но вот — всплеск воды, всплеск весла скользящей по пещерному озеру лодки — и светлячки мгновенно гаснут, и вновь все погружается в абсолютную мглу. Сказка...

Здесь, в ночном небе, ощущение почти то же. Только ровный рокот мотора и огни не вокруг тебя (вот если бы были звезды, но их нет), а только где-то под тобой, глубоко, на самом дне этого огромного шара...

Опознавательные огни аэродрома. Место выброски.

Она очнулась от мгновенного забытья. Первый уже встал и начал пробираться к двери. Она прыгала третьей.

— Приготовиться! Пошел!..

Порыв холодного ветра ударил в лицо и грудь. Ветер словно пытался затолкнуть ее обратно в самолет, словно ему были ведомы предчувствия и сомнения. Потребовался довольно сильный толчок, чтобы отделиться от кабины.

1600 метров разверзшейся под тобой бездны...

Она неслась к земле, еще невидимой, но ощутимой своим властным, нарастающим с каждой секундой притяжением.

Прикрепленный к рукаву фонарик осветил циферблат высотомера.

1100... 500 метров свободного падения. Пора...

Привычным, ставшим уже рефлекторным, движением Зина выдергивает кольцо. Но знакомого легкого толчка нет. Скорость падения та же. Мысль, острая, как бритва, перерезает логическую нить прыжка: рифовочный шнур! Шнур, раскрывающий купол... Он запутан! Парашютистка делает отчаянные попытки распутать его, но уже понимает, что силы уходят зря: шнур завязан порывом ветра. Купол уже не раскроется, не наполнится воздухом...

...Все, кто был в эту ночь на аэродроме, — судьи, инструкторы, парашютисты, летчики, механики, — с каким-то оцепенением смотрели в непроницаемо-черное небо, в котором стремительно падала относимая в сторону крохотная звездочка. «1100... 800... 500 метров» — засекали наземные приборы. «Почему тянет? Почему не раскрывает? Не затяжной же...» Беззвучные вопросы неслись от одного к другому. И уже все понимали: что-то случилось. И все-таки прятались за эти, уже ничего не значащие вопросы. Потому что в них еще оставалась неопределенность, а следовательно, и надежда...

...И все-таки пока есть еще высота, надо попробовать распутать шнур. И снова неудача. Падает высота... Уходят секунды... Теперь, когда не оставалось сомнения, что неисправность устранить не удастся, надо было как можно быстрее освободиться от ставшего не только бесполезным, но и опасным основного парашюта. Если этого не удастся сделать, то нельзя будет воспользоваться и запасным: над головой рвался из стороны в сторону шелковый ком. Стараясь освободиться от него, парашютистка нажала замок правой лямки. Замок сработал, и лямка тут же пошла вверх. Теперь оставалось открыть левый замок...

...Сначала звездочка падала вертикально вниз. Но вот внутри этой вертикали начали проявляться короткие, прочерченные в разных направлениях траектории. Видимо, рука, к которой был прикреплен фонарик, пыталась сделать какие-то движения.

Там, наверху, человек, невидимый с земли, вел отчаянную борьбу за свою жизнь. Он что-то пытался сделать. Но что? И что вообще произошло на этой колеблющейся под порывами ветра полуторакилометровой черной вертикали?

Бессилие метало людей из стороны в сторону, оно ожесточало их против самих себя, оно унижало и уничтожало их. Люди избегали смотреть друг другу в глаза даже в те краткие мгновения, когда онемевшая шея уже не в состоянии была поднять их голову вверх...

...Пальцы ее вцепились в клапан левого замка. Но замок не срабатывал. У нее были всегда очень сильные руки, очень сильные пальцы. Теперь, посиневшие от напряжения, они отдавали свою, казалось бы, сверхсилу. Замок не срабатывал. Если не сработает, освобо-

диться от основного парашюта она не сможет. И тогда...

Молнией вспыхнуло лицо Гали. У нее тоже не сработал основной. Надо было освобождаться. Она нажала на клапан замка. Замок не открылся. Она продолжала жать и жать. Но страх уже парализовал мозг, выключил память. Смятение и ужас овладевали ею с каждым потерянным метром и с каждой потерянной секундой. Она уже ни в чем не отдавала себе отчета. И только продолжала жать. Жать уже давным-давно открывшийся замок. Так ее и нашли, смертельной хваткой вцепившейся рукой в клапан открытого замка... Это молнией, в доли секунды...

Левый замок не открывался. Между очередными попытками открыть его Зина успевает бросить взгляд на высотомер. 300 метров... Высота потеряна. Теперь, если бы она решила перерезать лямку ножом, она, возможно, и успела бы это сделать, но уже не успела бы раскрыть запасной парашют. Между тем с каждой секундой она продолжала терять высоту...

...Теперь те, кто оставался в эти минуты на аэродроме, уже понимали: человек пытался освободиться от основного парашюта и по какой-то причине не мог этого сделать. «Неужели она могла забыть о ноже? Нет, кто угодно, но только не она. Слишком велик опыт, слишком сильный характер. И все-таки...»

С каждой секундой все круче становилась траектория звездочки. И все больше становилась скорость падения...

...Над головой продолжал болтаться из стороны в сторону шелковый ком. Если сейчас она все-таки вырвет кольцо запасного, то его стропы запутаются

о стропы основного парашюта прежде, чем успеет раскрыться купол.

И все-таки это последний и единственный шанс.

Страшнее бешено несущейся навстречу земли была стрелка высотомера. Но парашютистка все-таки заставила себя взглянуть на нее. Всего 200 метров.

Двести метров отделяли ее от развязки.

В этот момент она выдернула кольцо запасного парашюта.

Все это время, начиная с того мгновения, когда она бросила свое тело в черный провал ночи, ветер, казалось, ждал этой роковой минуты. Рука ее еще сжимала кольцо, когда его порыв в исступлении свил оба парашюта в один огромный, но безжизненный клубок.

Уже не было ни высоты, ни расстояния. Но она все еще продолжала вести свой поединок со смертью. Итак, 200 метров. Через несколько секунд уже не понадобятся ни основной, ни запасной парашюты. Все будет кончено. Но есть еще эти последние 200 метров. Она не хочет знать, что будет через секунду. Есть последний шанс, последняя попытка.

Последнее, что она еще успевает сделать в эту единственную секунду, отделявшую ее от земли, — это изо всех сил подтянуться на стропах, расположив свое тело так, чтобы удар пришелся на все, что угодно, но только не на голову и позвоночник, сжаться в пружину, чтобы самортизировать собственным телом.

Теперь она была готова принять землю...

Так шла эта борьба человека с неминуемым, с неотвратимым. До последней секунды. До последнего мгновения.

...Все дальше в сторону относил ветер падающую с неба звезду. Уже никто не суетился, не двигался, не пытался что-либо сделать. Какое-то общее оцепенение овладело людьми. Казалось, вот-вот разваливающееся

на куски небо рухнет на землю, похоронив под собой последнюю надежду.

А ветер все еще продолжал относить в сторону, куда-то за темный силуэт леса уже едва различимый огонек. Вот он сверкнул в последний раз уже над самым лесом, сверкнул в коротком и бесконечном «Помните...».

И в этот же момент люди, стоявшие на аэродроме, точно обожженные этим крохотным огоньком, рванулись с места...

...Ее нашли в 800 метрах от места приземления остальных парашютистов. В метре от той точки, где она упала, лежала груда битых кирпичей и обрезок водопроводной трубы.

...Состояние больной, которую доставили поздно ночью в отделение доктора Ибрагимова, было очень тяжелым. Край сломанного ребра, прорвав плевру, попал в легкое, затруднял дыхание. Перелом грудного отдела позвоночника, тяжелейшая травма тазобедренного сустава... Ушибы... Рваные раны по всему телу...

Оперировать нужно было немедленно. Но вся сложность заключалась в том, что у Курицыной был отрицательный резус-фактор. Крови с таким резусом в этот момент в больнице не было. Нужно было срочно найти донора. На просьбу хирурга откликнулись молодые солдаты. Целая рота, расквартированная поблизости. Хотели все. Выбрали одного...

Пять часов длилась операция. Пять часов под больничными окнами стоял в полном составе Зинин аэроклуб.

Когда доктора Ибрагимова после первой операции спросили, будет ли Зина жить, он ответил так:

— Это зависит от того, сможет ли она выдержать и физически и морально все, что ей предстоит вынести. Самое трудное, самое тяжелое начинается только те-

перь. Ей потребуется сверхчеловеческое терпение и выдержка.

Она выдержала. Она сумела найти в себе эту действительно сверхчеловеческую силу...

...Одной рукой она берется за штангу, висящую у нее над головой вдоль кровати и, упираясь локтем второй руки, подтягивается к высоко взбитым подушкам.

— Зоя Сергеевна, посмотрите, что мне ребята принесли.

Она делает попытку дотянуться до подоконника, Римма Ивановна хочет ей помочь, но не знает, что именно нужно достать.

— Спасибо, Римма Ивановна, я сама. Я уже приспособилась. Вот посмотрите.

Зина протягивает нам белый картон. Смотрим. Веселый шарж: к спускающемуся парашюту прицеплена кровать. На ней — Зина в момент вытяжки: к ногам привязаны доски, к рукам — гири. Я обмениваюсь с Риммой понимающим взглядом. Трижды Зине приходилось переносить вытяжение позвоночника, одну из самых мучительных операций. Но если могла остаться в живых после своего ночного прыжка, говорил рисунок, вынесешь и это. Внизу целая стихотворная поэма. Стихи теплые, искренние: выздоравливай, поправляйся, а то совсем пустынным стало без тебя небо...

Ей придется лежать долго. За долгие недели успеваешь к кому-то привыкнуть, к кому-то привязаться, кого-то полюбить. Но срок лечения кончается. Человек выздоравливает, выписывается, уходит. Ты остаешься. Но касание судеб уже произошло. Уже что-то от этого человека осталось в тебе. Что-то от тебя осталось в нем.

Она лежит долго и чувствует это острее других.

— Представляете, Зоя Сергеевна, Наташа говорит, что после выписки она так и не сможет больше потянуть всесоюзное первенство. Это она-то не сможет? Еще как потянет. Правда, Зоя Сергеевна?

Уверенность... Уверенность в своих собственных силах... Вот чем наделен, одарен этот человек сам и чем он одаривает других.

Вот что он оставляет в память о себе...

...Обход заканчивается. На несколько минут перед тем, как начнутся консультации, процедуры, операции, мы собираемся в ординаторской.

Раскрываются истории болезней, продумывается план лечения, операций.

Все, как обычно, как всегда. Наши будни. Где всему есть место.

Разве что кроме одного: того унылого однообразия, той монотонности и скуки, что превращают работу в повинность.

Врачи и сестры расходятся по рабочим местам. Ординаторская пустеет...

ОБЫКНОВЕННЫЙ ПАРАДОКС

В кабинете нас двое: Римма и я. Нет, нас трое. Молчание, тяжелое и тягостное, осязаемо, оно вещественно. Я почти вижу его. Оно заслонило собой дверь, приглушив голоса и звуки шагов.

Время от времени Римма поднимает на меня свои чуть удлиненные красивые глаза. Она ждет. Ждет, пока я на правах хозяйки кабинета вежливо попрошу этого третьего ингредиента покинуть наше общество. Хорошо. Попробую. Я встаю из-за стола. Подхожу к окну. Серое мартовское небо уже набухает весной.

— Тебе никогда не приходило в голову, что есть что-то парадоксальное в том, чем мы занимаемся?

Я отворачиваюсь от окна и смотрю на Римму. Сколько лет мы коллеги и сколько лет мы товарищи? Много. Поэтому я не замечаю того, что делает с нами время. Не потому ли, что вижу ее каждый день? Или оттого, что эта женщина ему неподвластна? Сейчас она мне что-то ответит. Но это будут лишь слова. Звуки. Она упорно думает о своем. О том, что привело ее в мой кабинет четверть часа назад.

— Не уверена, чтобы сейчас это кому-нибудь казалось парадоксальным. Во всяком случае, мне не кажется.

— Ты просто никогда над этим не задумывалась. Кофе хочешь? Подожди, посмотрю, есть ли сахар. Покрепче?

Она молча кивает. Римма все еще там. В своем беспокойстве, которым, признаться, успела заразить и меня.

— Так вот, я говорю, что ты просто никогда не задумывалась над этим.

Ложечка равномерно помешивает густую темно-коричневую жидкость.

— Смешно. Спасатель, неотступно преследующий первоклассного пловца... Врач, постоянно сопровождающий здоровяка-спортсмена...

Круги все медленнее. Ложечка замирает в центре.

— Ты говоришь, боли не проходят?

— Нет. Ей стало хуже.

Знаю. Иначе бы не привела вслед за собой это тягостное молчание. Пришла бы со своей постоянной спутницей — веселой оживленностью, так созвучной ее почти неизменному оптимизму. Прекрасный врач... Умница... Опыт... Тонкая, безошибочная интуиция... А у Вайцеховской боли. Боли...

Подперев подбородок руками, она смотрит на меня неподвижными, отсутствующими глазами. Сделав над собой усилие, она пытается выбраться из-под молчания,

которое вот-вот снова готово развести нас по углам кабинета.

— Понимаете, Зоя Сергеевна, я не знаю, как это кажется: смешно или не смешно лечить здоровых, в принципе, людей. Я знаю, как это дается. Это дается трудно.

Трудно. И не только потому, что надо не просто вылечить, но и вернуть всех этих людей к их привычному жизнедеятельному ритму. Вернуть им способность тренироваться, бороться и побеждать. Когда несколько лет тому назад перед первенством Союза Горстков убеждал меня в том, что ему необходимо, совершенно необходимо принять участие в соревнованиях и что поврежденная кисть ему не помешает, — в это надо было поверить. И это было нелегко. Нелегко для врача. Он доказывал мне, что он совершенно здоров. Они всегда готовы доказывать, что их запас прочности беспределен. Поэтому мы всегда должны быть начеку. Когда заболевал мой Сережка, он с отчаянным упорством доказывал мне, что совершенно здоров и что вообще, когда мама врач, это дело пропащее. Тогда я понимала, что пора укладывать его в постель. Вот уже тридцать лет мне приходится укладывать в постель сильных, жизнедеятельных и в общем-то практически здоровых людей. Вырывать их из привычного активно-деятельного ритма, оставляя наедине с больничной койкой, с тем неторопливо-размеренным укладом больничного режима, привыкнуть к которому им особенно трудно. Конечно же, она права: трудно и лечить, да и лечиться нелегко...

— Хочешь еще чашечку?

— Нет, спасибо.

— Ну как хочешь, а я выпью еще. Устала что-то сегодня. Сама не знаю отчего. И не оперировала...

— Понимаете, Зоя Сергеевна, мне кажется, что я что-то просмотрела. Ее ведь вначале предплечье не осо-

бенно беспокоило. Если бы не подготовка к мировому первенству, она бы и внимания не обратила. Но не боли меня беспокоят. Меня тревожит быстрота, с какой они нарастают. Абсцесс. Но откуда ему взяться?

Откуда? Откуда... Если бы знать...

Я поднимаю глаза и встречаюсь с другими, вопрошающими и ждущими. Но что им ответить, я не знаю. Понимаешь, я не знаю. Ты же видишь, что все эти дни я тоже бьюсь над этой загадкой. Пытаюсь, как и ты, найти решение, но оно ускользает, теряется среди множества вариантов, гипотез и предположений, каждое из которых рассыпается прежде, чем успеваешь взять его в руки и поднести к глазам.

— Звонил отец.

Я говорю это спокойно и ровно. И все же легкая тень пробегает по лицу Риммы Ивановны.

— Очень волнуется. Ради бога, сделайте все, что возможно. Дочь, и мысли не допускает, что не сможет выступить на первенстве Союза.

— Что же вы ему ответили?

— Сказала все как есть.

Я взглянула на часы. Пора собираться.

— Зоя Сергеевна, вы домой?

— Хочешь подвезти? Хорошо, поехали...

...А что я могла бы ответить отцу Вайцеховской? Что я могла ответить человеку, который, быть может, лучше, чем кто бы то ни был, знает, что такое спортивная травма? Человеку, который считает травматизм не только одной из острейших проблем современного спорта, но и трудноразрешимой задачей, по крайней мере, на ближайшем отрезке времени? Понимаешь, дорогая, острейшей и трудноразрешимой. Это, кстати, к парадоксу о лечении здоровых людей. Причем учти, это говорится не специалистом в области тех видов спорта, где травма кажется участью в такой же степени печальной, в какой и неизбежной. Стихия Вайцеховско-

го — вода. Среда, казалось бы, мягкая, податливая, нежная и приятная. А у главного тренера страны по плаванью Сергея Михайловича Вайцеховского голова идет кругом при одном воспоминании о вспухшем колене брассиста, о порванных связках и деформированных плечевых суставах пловцов...

...Вода — стихия нежная и мягкая. И вот тебе пожалуйста. Опять парадокс? Да нет, все правильно.

— Ты только посмотри, Римма. У подопечных Вайцеховского, у пловцов, происходит огромное, стремительно нарастающее накопление мышечной силы. Причем оно намного опережает развитие организма в целом. Огромны нагрузки, с которыми не справляется опорно-двигательный аппарат. И конечно, методика тренировок...

— Которая еще очень далека от совершенства.

Я перехватываю Риммин взгляд. Справа от нас проносится Дворец спорта ЦСКА. Спортивный клуб Вайцеховской.

...Методика, далекая от совершенства. Она знает, о чем говорит. Сколько лет приходится ей расхлебывать уроки этой «методики»... Горькое признание Вайцеховского: обезболивание и — в воду! Местная анестезия и — на старт! А что делать? Такова спортивная жизнь. Он как-то рассказывал мне о блистательной пловчихе Марине Юрчене. Заслуженный мастер спорта. Второй призер Олимпийских игр... Тренировки через боль, через не могу, через преодоление самой себя. На мастерстве, на мужестве, на способности завязать себя в узел. Во время Олимпийских игр в Монреале с больным, травмированным коленом она завоевывает серебряную медаль. Потом уход из большого спорта.

— Бесполезность жертвы?

Римма пожимает плечами:

— Наверное, это зависит от точки зрения.

Только не с точки зрения Вайцеховского, личности, как мне кажется, достаточно сильной.

— Понимаешь, для него спорт — это прежде всего борьба. И прежде всего борьба характеров. Он провозглашает лозунг не «пусть победит сильнейший», а «пусть победит достойнейший». Причем вкладывает в это понятие всю сумму, весь комплекс человеческих качеств. Да, Юрченя ушла из большого спорта, ушли Петров, Иванов, Сидоров, отдавшие ему силу и мастерство. Но для таких, как Вайцеховский, важен и нужен не только «человек на дистанции». Им нужно знать, им нужно быть уверенным в том, с чем уходят их бывшие ученики в новую жизнь. Он как-то говорил о том, что не видит более эффективного, сильного и благодарного пути формирования человеческой личности, чем большой спорт.

— Он фанатик?

— Он очень предан спорту, но отнюдь не фанатик. Фанатику нужны рекорды. Тренеру Вайцеховскому нужен человек, ставящий рекорды. Но мне звонил сегодня не тренер. Мне звонил отец. В этом есть некоторая разница, понимаешь, не-ко-то-рая...

Римма улавливает иронию и отвечает мне понимающей улыбкой:

— Даже для таких сильных натур, как Вайцеховский?

— Тем более для таких. Кстати, ты знаешь, что за одиннадцать лет, проведенных дочерью в спорте, на протяжении всего ее пути от перворазрядницы до чемпионки Олимпийских игр и призера мировых чемпионатов, эта «сильная личность» ни разу не присутствовала на соревнованиях дочери, ни разу не видел он дочь, летящей с десятиметровой вышки?

Не видел и прыжка в Днепропетровске...

И совсем не потому, что в этот день его не было

в городе, где проходили отборочные соревнования перед первенством мира по прыжкам в воду.

Мне кажется, что за парашютным прыжком, который совершала бы его дочь, Сергей Михайлович наблюдал бы с бо́льшим спокойствием. И эти несколько тысяч метров, отделявшие Лену от земли, казались бы Вайцеховскому значительно надежнее каких-нибудь десяти метров над поверхностью воды, среды, казалось бы, податливой и мягкой.

...Стройная девичья фигурка статуэткой на самом кончике вышки. Кажется, вот-вот легкий порыв ветра сдует ее с десятиметровой высоты. Но прежде, чем ветер успевает коснуться ее, срабатывает неведомая нам пружина, статуэтка оживает, фигурка тянется вверх, выбрасываются руки, и вот уже две стихии — вода и небо — соединены замысловатым вензелем стремительно падающего тела...

Красиво. Если смотреть снизу вверх.

Но есть и другая точка зрения. Сверху вниз.

Как-то во время обхода, присев к Лене на кровать, я спросила:

— Страшно прыгать?

— Прыгать... — произнесла она так, словно в эту минуту измеряла всем своим существом эту десятиметровую вертикаль. — Конечно.

Потом подняла на меня свои постоянно серьезные глаза и уже совсем другим тоном проговорила:

— Но привыкаешь. Начинать страшно. Начинать всегда страшно. У нас что-то вроде естественного отбора. Остаешься, если удается побороть этот страх. Конечно же, есть батут, тренажеры, постепенное увеличение высоты. И все-таки не всем удается победить, подавить, что ли, в себе этот страх. Слабые уходят. Вообще для нашего вида спорта нужны самые разные чисто физические качества. Но прежде всего надо уметь

преодолеть в себе страх. Страх перед высотой. Перед тем, что не успеешь вовремя, как мы говорим, «раскрыться» и разобьешься о воду.

В книге «Возвращение чемпиона», ведя воображаемую беседу со своим коллегой спортивным врачом, я старалась убедить его в том, что, рассказывая о спортивной ситуации, спортсмен тем самым рассказывает о травме, о ее не только физической, но и психологической сущности, которая часто заключается в самой ситуации спортивной борьбы. Спортивному врачу вовсе не обязательно прыгать с парашютом или нырять вниз головой с десятиметровой вышки в надежде испытать остроту спортивных ощущений, если, естественно, останется в живых. Но между строк напомню, что был профессор Тиссандье, поднявшийся на воздушном шаре «Зенит» в заоблачные высоты, чтобы испытать на себе кислородное голодание. Был американский авиаврач Армстронг, справедливо, с моей точки зрения, утверждавший, что «личный опыт в летном деле необходим для того, чтобы правильно расценивать все медицинские проблемы». Был русский врач Николай Добротворский, бросавший в пике самолет в поисках тех ощущений, которые испытывает в подобных ситуациях летчик-профессионал. Есть и будут врачи, поднимающиеся в горы и в небо, опускающиеся в глубины океана, прыгающие, летающие, плавающие врачи. Есть и будут, пока есть и будет спортивная медицина...

Вот почему мы с доктором Меркуловой с таким пристрастием допрашивали нашу пациентку о том, что же произошло 5 августа 1978 года в Днепропетровске во время отборочных соревнований. Ибо с этого рассказа и должны были начаться первые строчки ее истории болезни...

Итак, Днепропетровск. 5 августа 1978 года. Отборочные соревнования. Прыжок с десятиметровой вышки совершает комсорг сборной, заслуженный мастер

спорта, чемпионка Советского Союза и Олимпийских игр Елена Вайцеховская.

Та же собранность, та же уверенность, то же чувство ответственности. Каждый элемент отработан, «отренирован». Сильный толчок...

Уже в падении, в какую-то бесконечно малую долю секунды она чувствует, что вовремя не успела соединить руки над головой, что левая пошла назад.

Но это те десять метров, которые слишком малы, чтобы превратить падение в полет, но достаточно велики, чтобы успеть осознать то, что случилось.

Удар о воду был страшный. Левая рука, отведенная назад, при ударе о поверхность воды отклонилась назад еще больше. Нестерпимая боль прошила плечевой сустав.

Из воды Лену вытаскивали. Она была без сознания...

По логике вещей следовало вызывать «скорую» и отправляться в больницу. По логике обычной.

Но есть иная логика событий. То удивительное подчас сочетание зависящих и не зависящих от нас обстоятельств, которое создает почти неправдоподобные ситуации.

Заявка на участие в первенстве мира уже успела уйти в Западный Берлин. Естественно, что в заявке было названо и имя олимпийской чемпионки Елены Вайцеховской. Ее участие во многом определяло успех нашей команды. Это, так сказать, обстоятельство первое — не зависящее от нас. Заявка успела уйти, что поделаешь.

Обстоятельство второе — характер. Сильный, спортивный, бойцовский. Откуда это? Конечно, прежде всего ее отец...

— В нашей семье, в семье, где и отец и мать занимаются, так сказать, в сфере большого спорта, в доме, где дня не проходит, чтобы кто-то из спортсменов не заглянул «на огонек» или не приехал бы погостить,

в этой семье тем не менее никогда не культивировались честолюбивые мечты. Меньше всего занимали меня Ленины титулы.

Я верила в искренность слов ее отца.

Но человек сильной воли и характера, он продолжает исповедовать формирование личности через большой спорт.

— Что противопоставите вы спорту в его способности формировать характер и волю человека? — спрашивает Вайцеховский. — Не жестокий супермен, не спортсмен-профессионал. Для меня истинный чемпион — чемпион, плачущий на пьедестале почета. Восемь достойны первого места. Победит один. Физически самый сильный? Нет. Сумевший собраться. Ощущающий победу не только и не столько в сжатии и расслаблении упругих и сильных мышц. Победит ощущающий ее всеми фибрами души, человеческой души...

Он никогда не скрывал ни от дочери, ни от сына, что борьба в большом спорте нередко бывает и жесткой и жестокой. И к этому нужно быть готовым. Надо воспитывать в себе и спортивную злость, и упорство, и, может быть, упрямство. Хлюпики здесь не пройдут. Но ведь чтобы ненавидеть, надо что-то любить. Преодолеть себя не только во имя себя самого, но и во имя других.

...Боль она ненавидела в той мере, в какой страдала от нее. А страдала она очень. Руку нельзя было ни поднять, ни повернуть. Боль распространялась дальше, захватывая не только поврежденный сустав плеча, но и шею. Первые дни она не могла ходить — каждый шаг отдавался в руку. О прыжках, даже о простом подпрыгивании, не могло быть и речи. Не то что с десятиметровой вышки, с бортика бассейна не могла бы она спрыгнуть в воду.

Но заявка была подана. Команда без Лениного учас-

тия слабела. Ответ на извечный вопрос «быть или не быть» тренер предоставил ей.

Она сказала: «Быть!»

А через двадцать дней она поднималась на десятиметровую вышку в Западном Берлине. Все было. Поврежденный сустав, непрекращающаяся боль, снять которую новокаином было нельзя — допинг. Но был и характер.

И был прыжок. Высшей категории трудности.

Потом еще, еще и еще.

Восемь прыжков с десятиметровой высоты один за другим. Восемь прыжков с поврежденным плечевым суставом.

Был открытый бассейн, семь градусов тепла при сильном ветре.

И Вайцеховская прыгала.

— Мы проигрывали спортсменкам из ГДР. Буквально по пятам шли Херстин Краузе и Мартин Яшке, — рассказывала мне Лена. Скромно. Без позы. Как о вещах вполне обычных. Повседневных. — Я не попала в число призеров, но без моего участия командная борьба резко усложнилась бы. Я принесла нашей команде три очень нужных очка. Нам обязательно нужно было выиграть. Любой ценой...

Папина интонация, папина твердость, папино упорство в достижении цели...

...Римма по-прежнему поглощена дорогой. Но это лишь внешне. Движения машинальны, рефлекторны.

Да, случай действительно трудный. И все-таки здесь совсем другое дело. Здесь многое решит время.

— Понимаешь, семь месяцев беспрерывных болей, конечно, говорят сами за себя. Время, время. Тут только время.

Она понимает, что я говорю о Лене, потому что все это время думает о ней.

— Молодой, сильный организм должен справиться. Должен.

Впервые лицо ее оживает:

— А помните, Зоя Сергеевна, Юмина и Шугурову?

Помню ли я? Юмин, борец, чемпион мира. Серьезное повреждение коленного сустава... Гимнастка Шугурова. Тяжелейшая травма позвоночника... Вылечили, выходили, поставили на ноги. А сколько сомнений, сколько тревог, сколько вот таких же дней, какие выпали сейчас на долю Лены... Помню, как помнит учитель «трудных» учеников. «Трудных» и, может быть, оттого и любимых?

И память эта внушает надежду...

Никитские ворота... Арбатская площадь... Гоголевский бульвар... Черные стволы деревьев. На ветвях тяжелый серый снег. Суетливая спешка пешеходов, нелепая здесь, на бульваре, среди неподвижных деревьев. Старинные московские особняки в страхе жмутся друг к другу перед натиском этой спешки, перед натиском громад из стекла и бетона.

— Останови.

Римма мягко притормаживает. Вообще она все делает мягко. Лечит, говорит, водит машину. От этих мягких касаний мягким становится и окружающее: слово, пациент, автомобиль...

— Ты куда едешь? — спрашиваю я, открывая дверцу.

— На Беговую. Может быть, достану свечи. Никак не могла сегодня завестись.

Живо представляю, как она «заводилась». Она машину не заводила. Она ее осторожно и мягко ощупывала, как ощупывает колени и плечи своих пациентов. Она ее уговаривала. И машина завелась. Иначе и быть не могло: Римме невозможно ни в чем отказать.

Я выхожу из машины.

— Пойду пройдусь. Вечером не удастся: надо поработать над диссертацией Фалеха.

— До завтра.

Она кивает мне и снимает ногу с тормоза...

Верила ли я сама в то, в чем хотела убедить Римму? Верила. Верю, что организм Лены справится с болезнью. Верю в ее характер, в ее волю. Тяжелая травма. Тяжелая сама по себе. Но есть еще и фон. Те порой незначительные, порой незаметные микротравмы, которые, постепенно наслаиваясь, создают самые неблагоприятные предпосылки для последующих повреждений. Вот в чем вся штука. Нет, мы были тысячу раз правы, выдвинув эту тему в качестве основной темы работы отделения. Да, мы научились лечить острые травмы. Но микротравмы, хроника — вот камень преткновения, замок, ключ к которому подобрать совсем непросто. Пока я вижу один путь — путь профилактики, путь предупреждения.

Ну что ж, дорогие врачи, будем вместе думать, вместе решать...

Во дворе кто-то поздоровался со мной. Ответила машинально, не успев заметить, кто это. Нет, надо все-таки уметь отвлечься. В воскресенье поеду с Катькой на каток. Все отложу — и на каток...

2.
ПРИНЦИП ОТДАЧИ

РУКА ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ

Подобно ручьям, сливающимся в одно русло, стекается со всех этажей в длинный коридор, соединяющий оба здания института, наш врачебный народ. Белый от выстиранных и проутюженных халатов, поток этот устремляется в конференц-зал на ежедневную врачебную конференцию. Конференция не просто предшествует рабочему дню института. Она задает определенную тональность, ту ноту, по которой настраивает свои «инструменты» каждое из отделений.

На сцене ничего лишнего: длинный стол, покрытый темно-зеленой скатертью, несколько стульев, слева эпидиаскопы для демонстрации рентгеновских снимков. Эпидиаскопы вызывают у меня чисто профессиональную ассоциацию. Конференция — нечто вроде гигантского рентгеновского изображения, на котором каждое отделение просматривается подобно тому или иному органу с четко обозначенной топографией и взаимосвязью с остальными системами.

Наше отделение, отделение спортивной и балетной травмы, тоже часть целого. Часть общей, или, как ее иногда называют, большой травматологии.

Отсюда всеобщая заинтересованность. Интерес прежде всего профессиональный. Вопросы: «А как вы поступаете в таком-то случае? А что вы применяете там-то?» Не с целью кого-то дискредитировать. Отнюдь. Вопросы от беспокойства, от желания найти что-то более эффективное, действенное. От мысли, которая всегда идет чуточку впереди, а не плетется по проторенной дорожке,

Вот уже около тридцати лет я изо дня в день посещаю общеинститутские конференции и непременно сажусь в первых рядах. Мне интересно. Интерес с годами превратился в привычку. Привычка не от постоянно повторяющейся необходимости, а от постоянно будируемого желания быть в курсе дела.

Странно другое. Врач почти с сорокалетним стажем внимателен и заинтересован. А врач, практикующий год, два, пять лет, остается подчас безучастным к происходящему. Пренебрежительный жест: «Я это слышал уже миллион раз». Слышал ли? Скорее всего слушал. Но это, как известно, разные вещи. Если бы действительно слышал, непременно услышал бы что-нибудь новое. И, безусловно, полезное для себя.

Новое дает пищу для размышлений. Необходимо сопоставлять, анализировать, дифференцировать и обобщать. Не аналог, а анализ. Не тот, за которым по утрам выстраиваются очереди в лабораторию районной поликлиники, а «анализ этого анализа».

Вдумываюсь в такое, допустим, выражение: «Врач знающий, внимательный». Собственно, оттого и знающий, что внимателен. Если не быть внимательным, то во имя чего быть знающим?

ЦИТО — это не только клиника, отделения, лаборатории. Это — наука. Учреждение, где тривиальная фраза «наука во имя человека» приобретает весьма конкретный смысл.

«Если не быть внимательным, то с какой целью быть знающим?..» Те, кто сейчас заполняет конференц-зал, врачи особого рода. Это профессора, доктора наук, старшие и младшие научные сотрудники, аспиранты. Это «наука в белом халате». Как и всякой науке, ей свойственны новизна мысли, эксперимент, гипотеза...

Возможно, я пристрастна, но в медицинской науке «принцип отдачи» важен, как ни в одной другой области человеческих знаний. Здесь практическое примене-

ние научных идей имеет в самом прямом смысле слова жизненно важное значение. Отсюда конкретность и актуальность разрабатываемых тем, будь то кандидатская или докторская диссертация.

Отсюда и тот «нерв», то беспокойство, которыми пронизывается теория.

— О чем задумались? А может быть, о ком?

— О вас.

— Любопытно. И что же вы обо мне думали?

— Думала, что опять провели ночь за операционным столом.

— Провел.

Лицо у него уставшее. Щеки впали. Под глазами темные мешки. Извиняющимся жестом проводит рукой по небритой щеке и устало опускается в кресло рядом со мной.

— Как прошла операция?

— Сделал все, что нужно.

Иван Григорьевич прикрывает ладонью воспаленные веки. Минутное забытье. Секундное погружение в спасительное ничто. Но, когда он опускает руку, я понимаю, что и в это мгновение он был там.

— Да нет, это просто немыслимо. — Голос тих. Все напряжение — в интонации, в пружинной сжатости звука. — Двадцать семь лет... Двое детей... Красивая... Да нет, это просто немыслимо...

— Что случилось?

— Рука попала в станок. Привезли в одиннадцать вечера. Через двадцать минут начал оперировать. Закончили где-то в начале восьмого.

Губы раздвигает улыбка.

— Словно чувствовал. Вечером побрился, к концу операции оброс.

— Сегодня у вас поликлиника?

— К сожалению. Шестьдесят человек записано.

— Но вы же еле на ногах стоите.

Снова улыбка:

— Буду вести прием сидя.

Но Гришин не из тех, кто может усидеть на месте. Не тот случай. Он раскрывает ладонь, распрямляет пальцы. Несколько раз сгибает и разгибает их.

Молчит. Потом едва слышно:

— Надо их прижить. Надо заставить их двигаться, чувствовать. Надо сделать их зрячими...

И Иван Григорьевич это сделает. Если надо будет оперировать двенадцать часов, он будет оперировать двенадцать. Если потребуется двадцать четыре часа, он простоит у операционного стола сутки. Он найдет в себе силы заставить ассистентов и сестер пробыть в операционной столько, сколько это будет нужно.

Потому что ей двадцать семь лет. Потому что у нее двое детей. Потому что это рука человеческая. Рука, творящая мир. И самого человека.

Вот тот «нерв», который пронизывает научную и практическую деятельность моего коллеги, заведующего отделением хирургии кисти доктора медицинских наук, профессора Ивана Григорьевича Гришина.

Его научная и практическая деятельность совпала с тем подъемом, с тем взлетом советской травматологии и ортопедии, который был связан с исследованиями таких крупных ученых, как академик Мстислав Васильевич Волков, заслуженный деятель науки, профессор, основатель отделения хирургии кисти Владимир Николаевич Блохин и лауреат Государственной премии, почетный член многих зарубежных академий профессор Константин Митрофанович Сиваш.

С именем последнего связано становление в советской травматологии совершенно оригинальной методики эндопротезирования. Проблема протезирования поврежденных суставов вообще принадлежала к одной из сложнейших и актуальнейших проблем травматологической науки и практики. От решения этой проблемы

зависел исход лечения одного из самых распространенных заболеваний и повреждений опорно-двигательного аппарата. Между тем все ранее существовавшие конструкции и методики оставались несовершенными.

В начале шестидесятых годов в ЦИТО после многолетних исследований и экспериментов профессору Сивашу и группе его сотрудников удается создать первый в мире металлический неразъемный тазобедренный сустав.

Старые разъемные протезы были не только неудобны, но и в какой-то степени опасны. Костный цемент, скреплявший их составные части, вызывал многочисленные послеоперационные осложнения.

Новый протез исключал подобную опасность и обеспечивал биомеханику движения в поврежденном суставе.

Работы профессора Сиваша и его коллег имели большое значение еще и потому, что они открывали многообещающие перспективы в различных областях травматологии. Речь шла о реальной возможности полностью восстанавливать утраченные функции поврежденных суставов, полностью воспроизводить движения, вплотную приблизиться к тому идеальному совершенству, которое создала природа, «конструируя» наш организм.

Таков был общий научный фон, та стартовая площадка, с которой начинал свои исследования профессор Гришин.

Научный поиск в системе одной отрасли не может быть локальным. Он непременно захватывает смежные специальности, рождает новые идеи, создавая общую творческую атмосферу. А если речь идет о медицине, о человеке как целостном организме, иной подход просто невозможен.

Блестящие результаты, которые давало лечение тазобедренных суставов с помощью цельнометаллическо-

го протеза, открывали заманчивые перспективы. Но кисть человеческой руки несравненно более сложная структура. А между тем...

Статистика знает все. Ее лицо остается бесстрастным даже тогда, когда она сообщает о том, что свыше трех процентов населения в мире страдает тяжелейшим недугом — ревматоидным артритом. Это тысячи и тысячи страждущих людей. И у ста процентов больных это заболевание начинается с поражения кисти.

Рука — это жизнь, это работа. Это музыка и краски, это оживающий под резцом камень и чертеж космического корабля. Это сила удара и нежность любви...

Рука — это реализация мысли.

И вот — эта рука. Суставы, изуродованные ревматоидным артритом. Скрюченные, окостеневшие пальцы, застывшие в последних судорожных попытках вырваться из постепенного окаменения. Кусок изуродованной кости — и только. Жизнь покинула конечность, оставив в них только боль...

Иван Григорьевич берет в свои большие руки то, что когда-то было теплой женской ладонью. Женщина не чувствует прикосновения.

Ничего... Ничего из того, что хотя бы в малейшей степени напоминало признак движения. Поздно... Слишком поздно... И так каждый раз. Но почему они так поздно взывают о помощи? Почему приходят тогда, когда нет никакой надежды? Нет, именно потому, что эта надежда есть и будет всегда. И не только у них, но и у него. И они знают это.

Как лечить эти запущенные формы? Где и в чем искать выход?

Все, что он видел до сих пор и у нас и за рубежом, его не устраивало. Совсем недавно в Соединенных Штатах ему показывали больных, соперированных по поводу ревматоидного артрита. Результатами он остался недоволен. Протезирование напоминало скорее космети-

ческую операцию: движения были ограничены до минимума — типа захвата и только.

Но рука должна была жить. Жить. Двигаться, работать, думать. Кто, как не он сам, хирург ювелирных операций, мог заставить себя осязаемо почувствовать это в кончиках пальцев своих собственных рук?

Вполне возможно, что минимум возвращенного движения вполне устроил бы эту женщину. Но не его.

Снова тот самый «нерв», который прошил его научный и практический поиск.

Идея в целом ясна. Эндопротез должен полностью, именно полностью, воспроизводить биомеханику движения. Он должен быть неощутим для больного. Он и кисть должны стать единым органическим целым. Короче, дать такой же эффект, какой дал цельнометаллический тазобедренный сустав Сиваша.

Такова идея. Но чем проще она казалась, тем сложнее представлялся путь ее реализации.

Он ломал голову над конструкцией протеза, добиваясь ее аналогии с суставом. Одна идея сменялась другой. Ну вот. Кажется, этот вариант наиболее оптимальный. На нем можно остановиться.

Теперь материал. Центральный научно-исследовательский институт стоматологии применяет для протезирования селикон. Но лицо и рука человека — вещи разные. Рука всегда в работе. Кроме того, она соприкасается с самыми различными средами. Будет ли селикон достаточно работоспособен? Станок, установленный в квартире у Гришина, работает днем и ночью. 40 000 циклов сгибаний и столько же разгибаний — таков режим рабочей нагрузки, которую «задает» Гришин селиконовому суставу. 40 000 раз сгибается сустав и остается таким же прочным.

Вторая группа экспериментов связана с выяснением одного из самых важных вопросов. Как будет реагировать на материал сам организм? Опыты на животных

дали превосходный результат: собаки и кролики бегали с искусственными суставами так же легко, как и с естественными.

Но и это еще не все. Да, материал прочен. Но не уменьшится ли эта прочность в результате долговременного пребывания сустава в агрессивной среде человеческого организма? И снова опыты, длящиеся годами.

И наконец еще один вопрос. Не вызовет ли вживание селикона интоксикации?

И снова эксперименты.

Годы, отданные научному и практическому поиску. Наблюдения, цифры, диаграммы, функциональные пробы... И крепнущая с каждым днем уверенность — оперировать больных можно.

Я помню, как на вот такой же врачебной конференции, а затем и на ученом совете профессор Гришин докладывал о результатах своих первых операций. Демонстрировал рентгеновские снимки, демонстрировал больных.

Результаты были превосходны. Мы видели свободно и легко двигавшиеся пальцы. Мы видели красивые руки. Живые руки.

Был успех. Было признание. Но на спокойном, попрежнему усталом лице Ивана Григорьевича я не замечала отблесков успеха и славы. Что-то продолжало беспокоить его, и это чувствовалось. Чувствовалось, что он обременен новой сверхзадачей. Была ли эта сверхзадача «высосана из пальца»? В прямом смысле слова — да. Ибо человек положил на стол руку с ампутированными пальцами, а рядом лежали... их обрубки. Сначала снимок был один. Теперь их два. На втором — та же рука с не просто пришитыми, а приживленными пальцами. Снимки до сих пор хранятся в его кабинете.

Нет, идея не была придумана в тиши профессорского кабинета.

МИКРОХИРУРГИЯ

Микрохирургия была той новой областью, которая открывала перед учеными просто фантастические возможности. Она переставала быть привилегией офтальмологов, отоларингологов и нейрохирургов. Она должна была стать средством лечения и травматологических больных.

Еще шли эксперименты над селиконовым эндопротезом, а он уже четко представлял себе второе направление научных и экспериментальных исследований.

Сама идея микрохирургии — работы на чрезвычайно мелких анатомических образованиях — заставляла думать о ней как о новом методе лечения кисти руки, где травматолог имеет дело с тончайшими сосудами, сухожилиями и нервами. Эксперименты шли параллельно в Америке, Австралии, Китае, Японии и у нас.

В 1975 году Гришин выезжает в Соединенные Штаты с целью познакомиться с методикой реплантации. Эта поездка была предпринята в рамках научного сотрудничества.

В Луисвилле, в клинике известного хирурга профессора Клейнерта, советскому ученому была представлена 22-летняя девушка, которой были реплантированы четыре пальца. Клейнерт не без гордости демонстрировал больную с полным восстановлением функций пальцев. Это была превосходно выполненная работа, свидетельствовавшая о большом мастерстве хирурга.

В Москве, докладывая руководству института о результатах своей поездки, Гришин подробно останавливается на методе своих зарубежных коллег.

Директор института академик Волков ставит воп-

рос о необходимости начать эту работу в ЦИТО. Здесь сказалось одно из самых характерных качеств этого большого ученого — его беззаветная преданность травматологической науке. С его именем связан выход советской травматологии на международную арену, признание ее заслуг, которое нашло свое подтверждение в избрании советского травматолога профессора Зацепина вице-президентом Международного общества травматологов-ортопедов. Волков не сомневался, что сотрудники института справятся с новой задачей: за плечами были десятилетия совместной работы, преданность общему делу, общность задач и целей. Как директор института он обещал всестороннюю помощь и поддержку.

Я не случайно упомянула о помощи, которую должен был оказать академик Волков в разработке новой тематики.

Дело в том, что микрохирургия прежде всего требует дорогостоящего технического оборудования. Это микроскопы и шовный материал. Здесь техническое мастерство хирурга, его способность выполнять под микроскопом ювелирные операции всецело зависят от того, чем он вооружен.

Тем более, если хирург ставит перед собой ту особую цель, какую сразу же поставил профессор Гришин.

...Память постоянно возвращала его к 22-летней американке в клинике Клейнерта. Да, это была блестящая операция с точки зрения технического мастерства. Были полностью восстановлены двигательные функции. Но можно ли было считать руку полностью живой? Не была восстановлена ее осязательная способность. Рука сохранила лишь защитные функции — реакцию на холодное и горячее.

Можно ли восстановить чувствительную способность полностью? Теоретически да. А практически?

Кто-то из зарубежных хирургов сравнил сшивание

нервов кисти с соединением кабеля, состоящего из отдельных проводов, каждый из которых надо присоединить точно к определенному концу. Но вот проводочки эти в 1,5—2 раза тоньше человеческого волоса. Причем необходимо как можно меньше травмировать кисть, так как нервы труднее всего поддаются регенерации. Необходимо с точностью до десятых и сотых долей миллиметра сшить двигательные пучки с двигательными, чувствительные с чувствительными.

...В операционном блоке небольшое окно. Видна соседняя операционная. Там уже давным-давно закончена работа. Увезли больного, разошлись сестры. А здесь еще на многие часы прикованы к операционному столу хирург и его ассистенты. Выдержка, хладнокровие, колоссальное терпение, точность каждого движения, твердость руки, которая не должна знать усталости, — все это от первой и до последней минуты.

Идет операция под микроскопом...

За окном светает. Уже утро. Об этом ему тихонько говорит операционная сестра. А он и не заметил, что успел родиться новый день.

Но, кажется, все. Снимает маску. Моет руки. Поднимает голову... Зеркало... Уставшее, обросшее щетиной лицо... Шесть часов у операционного стола... Все. Но все ли? Теперь остается, пожалуй, самое трудное: выхаживать и разрабатывать кисть. Ждать...

Ночью домой телефонный звонок:

— Иван Григорьевич, у больного плохо с рукой. Пальцы посинели.

— Еду.

Пальцы действительно посинели.

Сосед по палате улыбается:

— Еще бы не посинеть! Он уснул, а руку, извините за выражение, под попу положил.

Кажется, на этот раз все обошлось. Но ехать домой уже не имеет смысла. А вдруг...

И только потом, через много недель, будет этот возглас:

— Двигаются! Иван Григорьевич, двигаются!

— Чувствуешь?

— Чувствую!

«Чувствую!», как возглас прозревшего: «Вижу!»

Выписка... Рукопожатие.

Рукопожатие...

Бывают ли у нас неудачи? Их не может не быть. И потому, что наука — это «езда в незнаемое», и потому, что наука — это поиск, и потому, что это работа. Это надежды и разочарования, находки и потери, удачи и ошибки. Все верно, все правильно — подобно саперам мы не вправе ошибаться. Даже на долгом и трудном пути к непознанному во имя... и так далее, и тому подобное. Но...

Все сделано, как делалось уже не один раз. То же терпение, та же отдача, то же состояние. И...

Человек входит в твой кабинет. Он не произносит ни слова. Так же молча поднимает руку и делает попытку шевельнуть пальцами. Вместо движения — легкое покачивание. И такая невыносимая боль в глазах. Укор. Упрек.

Молчание. Студеная глубина, на поверхности которой — две-три льдинки пустых, ничего не значащих слов. Человек поворачивается. Уходит. Шаги по сердцу. По нервам.

Ты остаешься один. Руки лихорадочно ищут что-то на столе, лезут куда-то в карман. Они прячутся. Они убегают.

И в висках пульсирующая строчка: «О, если бы вернуть из зрячих пальцев стыд и выпуклую радость узнаванья...»

Но надо идти в операционную. Надо...

В такие минуты он говорит своему ученику Валерию Голубеву (теперь уже оперирующему самостоятельно)

то, что говорил ему когда-то его учитель, блистательный хирург профессор Блохин, говорит то, что все мы говорим своим ученикам:

— Надо находить силы верить в себя. В сознании и чувстве противоестественности человеческого страдания...

...Операция, которую он закончил сегодня утром, — третье направление в его работе. Как и два предыдущих, оно определилось в результате многолетних исследований в отечественной травматологии. И в частности, было связано с созданием академиком Волковым и доктором медицинских наук Оганесяном шарнирно-дистракционного аппарата для лечения поврежденных суставов, аппарата, ныне известного во всем мире под именем аппарата Волкова — Оганесяна.

Впервые идея оригинальной конструкции была предложена академиком Волковым несколько лет назад. Идея была подсказана самой жизнью. Дело в том, что традиционные методы хирургического вмешательства при повреждении суставов с последующим наложением гипса далеко не всегда давали желаемый результат. И вот почему. Длительное пребывание сустава в гипсе создавало предпосылки к рубцеванию тканей. Деформированные суставные концы подвергались излишнему сжатию. С одной стороны, поврежденный сустав нуждался в длительном покое, с другой — его необходимо было как можно раньше включать в работу. Таким образом, хирург сталкивался с двумя взаимоисключающими требованиями: полный покой и подвижность одновременно.

Академик Волков понимал, что решение должно быть найдено как раз в том, что казалось неразрешимым: в единстве противоположностей. Конструкция должна была совмещать в себе возможность разгружать сустав-

ные концы костей и одновременно обеспечивать подвижность сустава.

Своей идеей Мстислав Васильевич Волков заинтересовывает одного из аспирантов ЦИТО, работавшего над диссертацией «Лечение переломов с помощью аппарата Гудушаури». В те годы этим аспирантом был ныне заслуженный изобретатель РСФСР доктор медицинских наук Оганес Вартанович Оганесян.

Задача, стоявшая перед ним, была не из легких. Долгие часы проводил врач над кульманом, совмещая врачебную мысль с инженерной.

Механическая конструкция должна была брать на себя динамическую нагрузку сустава, полностью разгружая суставные концы и одновременно обеспечивая движение в освобожденном от нагрузки суставе. Аппарат должен был полностью воспроизводить кинематику сустава. Между тем, например, коленный сустав имеет три вида движений: перекатывание, скольжение и ротацию вокруг вертикальной оси. Кроме того, механизм должен был иметь те же габариты, что и сустав. Если говорить о бедре, то здесь надо было учитывать и то обстоятельство, что мыщелки имеют разные центры мгновенного вращения. Последнее обстоятельство определило второй путь экспериментов: усовершенствование узлов для точного вправления суставных концов с последующим сохранением их точной центровки в динамике.

И третья задача — разработать способы жесткой фиксации сустава без дополнительных приспособлений.

Прикалывались к кульману листы ватмана, вычерчивались эскизы. Один за другим отвергались, казалось бы, вполне удачные решения, и снова на белом листе набрасывались технические рисунки, и снова все летело в корзину.

Но вот на листе ватмана эскизы стали сменяться рабочими чертежами...

Уже через год была изготовлена первая модель ап-

парата. Он предназначался для лечения заболеваний коленного сустава.

Наше отделение спортивной травмы с успехом пользуется аппаратом Волкова — Оганесяна. На долгое, долгое время растянулось бы лечение спортсменов, намного бы удлинились сроки их спортивной реабилитации, если бы не удалось разрешить задачу одновременного обеспечения покоя и движения при лечении травм опорно-двигательного аппарата. Вот и теперь для окончательного выздоровления нашей парашютистки нам придется прибегнуть к этому методу лечения одновременной компрессии обломков бедренной кости и дистракции коленного сустава для восстановления движений в нем.

Как же чисто технически удалось осуществить идею конструкции? Специальные шарнирные устройства позволяют при помощи спиц, проходящих через суставные концы, создать их дистракцию, иными словами, как бы растянуть сустав и таким образом обеспечить его подвижность.

Двенадцать лет длится работа над усовершенствованием различных моделей, которых за эти годы создано уже одиннадцать.

Перед хирургией кисти открывались новые перспективы...

Вот уже в течение многих лет профессор Гришин сталкивался с практически неразрешимой проблемой. Если в случаях артритов эндопротезирование давало вполне удовлетворительные результаты, то совсем иная картина складывалась у больных, перенесших травму кисти, особенно в запущенных случаях. Рубцы сковывали движения в оперированном суставе, и разбить этот «гордиев узел» практически было невозможно.

По данным французских хирургов, больные после эндопротезирования на травмированной руке могли совер-

шать кистью или пальцами лишь качательные движения. Рубцовые тяжи сковывали движения, и рассечь их не удавалось. Эндопротез возвращал лишь частичное движение.

Я присутствовала на этих операциях, неизменно отдавая должное мастерству хирурга.

Сейчас, когда он, до предела уставший, сидел рядом со мной после своей «ночной смены», я мысленно ассистировала ему. Нет, дело было не в познании самой техники операции. Все в общем-то было знакомо: надрез на тыльной поверхности кисти в проекции пястно-фалангового сустава, обнажение сухожилий разгибателей пальцев, резекция пораженной части головки пястной кости, просверливание костно-мозгового канала и, наконец, установка эндопротеза. Все знакомо.

Стараюсь проникнуться его ощущением руки, ни на минуту не позволяющим ему забыть, что таят в себе эти сосуды, нервные волокна, сухожилия. И отсюда это титаническое терпение. Терпение не от профессиональной привычки и даже не от сострадания, а от сознания, что это рука (то же, наверное, и у хирурга-офтальмолога).

Но я плохая ассистентка, я отвлекаюсь. Операция еще не окончена. Сейчас начинается тот ее этап, которого до Гришина не знала советская травматология.

Здесь же, на операционном столе, он накладывает на кисть дистракционный аппарат. Осторожное вращение шарниров, и вот уже появляется та щель, которая не даст возможность образоваться рубцам.

А через две недели после снятия швов его пациент, переступив болевой барьер и, что самое трудное, психологический барьер, начнет осторожно, а потом все интенсивнее разрабатывать кисть.

Это была счастливая идея. Идея, разрешившая одну из самых сложных проблем в лечении повреждений кисти руки.

...Как-то войдя в свой кабинет, он сразу же заметил на письменном столе белый конверт с большим штемпелем иностранной почты.

Хорошо владея английским, он тут же перевел полученное письмо. Оно было кратким и содержало одну-единственную просьбу: «Дорогой доктор Гришин! Просим Вас прислать всю имеющуюся информацию, касающуюся применения аппарата Волкова — Оганесяна при повреждениях кисти и локтевого сустава».

Подпись: «Вильям Кони. Ортопедическое отделение хирургии кисти. Рончестер. Штат Миннесота. Соединенные Штаты Америки».

В Рончестере находилась всемирно известная клиника братьев Мэйо.

Письмо было достаточно знаменательным. Оно невольно вернуло профессора Гришина к воспоминаниям. К тем дням, когда, впервые приступив к микрохирургическим операциям, он пытался найти в опыте зарубежных коллег ответы на мучившие его вопросы. Теперь уже его работы стали предметом их научных и практических интересов.

Он прекрасно понимал, что это было признание не только и не столько его личных усилий, сколько признание тех коллективных научных поисков, которые вели его предшественники, создававшие отделение, которым он сегодня руководит. Это было признание достижений советской травматологический науки в целом.

Впрочем, в этом письме не было ничего нового и необычного. Зарубежные ученые уже давно знали адрес ЦИТО и, в частности, его отделение хирургии кисти.

Кстати, через час с небольшим он должен быть в Доме дружбы на встрече с американскими коллегами, которые непременно захотят побывать в институте. Ну что ж, есть что показать, есть о чем побеседовать. И если намерения чистосердечны, пусть общение ученых

мира послужит тому, чтобы рука человеческая была рукой созидающей. Это достаточно веский повод, чтобы нашлись силы думать и работать...

Три направления, в которых сейчас работает профессор Гришин — эндопротезирование, микрохирургия и эндопротезирование с одновременным наложением дистракционного аппарата, — охватывают если не все, то основные направления в хирургии кисти.

Так уж получилось, что отделение спортивной и балетной травмы находится на том же этаже, что и отделение Гришина. Собственно, это один коридор, разделенный лестничной клеткой. В этом я вижу особый символ. Связь научных разработок, экспериментальных исследований и методов лечения обоих отделений органична. Конечно, у каждого отделения своя специфика. В частности, по-разному решаются вопросы реабилитации, когда перед спортивными травматологами стоит задача подготовки всего организма человека, перенесшего травму, к возрастающим физическим нагрузкам. А отсюда и специфика в методах и сроках восстановления. У отделения хирургии кисти, в свою очередь, есть сугубо свои проблемы.

Между тем...

Всегда с особенной болью смотришь на детей, пораженных недугом. Привыкнуть к страданиям, даже если ты врач, невозможно. Тем более, если это дети.

В свои тринадцать лет эта девочка была уже обременена славой. О ней писали. Ее снимали. И она действительно была талантливой фигуристкой с большим спортивным будущим. Но Лене Водорезовой было всего 13 лет. И, помимо славы, она уже была обременена довольно серьезным заболеванием.

Мне необходимо было проверить свои подозрения, и поскольку заболевание это было очень хорошо знако-

мо профессору Гришину, я пригласила Ивана Григорьевича на консультацию.

К сожалению, он полностью подтвердил мой диагноз. К сожалению, потому что ревматоидный артрит не принадлежит к счастливым приобретениям ни взрослых, ни тем более детей.

Прекратили тренировки, соревнования, занятия. К счастью, все обошлось, и через некоторое время Лена снова вышла на лед.

Я консультирую у Ивана Григорьевича своих спортсменов. Он приводит на консультацию ко мне своих пациентов.

Мы главы одной книги, одной науки, пронизанные единством целей, единством главных задач.

Без этого нельзя было бы говорить о принципе отдачи.

Это особенно чувствуется на заседаниях ученого совета института и здесь, на этих ежедневных общеинститутских врачебных конференциях.

В зале воцаряется тишина. Директор института, действительный член Академии медицинских наук Мстислав Васильевич Волков открывает конференцию...

— Начнем сегодня с отделения кисти. Иван Григорьевич, пожалуйста.

* * *

Нам с ним по пути, и мы вместе поднимаемся на наш третий этаж.

У дверей Иван Григорьевич на минуту останавливается.

— У меня вчера билет на Рихтера пропал. Жаль... Он оперировал.

Гришин услышит этот концерт лишь несколько месяцев спустя, когда однажды вечером, вернувшись из института, присядет у телевизора. Это было в каком-то

смысле даже удобнее. Ему нужен был крупный план. Ему необходимо было видеть руки пианиста, каждый миллиметр которых он не только знал, но и чувствовал. Знал с тех пор, когда несколько лет тому назад в них появилась эта предательская слабость и звуки постепенно стали терять свою силу и выразительность.

...Зал переполнен. Сидят в проходах на приставных стульях, жмутся у стен. Стоят на балконах и в глубине боковых лож. Гул. Шелест программ. Легкое, приглушенное покашливание. На сцене цветы. Много цветов.

Где-то слева раздаются аплодисменты тех, кто первым видит появляющегося из боковой двери пианиста. Аплодисменты нарастают. И все тонет в долгой и благодарной овации.

Ибо его знают. Знают, что через минуту с первыми звуками концерта Грига для фортепьяно с оркестром он заставит всех их забыть о пространстве и времени, о прошлом и настоящем и откроет перед ними иной мир, мир общечеловеческих страстей, страданий, радости и мечты.

Минута глубокой, сосредоточенной тишины. Пальцы ложатся на клавиши, чтобы в следующую секунду их прикосновение слилось с первыми звуками.

Рихтер играет Грига...

Родиться токарем, летчиком, хирургом... Он родился геологом.

Сотни операций. Известность... Но геология осталась его мечтой, неразделенной любовью, тайной и безответной страстью.

Но, может быть, ультразвуковой «скальпель» так послушен его руке как раз потому, что сумел он сохранить в своей душе эту согревающую мечту о не-

сбывшемся. Это удивительное «нечто», которое учит человека состраданию и стремлению. И без которых оно становится «ничем».

* * *

Я рассказала лишь об одной страничке большой науки, имя которой — травматология. О науке и человеке.

Я не могла не рассказать об этом потому, что без этой науки не было бы травматологии спортивной.

Того, что так счастливо соединило в себе две страсти, властвовавшие во мне на протяжении всей моей жизни, — медицину и спорт.

НАУКА В ОЛИМПИЙСКОМ КОСТЮМЕ

Кардиограмма рекорда

Выхожу из палаты и сразу же попадаю в плотное кольцо ребят.

— Зоя Сергеевна, ну как он?

— Не волнуйтесь, ничего страшного. Будет жив и здоров.

За улыбками так и не исчезнувшее до конца беспокойство.

О том, что случилось, легкоатлеты сборной, лежавшие в то время у нас в отделении, узнали раньше меня.

...Воробьев возвращался на своей машине с тренировочных сборов. Дело было под вечер. Впереди по всей длине шоссе протянулась цепочка красных огоньков. На какую-то минуту цепочка разорвалась, и в то же мгновение Григорий Петрович увидел в разрыве фигурку девочки. Полные ужаса глаза. Ручонки, выброшен-

ные вперед, словно в отчаянной попытке остановить несущуюся на нее машину. Оставались доли секунды. Много это или мало? Спорт, которым он занимался всю жизнь, научил его почти мгновенной реакции. Но что такое реакция, он понял, став спортивным врачом, когда в течение вот уже многих лет помогает своим подопечным «промывать» в потоке времени драгоценные крупицы секунд.

Их сотой доли хватило на то, чтобы вывернуть руль и бросить машину в кювет.

Когда его вынимали из того, что еще несколько минут назад называлось машиной, колесо, торчавшее в небо, еще продолжало крутиться... Воробьева лечили долго и упорно. Острые травмы постепенно заживали, зато давал о себе знать старый остеохондроз, просыпавшийся каждый раз, когда Григорий Петрович травмировал или перегружал спину.

Теперь он был снова вынужден разделить участь своих пациентов.

Надо же, чтобы жизнь так связывала людей! Врач наших легкоатлетов, которых я консультирую вот уже много лет. Мой давнишний коллега, чьи практические и научные интересы я полностью разделяю. Врач, с которым я работала практически почти на всех Олимпийских играх. Мой ученик, успешно защитивший без аспирантуры кандидатскую диссертацию, беспокойный, думающий специалист. И вот теперь... мой пациент.

Помню его возвращение из Хельсинки, где проходил международный симпозиум врачей сборных команд. Тогда, пожалуй, впервые я видела его таким радостно-возбужденным. Развивал он, конечно, свой любимый «конек»:

— Разве я отвергаю общеизвестные причины травм и заболеваний, такие, как неудовлетворительное материально-техническое обеспечение соревнований, дисциплинарный фактор, метеорологические условия или несо-

вершенную методику тренировок? И все-таки основной и единственно истинной причиной травмы я считал и считаю перегрузку. Остальные причины или сопутствующие, или провоцирующие.

В твердости убежденного человека звучало такое искреннее желание отзвука и сочувствия, какое может быть лишь у борца-одиночки. Но он уже давно не был одинок.

— Говорю, — продолжал Григорий Петрович, и почти детская улыбка осветила это простое и очень симпатичное лицо, — а они пишут и кивают головами — о'кэй, вери гуд!

Верю, что все так и происходило. Слышу его голос в притихшем зале:

— Другое дело, что сама по себе перегрузка может классифицироваться в двух аспектах: как очевидная и как неочевидная. Между тем та и другая связаны с наличием в опорно-двигательном аппарате сильных и слабых звеньев.

И здесь он непременно делает паузу. И затем — кульминация:

— Цепь, естественно, рвется в слабом звене. Таков закон биомеханики. Именно в слабом звене возникает наибольшая концентрация усилий, а следовательно, и наибольшие перегрузки. Отсюда предрасположение к травмам.

И вывод, как апофеоз, во всю мощь голосового оркестра:

— Я не верю, что истинной причиной травмы явился скользкий грунт. Это лишь сопутствующая или, повторяю, провоцирующая причина. Травмированный участок был уже заранее «подготовлен» к повреждению всей предшествующей диспропорцией. Таким образом, мы можем, нет, мы просто обязаны прогнозировать травмы, ставя во главу угла их профилактику.

— Успех, доложу вам, Зоя Сергеевна, был полней-

ший. А дома кое от кого слышу: «Воробьев скоро займется прогнозированием пожаров».

Не знаю, как насчет пожаров, а вот опыт врача-практика убедил и его и нас в правильности выбранного им пути.

Когда у тебя в палате лежит врач, да еще травматолог, да еще спортивный травматолог, нет необходимости говорить о болезни. Что такое остеохондроз и с чем его едят, он знает ничуть не хуже тебя.

Зато есть время поговорить о наболевшем.

Сегодняшнее свидание в этом смысле не было исключением.

Вот что он рассказал мне, так сказать, в рамках все той же своей темы.

В январе 1979 года Воробьев вместе со своими врачами смотрел на сборах в Вильнюсе молодую прыгунью Татьяну Проскурикову. И что же оказалось? Из-за того, что торопились подготовить спортсменку к предстоящим соревнованиям, «качали» ноги. Ноги действительно оказались очень сильными. А тело между тем оставалось, как принято говорить, «пустым». Но для прыгунов в длину очень важно иметь сильный торс, принимающий удар при приземлении. Надо было срочно заняться укреплением мышц туловища, чтобы ликвидировать возникшую диспропорцию. Воробьев дал соответствующие рекомендации тренеру, предупредив его, что в противном случае Проскуриковой грозит заболевание спины.

Прошло четыре месяца. Апрель. Сборы в Эшерах. Во время одного из тренировочных прыжков у Тани блокируется спина. Происходит ущемление поясничного отдела позвоночника. Как раз то, что и предвидел еще в январе доктор Воробьев. Он просит у тренера дневник тренировок. Тот со спокойной совестью подает его врачу: он выполнил рекомендации и включил в занятия

упражнения, укрепляющие мышцы спины. Но каким образом это было сделано?

— Открываю. Смотрю. Упражнения для спины проводятся раз в неделю, а упражнения для ног — семь раз в неделю. Вы понимаете, что при таком распределении тренировочных нагрузок диспропорция оставалась практически прежней. Тренер абсолютно ничего не достиг. В результате травма, которую нетрудно было предвидеть заранее. И таких примеров, к сожалению, немало. Понимаете, знание всех тонкостей данного вида спорта, биомеханики движений — вот что нам, спортивным врачам, необходимо как воздух. Если мы хотим сдвинуть с места вопросы профилактики и лечения как серьезных травм, так и микротравм.

Пожалуйста, еще пример.

В первом диспансере врач смотрит моего барьериста. Я несколько припоздал и, когда подошел, слышу примерно такой диалог: «На что жалуешься?» — «Ломит поясницу». — «Вспомни, не простыл ли?» — «Может, и простыл. Как-то недавно на парапете сидел». Врач пишет: «Простуда». А я возьми и спроси: «А когда это было?» — «Примерно с месяц назад». — «Как же ты, — говорю, — в июльскую жару, сидя на раскаленном камне, мог простудиться?»

Что же оказалось? А вот что. Во время прыжка у парня обычно происходило «подламывание» ноги, на которую он приземлялся после преодоления барьера. В результате следовал сильный внутренний толчок. Что-то вроде отдачи. Вот видите, — Григорий Петрович кладет руки на пояс, — это место принимает на себя основной удар. Вот откуда эти боли, отдающие в поясницу. Вот начало микротравмы. А ведь недолго было и просмотреть начало заболевания! Перестроили тренировку. Стали укреплять торс, и дело пошло на лад.

И я вижу, вижу по глазам, по выражению давно и хорошо знакомого мне лица, что гораздо бо́льшую боль,

чем боль в спине, вызывают у него лежащие вместе с ним ребята. Ведь он твердо убежден, что их можно и должно было оградить от травм и тем более от «встречи» с профессором Мироновой.

— Ну я же вам говорю, ребята, все будет у Григория Петровича в порядке. Не волнуйтесь...

Не потому ли они так привязаны к нему, что он всячески оберегает их от встреч со мной? Давая им возможность как можно реже наблюдать борьбу с «кромки поля»?

Меня окликает Римма Ивановна:

— Зоя Сергеевна, вас к телефону.

По дороге в кабинет она сообщает мне, что звонит Оганесян.

— Да-да, очень хорошо. Я просила его позвонить. Надо решать вопрос с Курицыной.

— Зоя Сергеевна, я считаю, что накладывать аппарат еще рано.

— Я тоже так думаю. Правда, два месяца колено будет без движения... Но сейчас важнее бедро.

— Оганес Вартанович, это Миронова. Спасибо, что позвонили. Я думаю, пусть колено еще два месяца побудет в гипсе. Да-да, из-за бедра... Значит, так: снимем гипс и сразу же наложим аппарат...

— Зоя Сергеевна, разрешите?

— Заходи, Фалех, заходи. Вчера вечером еще раз просмотрела твою диссертацию...

На ломаном русском языке:

— Спасибо, Зоя Сергеевна.

— Да ну при чем тут спасибо. Дело надо делать. И делать хорошо. Так вот. В целом все нормально. Мало литературы. Проверь стиль. Я тут кое-что уже сделала. Но посмотри еще.

— Спасибо, Зоя Сергеевна.

— Сегодня в восемь приедешь ко мне домой.

— Но...

Понимает, что я только что прооперировала четырех больных, успела посмотреть еще четверых. А впереди два совещания. Хорошо, что еще понимает. У некоторых такие вещи остаются за пределами тобою же дотянутых диссертаций.

— Никаких «но». У тебя апробация послезавтра.

— Зоя Сергеевна, звонят из отдела медицинского обеспечения. Вас ждут на совещании.

— Передайте, что выхожу. Фалех, ты понял? Сегодня в восемь у меня.

* * *

Отдел медико-биологического обеспечения сборных команд страны, куда я только что приехала на совещание, нечто вроде координационного штаба, мостик, по которому наука приходит в спорт.

Забот много. Перед Олимпийскими играми тем более. Это и врачебные наблюдения за состоянием здоровья спортсменов, и большая профилактическая работа, и проблемы ускоренного восстановления спортсменов, перенесших заболевание. Это, наконец, и координация работы врачебно-физкультурных диспансеров, тренеров-врачей сборных команд, научно-исследовательских бригад из институтов физической культуры.

Но сегодня темой разговора был допинг.

Заместитель руководителя отдела Алексей Дмитриевич Бутков познакомил нас с обращением председателя медицинской комиссии МОК. В обращении, подписанном принцем де-Мородом, в частности, говорилось: «Накануне Олимпийских игр мы сочли необходимым внести ясность в ситуацию и довести до сведения наши взгляды по всем аспектам проблемы допинга. Задача состоит в том, чтобы разъяснить опасность применения допинга».

«Мы считаем, — говорилось далее в обращении, —

что наши совместные усилия послужат интересам молодежи, помогая сохранить моральные принципы и физическое здоровье спортсменов-олимпийцев».

Федерация спортивной медицины СССР и я, как ее председатель, полностью разделяем мнение МОКа относительно применения допингов и, в частности, его решение о дисквалификации спортсменов на Олимпийских играх, которые отказывают пройти допинговый контроль или уличены в применении допингов.

В ответном заявлении Федерации спортивной медицины СССР мы писали: «Наша федерация заявляет о недопустимости с медицинских и этических позиций использование допингов и, в частности, анаболических стероидов в процессе подготовки к Олимпиаде, а также и на самих играх. Федерация обращается ко всем спортсменам, тренерам, спортивным врачам, организациям Советского Союза и других стран с призывом вести активную борьбу против применения допингов в спорте».

Сейчас здесь, в отделе медико-биологического обеспечения сборных команд, кандидат медицинских наук Алексей Дмитриевич Бутков знакомит нас с тщательно разработанным графиком допингового контроля на Олимпийских играх в Москве с обозначением дня, часа и количества контрольных проб.

Тема совещания далеко не нова, но, к сожалению, все еще остается злободневной. В 1969 году в статье В. А. Геселевича, А. И. Шаева и В. А. Семенова, посвященной антидопинговому контролю, отмечалось: «Участившиеся случаи смертельного исхода и тяжелых патологических состояний в результате приема допинга привели к введению по решению МОКа и многочисленных международных федераций по видам спорта обязательного антидопингового контроля на крупнейших соревнованиях».

Но страшный бич тем не менее распространяется. Тренер американских легкоатлетов Том Экер недвусмыс-

ленно заявил: «Я считаю, что победителем становится тот, у кого фармацевт лучше, чем у его противника». Между тем об этической стороне спортсменов, применяющих допинг, кандидат медицинских наук С. К. Сарасания в статье «Анаболик и спортивная работоспособность» писал: «Использование анаболиков дает спортсменам, применяющим их, несомненное преимущество перед теми, кто их не использует. В результате получается так, что талантливый и упорно тренирующийся спортсмен, не принимающий анаболиков, будет уступать в спортивных результатах менее талантливому и меньше тренирующемуся спортсмену, если последний будет использовать анаболики».

Однако кроме этической стороны, эта проблема имеет иной немаловажный аспект.

Спортсменам, принимающим допинг, я бы выдавала особую памятную медаль, на которой выгравировала бы следующую надпись: «Принимая анаболики, ты становишься временно сильным, чтобы потом на всю жизнь сделаться слабым».

Допинг. Для меня, спортивного врача, это прежде всего проявление неуважения к собственному организму. Это не может быть физической культурой, не может быть Спортом с большой буквы. Если мы не подразумеваем под спортом эксплуатацию в корыстных целях высоких результатов, если мы действительно говорим о спорте как о торжестве красоты, силы и здоровья, то не парадоксально ли звучат слова о том, что спортивный рекорд поставлен за счет того самого здоровья, той самой силы, которую должен прославить этот рекорд?

Если дело с допингами пойдет по опасной дорожке практически неограниченного распространения, то не станет ли спорт источником самых опасных заболеваний? Не переродится ли он таким образом в свой антипод?

Вот откуда то беспокойство, та тревога, которая сопутствовала совещанию в Отделе медико-биологического обеспечения...

А я уже еду на новое совещание в Академию медицинских наук, где должен состояться пленум научного совета «Медицинские проблемы физкультуры и спорта».

Отсчет «олимпийского времени» начался для ученых страны еще несколько лет тому назад, когда Президиум Академии медицинских наук СССР принял специальное постановление о разработке институтами АМН СССР, Минздрава СССР и союзных республик дополнительных тем по проблемам спортивной медицины, направленных на подготовку к XXII Олимпийским играм.

Именно тогда по инициативе бюро отделения клинической медицины, отделения гигиены, микробиологии и эпидемиологии, бюро отделения медико-биологических наук АМН СССР совместно с Комитетом по физической культуре и спорту и его отделом медико-биологического обеспечения сборных команд страны были включены в планы научных исследований 10 дополнительных тем по олимпийской тематике. Всего же проблемными комиссиями научного совета выполняются 185 тем. Размах научных исследований, посвященных спортивной медицине, огромен. Восемьдесят девять научных учреждений на протяжении вот уже нескольких лет ведут работу в рамках олимпийских тематик.

Каждый институт, каждая кафедра занята разработкой своих конкретных задач. Но здесь, где сейчас собрались представители крупнейших научно-исследовательских институтов, ты не можешь не почувствовать главного, что объединяет их усилия, делает научный поиск особенно целеустремленным. Это, я бы сказала, личная заинтересованность в конечном результате — в качестве исследовательских работ, целью которых является повышение уровня медико-биологического обеспечения спортсменов в период подготовки к Олимпийским играм.

Наука и время, научно-техническая революция, развитие которой идет не просто по восходящей, а по все увеличивающейся крутизне, характерна не только расширением границ познания, но и углубленностью разрабатываемых общих и частных проблем. Отсюда одна из специфических черт современной науки: ее сравнительно узкая специализация в сочетании с комплексным подходом или, как сказали бы медики, с «заинтересованностью» смежных, а иногда и просто далеких дисциплин. В Политехническом музее уже читаются лекции о «физической психологии». В медицине картина та же, с той лишь разницей, что комплексный подход к решению частных вопросов был свойствен ей с весьма отдаленных времен.

— Недавно группой патологии спорта Института общей патологии и патологической физиологии, — отмечает на пленуме председатель научной комиссии «Медицинские проблемы спорта» профессор Сергеев, — проведено комплексное обследование фигуристов. В результате исследований был разработан и внедрен в практику подготовки сборной команды СССР по фигурному катанию специальный тест для определения работоспособности спортсменов...

Слушаю, и мне вспоминается статья в «Спорт иллюстрейтед»: «Уже сегодня идут разговоры, пока чисто теоретические, о генной инженерии». То есть своего рода технической биологии, с помощью которой можно будет еще до рождения человека «запрограммировать» его таким образом, что он станет баскетбольным центром ростом в 2,75 метра и руками пианиста-виртуоза или футбольным защитником ростом в 2,5 метра, весом 170 килограммов, пробегающим стометровку за 8 секунд.

Попытки технократов создать бесчувственную «электронно-вычислительную модификацию человека будущего или «вывести» искусственного спортивного супермена и уже сейчас выдвинуть «идею во имя самой идеи» на-

столько же бессмысленны и жестоки, насколько и бесперспективны. Человек был, остается и останется «мерой всех вещей». Именно поэтому чем дальше и глубже будет продвигаться научная мысль, решая все более усложняющиеся задачи, тем, как мне кажется, будет естественнее и проще их конечный результат в смысле его практического использования человеком. В этом я вижу практическое выражение идеи «все для человека, все во имя человека». Гениальное всегда просто. Но просто именно в своем конечном результате. Рекомендации и средства, о которых сейчас говорит профессор Сергеев, весьма просты. Сложен был путь их разработок. «Безумность» самых, казалось бы, фантастических идей не в усложнении их «на выходе», а в простоте того же конечного результата. Обманчивость в отдаленности, в иллюзии, создаваемой временем. Если бы это было не так, «безумные» идеи Лобачевского и Эйнштейна все еще казались бы нам бесконечно далекими от их практической реализации. Между тем «безумные» идеи Циолковского стали для сегодняшнего школьника пройденным уроком.

Эта великая работа во имя конкретных, жизненно важных результатов в конце концов и определяет развитие общества. Целью остается Человек. Человек, совершенствующий мир. И совершенствующийся в процессе созидания. Спорт и его научно-методологическая основа в этом отношении не представляют исключения...

Теория и практика. Общее — единство цели. Практическое осуществление идей. Практика остается критерием истины. Отсюда эта точность, эта конкретность в сегодняшнем разговоре ученых, занятых разработкой медицинских проблем спорта...

Сейчас профессор Сергеев рассказывает собравшим-

ся в конференц-зале Академии медицинских наук об интересных исследованиях фармакологов. И опять-таки характерная черта: каждая из разрабатываемых ими тем имеет свой практический «выход». У фармакологов — это разработка препаратов стабилизирующего действия, что очень важно, если принять во внимание не только физические, но и психоэмоциональные нагрузки спортсменов высшей квалификации.

Питание спортсменов. Проблема далеко не однозначная. Вот почему в Институте питания исследования велись в двух направлениях. Первое направление ставило своей целью разработку рациона, регулирующего массу тела в пределах определенных весовых категорий. Их работа завершилась созданием специального рациона «Регмасс». Второе направление — создание специального продукта для повышения работоспособности спортсменов. И здесь ученых ожидал успех. После ряда экспериментов был создан продукт «Эрготон».

Москва олимпийская — это десятки новых спортивных сооружений: Крылатское и Лужники, гостиницы в Измайлове и новые комплексы ЦСКА. Это и реконструкция ныне существующих стадионов, бассейнов, треков. А значит, и их гигиена. Институт общей и коммунальной гигиены имени А. Н. Сысина и целый ряд других институтов занимаются такими вопросами, как оптимизация воздушной среды спортивных сооружений или такой, например, областью, как очистка воды в бассейнах и контроль за ней.

Иные задачи ставит перед собой Институт медицинской радиологии. Он разрабатывает методы, которые могут быть использованы в исследованиях спортсменов, специализирующихся в тех видах спорта, где требуется особая выносливость.

Спорт с каждым годом «молодеет». Вот почему сегодня ученые уделяют особое внимание проблемам детского и юношеского спорта. Возглавляют эти работы

Институт педиатрии и Институт гигиены детей и подростков.

На трибуну один за другим поднимаются директора крупнейших научно-исследовательских институтов, заведующие лабораториями и кафедрами, ученые, работающие в различных областях науки. Идет разговор об успехах и недостатках, о том, что сделано и предстоит еще сделать.

Идет деловой, заинтересованный разговор.

Его ведет наука, одетая в «тренировочный костюм».

...Закрывая пленум, академик Волков говорит:

— Совсем недавно я был на приеме у первого заместителя Председателя Совета Министров СССР товарища Новикова. В его кабинете висит календарь, на котором отмечается, сколько дней остается до Олимпийских игр в Москве. Неплохо бы, чтобы у некоторых из вас был такой календарь.

Да, спортивная медицина работает сейчас, сверяя время по «олимпийским часам»...

* * *

...Для меня всегда оставалось загадкой, каким образом распространяются слухи. Во всяком случае, скорость их распространения превышает скорость самого звука.

Лишь вчера перед отъездом в Академию мы с Риммой Ивановной успели обменяться мнением относительно дальнейшего лечения Курицыной, а сегодня с утра все отделение взбудоражено новостью: Зине будут снимать гипс, а значит, она начнет наконец ходить.

Нетрудно себе представить, с каким чувством переступаю порог ее палаты.

Я еще у двери, а навстречу мне бросается, летит

в каком-то неудержимом яростном порыве вопрошающий взгляд. И лица всех, кто в эту минуту в палате, тоже обращены ко мне.

— Это правда? — срывается с ее губ.

— Что правда? — Мое недоумение наигранно, и она прекрасно это видит.

— Мне снимают гипс и накладывают аппарат Волкова — Оганесяна? — Еще есть надежда. Она еще теплится в уголках широко раскрытых глаз, но кончики губ дрогнули и опустились.

— Зина... — как можно будничнее и спокойнее произношу я.

Так опадают листья клена. Медленно, пытаясь хоть на мгновенье задержаться в воздухе. Так опадает ее улыбка. Так медленно гаснут глаза.

— Мы получили твои снимки... Видишь ли...

— Я знаю, Зоя Сергеевна. Бедро...

— Да... Бедро... Пока срастается плохо...

— Значит, опять гипс... Я понимаю... Я понимаю...

Взгляд уходит куда-то в сторону. Скользит по стене. Уходит куда-то в окно. За окном — весна. Мне неловко за это откровенное бесстыдство красок, за эту раскрепощенность пробуждающейся природы, за оживающее, одухотворяющееся пространство света и воздуха.

— Значит, опять гипс...

— Сейчас это необходимо.

— Да-да, я понимаю...

Вдруг почему-то захотелось всем приказать лечь. Всему приказать остановиться. Убрать все глаголы, кроме «стоять», «лежать», «сидеть»...

— Как только бедро срастется, мы сразу же наложим аппарат и начнем разрабатывать колено. Я вчера говорила с Оганесяном.

Быстрый взгляд в мою сторону.

— А не будет поздно?

— Нет. Я скажу тебе откровенно: Оганес Вартано-

вич вначале советовал наложить аппарат. Но в таком случае не было бы гарантии, что не будет травмировано бедро. Сейчас ему нужен покой. С коленом все-таки проще.

В палате мертвая тишина. Но это не пустота, не вакуум. Это почти материализованное сочувствие к человеку, обреченному на неподвижность. К человеку, лишенному ощущения пространства. Из этого сочувствия должно выкристаллизоваться не понимание обреченности, а понимание необходимости того, о чем говорит сейчас врач. Без этой поддержки тех, кто знает истинную цену движению и скорости, расстоянию и времени, было бы трудно и мне и ей.

Я перевожу взгляд на девочек из триста двадцать шестой палаты и читаю одно и то же выражение на каждом из этих лиц: «Вы знаете, что значит для нее сейчас каждый день неподвижности? Что значит он для каждой из нас? Для всех, кто лежит сейчас в вашем отделении?»

Знаю, девочки, знаю. Не только наука, но и спорт живет сейчас по «олимпийским часам». Знаю, потому что когда-то была такой же, как и вы.

Девочки, борьба за очки, метры, секунды для вас уже началась. Она началась здесь. Как и для Зины ее борьба за небо...

Наверное, это и есть суть спортивной медицины. Во всяком случае, так понимаю ее я с той самой минуты, когда соединились во мне обе страсти...

Мы — число множественное...

Как-то на одном из ученых советов в перерыве между двумя защитами (это были две «прочно сработанные» диссертации) профессор Гришин решил вдруг признаться:

— Во время таких защит, Зоя Сергеевна, мне поче-

му-то вспоминается ваша защита докторской. Вы ведь и не подозревали, что среди тех, кто, разинув рот, следил за происходящим, сидел и ваш покорный слуга — тогда еще несмышленый аспирант. Это была не защита. Это был диспут, научный турнир, на котором скрестили шпаги сторонники и противники нового научного направления. С какой страстностью доказывали вы свою точку зрения и как мы, молодые аспиранты и врачи, завидовали вам!

— Вы преувеличиваете, — ответила я ему. — Мы просто приближаемся с вами к тому пределу, когда все чаще хочется сказать: «А вот в наше время...»

Но в чем был прав Иван Григорьевич, так это в том, что я действительно искренне защищала не только саму тему диссертации, которая явилась итогом многолетних клинических наблюдений, — это было исследование, посвященное повреждению менисков и связок коленного сустава при занятиях спортом, — но и новое направление в травматологической науке. Являясь итогом многолетних экспериментов и наблюдений, моя докторская диссертация вместе с тем не закрывала, а, напротив, открывала собой спор о характере и специфике спортивной травмы.

Я вспомнила этот разговор несколько месяцев спустя при подготовке к весьма представительному форуму травматологов-ортопедов, который должен был собраться в середине мая 1979 года в Иванове.

Созданный по инициативе научного совета «Медицинские проблемы физкультуры и спорта» при Президиуме АМН СССР, Всесоюзный конгресс травматологов должен был обсудить актуальные проблемы спортивной травматологии.

...Десятки знакомых лиц. Приветствия, улыбки.

Нет, мы уже не энтузиасты-одиночки. Не Аникивоины. Нас сотни. Мы — число множественное.

Но кто это «мы»? Как выглядим мы сегодня в пред-

дверии Московской олимпиады, в преддверии восьмидесятых годов? Чем занимаемся? Что нас волнует? Каковы наши достижения? И что предстоит впереди?

На все эти вопросы должен был ответить этот крупный форум.

И еще на один вопрос должен дать ответ этот пленум. Правильным ли оказался путь, проложенный более четверти века тому назад нашими первыми исследованиями, нашими первыми кандидатскими и докторскими диссертациями?..

...Сегодня здесь, в старинном русском городе Иванове, городе знаменитых ткачей, собрались представители крупнейших научно-исследовательских институтов, учебных заведений, лабораторий и кафедр, занимающихся вопросами спортивной травматологии. Необходимо обобщить, подытожить большой объем работ, наметить новые пути научно-практических исследований.

Зал переполнен. Неужели было время, когда кому-то приходилось доказывать правомерность спортивной травматологии как самостоятельной отрасли большой травматологии? Невероятно. Еще одна единица измерения времени — степень удивления прошлому перед лицом настоящего.

Академик Волков проходит к трибуне. Разговоры смолкают.

Живые нити, связывающие широкомасштабную, многогранную работу армии (теперь уже армии) спортивных травматологов страны, сходятся в одной точке, энергия индивидуальных и коллективных усилий институтов и кафедр фокусируется в одном центре. В свою очередь, из этой точки, из этого центра направляется к периферии целенаправленный «заряд», стимулирующий работу каждого отдельного звена. Этим центром является все тот же научный совет «Медицинские проблемы физкуль-

туры и спорта». И весьма знаменательно, что человек, стоящий сейчас на трибуне, будучи его председателем, одновременно является директором крупнейшего в стране Института травматологии и ортопедии. Да, мы — число не только множественное, но и знаменательное...

Я знала практически все институты и кафедры, о работе которых шла речь на пленуме. Знала тематику и характер их работ. Это были интересные и разнообразные научно-практические исследования. Но в принципе цель их была одна: та цель, которая была сформулирована еще много лет тому назад основоположниками спортивной травматологии.

В чем же она заключалась прежде и заключается сегодня?

Перед спортивной травматологией стоит задача повышения качества лечения спортсменов путем разработки новых, более совершенных методов с учетом специфики спорта.

Вот одна из проблем — наиболее часто встречающиеся травмы коленного сустава. Сегодня этой проблемой занимается целый ряд институтов. А ведь когда-то ей была посвящена единственная в стране диссертация.

Исследования идут и в области применения сухожильных и ауто — аллотрансплантатов.

Исследования, проведенные в ЦИТО, Минском НИИТО, Самаркандским мединститутом, показали, что эффективным средством реабилитации спортсменов с ушибами и растяжениями сумочно-связочного аппарата коленного сустава является внутрисуставная оксигенотерапия в сочетании с функциональными методами лечения, которая обеспечивает стойкое восстановление спортивной трудоспособности.

Кстати, я вспомнила о симпозиуме в Москве во время проведения первенства мира по хоккею в апреле

1979 года. Я рассказывала о весьма эффективном методе оксигенотерапии с одновременным введением энзимных препаратов, методе, который мы применяем при лечении травм опорно-двигательного аппарата. Надо было видеть, с каким удивлением врачи из США, Канады и ФРГ выслушали мое сообщение. Для них это было настоящим откровением.

Одно из исследований, проведенных нами в ЦИТО, касалось проблемы лечения и профилактики вывихов в плечевом суставе. Это повреждение чаще всего наблюдается у борцов вольного стиля, дзюдоистов и самбистов, реже у борцов, занимающихся классической борьбой. Нередко «лечение» подобных травм происходит здесь же, на ковре, когда тренер сам, не дожидаясь врача, вправляет вывихнутую руку, одновременно не обездвиживая ее на определенный срок. Это нередко приводит к последующим привычным вывихам плеча, лечение которых только оперативное. Ни один из методов консервативного лечения не дает гарантии повторного вывиха. Между тем любая операция, как известно, не исключает возможности осложнений, и дать полную гарантию спортсмену в том, что при продолжении занятий борьбой травма не повторится, хирург дать, к сожалению, не может.

Незадолго до поездки в Иваново нами были представлены в Обществе травматологов-ортопедов сообщения об отдаленных результатах оперативного лечения привычного вывиха плеча у 100 спортсменов, из которых лишь у 12 наступил рецидив вывиха при дальнейших занятиях борьбой.

Путь был непрост и непрям. Он начинался 27 лет тому назад методикой, которая заключалась в том, что перемещалось сухожилие длинной головки двуглавой мышцы и укреплялось в костном ложе на плечевой кости. Результатами мы были недовольны. Мы упорно продолжали искать более эффективный метод.

Где же все-таки слабое звено?

Думали, искали, экспериментировали. Решение нашли не сразу. Но что значит для хирурга само по себе решение? Все было бы значительно проще, если бы он, как никто другой, не был бы озадачен фактором времени. Время — или друг, или враг. Сделали операцию. Результат вполне приличный. А через полгода, год наступает рецидив. Об этом думаешь постоянно. Тем не менее найденное решение нуждалось в проверке.

Мы приступаем к операции по новой методике. Скорее всего причину первых неудач надо было искать в излишнем растяжении сумочно-связочного аппарата и близлежащих мышц, слабо укрепляемых при прошлых операциях. Значит, необходимо теперь добиться и прочности и эластичности всех звеньев оперируемого участка.

Потребовались годы, чтобы пройти путь от первых неудач до сегодняшнего успеха...

Теперь на пленуме в Иванове о подобных операциях мог доложить целый ряд институтов.

Травмы черепа при занятиях спортом, особенно у боксеров, стали предметом детальных исследований в Новосибирском и Тбилисском мединститутах, Московском и Ленинградском ВНИИФКе. Эти исследования положены в основу нескольких диссертационных работ.

К тяжелым повреждениям относятся также травмы шейного отдела позвоночника, характерные для некоторых видов борьбы. Исследования, проведенные в ЦИТО совместно с Государственным центральным ордена Ленина Институтом физической культуры показали, что у подавляющего большинства спортсменов причиной травм явились недостатки педагогического процесса в начальном периоде обучения и формирования специальных двигательных навыков, а в дальнейшем недооценка тренерами специального укрепления шейного

отдела позвоночника в процессе овладения техникой борьбы. Эти положения нашли свое подтверждение и в исследованиях, проводимых в 1-м медицинском институте, Новосибирском НИТО, Киевском НИИО, Кишиневском мединституте и врачебно-физкультурных диспансерах союзных республик. В государственном институте физической культуры выработана поэтапная методика восстановительных мероприятий, заключающаяся в проведении модифицированных тренировочных занятий при иммобилизации шейного отдела позвоночника.

Всесоюзное совещание травматологов уделило особое внимание вопросам детского и юношеского травматизма. В этом направлении работает целый ряд научно-исследовательских учреждений.

Причины возникновения повреждений у детей мало чем отличаются от таковых у взрослых спортсменов. Однако удельный вес их варьирует в зависимости от возраста ребенка, его анатомо-физиологических и функциональных особенностей, а также от лабильности нейро-гуморальной системы. Если у взрослых спортсменов на первом месте по частоте получаемых травм стоит неправильная организация занятий и неправильная методика тренировок, то у детей к этим причинам прибавляется и нарушение дисциплины во время занятий.

С трибуны пленума прозвучало вполне законное обвинение в адрес тех педагогов и тренеров, которые стремятся «натаскивать» молодых спортсменов на сдачу разрядных нормативов. Погоня за рекордными показателями приводит к переоценке физической и технической подготовленности юного спортсмена.

Нерациональное увеличение физических нагрузок, построение занятий без соблюдения принципа постепенности и последовательности в овладении двигательными навыками, отсутствие индивидуального подхода — все

это нередко обусловливает, как констатировали многие травматологи, выступавшие на пленуме, получение тяжелых повреждений.

Различным аспектам лечения детских спортивных травм посвящены фундаментальные исследования Минского НИИТО, Кишиневского мединститута и ряда физкультурных диспансеров нашей страны.

В Иванове всестороннему анализу был подвергнут и остеохондроз, заболевание, широко распространенное в последнее время. В результате всестороннего исследования, проведенного в целом ряде научно-исследовательских институтов и спортивно-физкультурных диспансеров, была установлена связь между сроком появления болей и характером тренировки, особенно при перегрузке позвоночника упражнениями со штангой. Надо сказать, что занятия штангой приобрели в последнее время широкий размах. Штангу и поднимают, и выжимают, и бегают с ней. Причем спортсмены почти всех видов спорта: и мужчины, и женщины, и дети-подростки. Между тем штанга — снаряд далеко не безобидный. В результате большого напряжения происходит постепенная микротравматизация межпозвонковых дисков с последующим развитием в них дегенеративного процесса.

В Центральном институте усовершенствования врачей изучено влияние комплекса медико-биологических и педагогических средств восстановления на функциональное состояние тренирующихся спортсменов-тяжелоатлетов с явлениями остеохондроза позвоночника. Динамические наблюдения показали, что дифференцированное использование бальнеофизиотерапии и медикаментозных средств уменьшает клинические явления остеохондроза, а направленное воздействие комплекса педагогических средств оказалось важным психологическим фактором профилактики этого тяжкого недуга.

Все эти вопросы вызывали у присутствующих живой интерес. Речь шла поистине о наболевшем в прямом и

переносном смысле слова. Каждый доклад, каждое сообщение выслушивалось с большим вниманием.

И все-таки «гвоздем» программы были вопросы, связанные с исследованиями, касающимися спортивного травматизма у лиц высшей спортивной квалификации.

Интересы всех без исключения научно-исследовательских институтов, кафедр, лабораторий, врачебно-спортивных диспансеров были сейчас соединены пятью олимпийскими кольцами.

Конечно, многолетний опыт больших спортсменов, их мастерство в значительной степени определили то обстоятельство, что тяжелые травмы для большого спорта — вещь не характерная. Преобладают в основном легкие травмы. Однако и самые опытные спортсмены не застрахованы от тяжелых повреждений.

Работы нашего института, Саратовского НИТО и Омского мединститута показали, что большая часть осложнений у спортсменов, получивших травму, непосредственно связана со сроком начала специализированного лечения. Осложнения возникали у тех спортсменов, лечение которых начиналось, а затем задерживалось в общехирургических кабинетах и стационарах.

Было сформулировано единодушное мнение: непременным условием лечения и восстановления спортсменов высшей квалификации должно быть своевременное оказание специализированной помощи на базе травмпунктов и специализированных травматологических отделений. Помощь должна оказываться квалифицированными травматологами-ортопедами, а все состязания высших рангов должны обслуживаться врачами-травматологами, прошедшими специализацию по спортивной травматологии.

То, что несколько десятилетий назад большинству моих прежних коллег представлялось гипотезой, стало наконец аксиоматической истиной.

На поле нужен не просто травматолог. Нужен спортивный травматолог...

И еще два вопроса, ставших предметом обсуждения пленума. Это вопрос о восстановительном лечении спортсменов. И вопрос профилактики травматизма.

Актуальность первого из них связана с тем, что результаты восстановления зачастую определяют дальнейшую судьбу человека. Характерной чертой современного восстановительного лечения являются сжатые сроки реабилитации. Они достигаются, как показали исследования и нашего института, и целого ряда других, применением лечебной гимнастики, массажа, бальнеофизиотерапии и медикаментозных средств.

И, наконец, вопрос о профилактике спортивных повреждений.

На пленуме четко прослеживались основные пути, по которым шла эта работа. Это прежде всего усилия ученых, направленные на максимальное устранение организационных недостатков, которые могли бы явиться прямой или косвенной причиной травмы.

Общий же вывод по этой теме прозвучал так: исследования показывают, что в сегодняшних условиях основой профилактических мероприятий в тренировочной и соревновательной практике являются последовательно увеличивающиеся специальные нагрузки на различные участки опорно-двигательного аппарата, под влиянием которых структура всех тканей организма спортсмена постепенно адаптируется к возрастающим специфическим нагрузкам и формируется определенная резистентность к травмирующим факторам.

Кроме того, новые формы тренировочного процесса предусматривают не только готовность спортсмена к физическим нагрузкам, но и психологический настрой его, который также может явиться причиной травмы. Что же касается самого психологического настроя спортсмена, то он прежде всего зависит от его взаимоотношений

с тренером, который, помимо чисто практических знаний, должен иметь представления и медицинского характера о причинах и механизме травмы.

Таков был диапазон тем, ставших предметом обсуждения форума спортивных травматологов страны.

...Город ткачей прекрасно принял нас, принял, что называется, на самом высоком уровне. Мы были гостями меланжевого комбината и других ткацких фабрик. Мы встречались с простыми и сердечными людьми, великими тружениками и труженицами.

И когда меня местные товарищи попросили прочесть несколько лекций для ивановских врачей, специализирующихся в области спортивной медицины, я была искренне рада, что хоть чем-то могу отблагодарить радушных хозяев.

Потом была незабываемая поездка в Суздаль. Сопричастие с прекрасным.

И отъезд...

Удивительная штука. Я ведь и раньше знала, что нас, спортивных травматологов, в стране немало.

Но вот мы встретились. И впервые за много лет — ощущение могучего коллективного разума, коллективной энергии, коллективного опыта.

Наука уже давно не делается в одиночку. Путь к непознанному прокладывает целенаправленное усилие коллективной мысли.

Надо стремиться лишь к тому, чтобы этика отношений, складывающаяся в научном мире, не ослабляла это усилие, не растворяла бы его в горечи мелких обид и недоразумений...

ЧТО ЗА СЛОВОМ!

Все эти дни в связи с поездками, совещаниями, не говоря уже о работе в отделении, не могла выкроить время, чтобы сесть наконец за статью для «Медицинской газеты». Звонили из редакции несколько раз, но что поделаешь, если в сутках всего двадцать четыре часа. Оглянуться не успеешь, как пролетела неделя, другая, месяц... Да что там месяц. Стадион «Строитель»... Каток... Девочка, до самозабвения любящая коньки... И вот уже эта «девочка» приводит в Лужники свою внучку... Правда, еще катается вместе с ней...

Сегодня трансляция из Вены. Очень люблю фигурное катание, но посмотрю сегодня, наверное, только «своего» Ковалева: откладывать статью больше нельзя. Неудобно перед товарищами из редакции.

Так... С чего же начнем? Пожалуй, с того вопроса, который я задала однажды Римме Ивановне: почему так остро ставится в последнее время вопрос о лечении людей, олицетворяющих собой само здоровье? Не кажется ли парадоксальным то обстоятельство, что роль спортивной медицины, как показал, допустим, тот же пленум в Иванове, с каждым десятилетием возрастает? Не кажется ли странным, что спорт в своем развитии, раскрывая огромные физические возможности человека, обнажает одновременно и его слабости?

Оказывается, эти вопросы не только не парадоксальны. Они закономерны. Более того, они злободневны. Злободневны именно в силу возрастающей роли спорта в жизни общества, в силу того значения, которое имеют физическая культура и спорт в гармоническом развитии личности.

Век не только стремителен. Век напряжен. Спорт переживает тот же нагрузочный «стресс», что и наука, экономика, искусство, политика. Отсюда возрастающая опасность биофизиологических срывов. Между тем задача не только в том, чтобы помочь человеку переносить высокие нагрузки, но и создать тот источник физических ресурсов, которые могли бы послужить основой для спортивного долголетия...

Я отрываюсь от листа бумаги. Прикрываю ладонью глаза. Я вижу олимпийский стадион 1980 года. Вижу большой красочный спортивный праздник. Но этот праздник унесет много сил. К этому нужно было готовиться не за год и не за два. Необходимо было создать такой запас прочности, чтобы, «выдав больше, чем все», человек не был бы до конца обессилен. Задача сложная, задача комплексная.

Но дело не только в таких крупных спортивных соревнованиях, как Олимпийские игры. Вот почему, возвращаясь к статье, я пишу о том, что по мере бурного развития физкультурного движения вообще расширяется и сфера научных исследований в области физкультуры и спорта, появляются новые направления, укрепляется связь науки о спорте с другими смежными дисциплинами.

Возвращаясь к мысли о достижении высоких результатов, предполагающих многолетнюю подготовку с использованием напряженных тренировочных режимов, я перехожу к основной теме моей статьи. К вопросам, связанным со спортивной травматологией.

Я говорю о том, что вся история спорта подтверждает ту истину, что в совершенствовании спортивного мастерства, спортивного долголетия, помимо хорошего состояния всех систем организма спортсмена, огромную роль играет опорно-двигательный аппарат, при нарушении одного из звеньев которого и происходит спортивная травма...

Чувствую, что работа над статьей не раз вернет меня к воспоминаниям.

Сейчас вспомнилось то, ныне уже далекое время, когда приходилось доказывать самостоятельность спортивной травматологии как науки. Я еще слышу жаркие споры о правомерности спортивной травматологии, о попытках искусственно вычленить ее из травматологии общей.

Один из самых яростных защитников новой отрасли, ее первооткрыватель, выдающийся советский травматолог профессор Николай Николаевич Приоров, основатель и первый директор Центрального научно-исследовательского института травматологии и ортопедии, учреждения, ныне поистине всемирно известного, уже в двадцатых-тридцатых годах предсказывал всевозрастающее значение спортивной медицины как с практической, так и с научной точки зрения.

В период подготовки наших спортсменов к Олимпийским играм в Хельсинки по его предложению в ЦИТО было открыто единственное в мире отделение спортивной и балетной травмы.

Открытие отделения было продиктовано всей логикой развития большого спорта. Будущее подтвердило прозорливость и глубину мысли большого ученого и патриота.

Чем руководствовались Приоров и его сторонники, доказывая правомерность спортивной травматологии как самостоятельной отрасли науки о травме? В статье я пишу...

Спортивная травма отличается от остальных повреждений как причиной и механизмом ее возникновения, присущих только данному виду спорта (а их, как известно, более 40), так и принципами лечения, где главным является возвращение к спортивной трудоспособности.

Я вспоминаю, какому всестороннему анализу были

подвергнуты на форуме травматологов в Иванове причины и механизм возникновения травм и среди них причины чисто психологического характера.

За пределами статьи остается еще одно воспоминание... Вспоминаю историю Сергея Волкова.

...Ходить и кататься на коньках он научился почти одновременно. В год, как и положено малышу, он сделал свой первый шаг. В три с половиной года вышел на лед. Левая нога поехала налево, правая направо. Поднимая упорно не плачущего малыша, могла ли знать мама, что присутствует при падении, при первой легкой травме будущего двукратного чемпиона Советского Союза, чемпиона мира в одиночном катании? Тем более что общение со льдом особой радости Сереже Волкову тогда не доставляло.

Но пути спортивные неисповедимы, и в десять лет Сережа снова оказался на льду. На этот раз все было гораздо серьезнее. Во-первых, было настоящее (да еще какое!) спортивное общество — «Спартак». Была секция фигурного катания. Были тренер и настоящие тренировки.

Но шло время, и вся эта спортивная атрибутика постепенно утрачивала для Сергея прелесть новизны. В четырнадцать лет мир поражает своим разнообразием, богатством красок, звуков, стремительностью и раскрепощенностью движений. Хочется все увидеть, все попробовать самому, жить по принципу «я во всем и все во мне». Стрелять — это прекрасно. Крутить на перекладине «солнышко» — отлично! А играть в футбол? А самому подобрать на аккордеоне мелодию? А взлететь в небо? Мысль о авиационном училище не оставляла его. Что же касается коньков, то здесь была поставлена конкретная цель — добиться звания мастера спорта и оставить фигурное катание. Но...

Приближалась неофициальное первенство Европы среди юношей. Тренер Сергея Виктор Николаевич Куд-

рявцев готовил его к этому соревнованию весьма серьезно. Результат оказался блестящим — первое место. Выступление в Вене, первая крупная победа изменили Сережины планы. Познав победу, не так-то просто расстаться со спортом. Особенно если ты включен в состав сборной страны и завоевываешь серебряную медаль на крупных международных соревнованиях.

И немного кружится голова. И чувствуешь себя совсем взрослым. Замечания тренера кажутся уже не столь существенными. И обременительнее режим дня. И хочется большей раскрепощенности и свободы.

Но законы спорта суровы. Уже что-то упущено, что-то потеряно. А впереди Гренобль. Олимпийские игры. Надо собраться. Но...

Гренобль. Всего 16-е место.

Очень серьезный разговор с тренером. Да он и сам понимает: надо относиться к занятиям более серьезно. Но еще были сильны центробежные силы. Он чувствовал себя взрослым, и заботы тренера представлялись опекой, назойливой и мелочной. Разговор с тренером был тяжелым для них обоих. Две тяжелые травмы, полученные в том же году на соревнованиях в Горьком, усугубили разлад. Сергей считал, что тренировки были спланированы неправильно: сложные прыжки (аксель в два с половиной оборота) ему пришлось сделать сразу же после отдыха, когда еще не была полностью приобретена форма. Конечно, большая нагрузка на опорно-двигательный аппарат в такой ситуации не могла пройти бесследно. К сожалению, вера в своего ученика, в его техническое мастерство заставляет тренера иногда забывать, что таится за стремлением форсировать нагрузки. Но тут было, как мне кажется, и другое. Сложный, трудный психолого-педагогический фон, на котором проходили занятия, способствовал морально-волевой неустойчивости спортсмена, которая приводила не только к физическим, но и к нервным срывам. Сергей рассказы-

вал мне, что пятое место на европейском первенстве 1973 года было не случайным. Появилась боязнь соревнований. И нужно было время, чтобы суметь преодолеть это состояние.

Между тем колено продолжает беспокоить. Он лечится у нас в отделении. Лечение идет успешно. Снова катается, снова тренируется, снова выступает на соревнованиях.

И вдруг новая и довольно серьезная травма. На тренировках в Череповце Сергей ломает палец на правой ноге. Снова палата в ЦИТО. Разговор с лечащим врачом.

— Сколько времени может занять лечение?

Доктор Башкиров не считает нужным что-либо скрывать от своего пациента:

— Перелом фаланги дело серьезное. Два месяца нога должна находиться в гипсе. Срастаться будет долго.

И тут Волков принимает неожиданное решение: он категорически отказывается продолжать лечение и настаивает на выписке.

— Ну что ж, дело твое. Снимай гипс и тренируйся, если, конечно, сможешь. Но имей в виду: такие вещи не проходят бесследно.

Спортсмена еще где-то можно понять. Приближалось первенство Европы, нужно было самоутвердиться после неудач и утвердить себя в глазах других. Труднее понять тренера, допустившего его к тренировкам.

Впрочем, до тренировок было еще далеко. Пока, превозмогая боль, Сергей учился надевать ботинки...

Спустя три недели на соревнованиях в Загребе он занимает второе место.

В том же году он завоевывает серебряную медаль на первенстве мира в Мюнхене.

Обращаясь к тренеру, судьи спросили, почему Волков не прыгал двойной лутц и двойной флип.

Оба прыжка делаются с зубца правой ноги. При

раздробленном пальце сделать это просто невозможно.

И когда стало известно, в каком вообще состоянии выступал спортсмен, изумлению не было предела.

И все-таки то, что было сделано Сергеем Волковым в Колорадо-Спрингс, заставило забыть и Загреб и Мюнхен. И даже Копенгаген 1975 года, где на европейском чемпионате он занимает первое место по обязательной программе...

...И вот Соединенные Штаты Америки. Колорадо-Спрингс. Чемпионат мира по фигурному катанию.

У Волкова наслоение микротравм, повреждена стопа, серьезная травма коленного сустава. Весьма сложные отношения с тренером. И вообще от него можно ожидать всего. Характер яркий, сильный, независимый, достаточно эмоциональный. Таким привез его Кудрявцев в Колорадо-Спрингс. Привез потому, что знал: технически парень подготовлен, в морально-волевом отношении может сделать многое. Колени... Да, он знает. Но почему обязательно думать о худшем? Надо просто постараться не падать...

На третий день тренировки в Колорадо-Спрингс при выполнении каскада с тройным прыжком и двойным ритбергером он падает на лед и снова разбивает колено.

В больнице устанавливают диагноз: разрыв мениска и связок, задета капсула.

Однако из Колорадо-Спрингс он не уехал. Вернувшись в гостиницу, он время от времени поднимался, брал костыли и потихоньку разминал ногу.

Однажды на крыльце гостиницы, которая находилась неподалеку от места соревнований, он встретил одного из судей. Это был судья из ФРГ, довольно сочувственно относившийся к Сергею.

— Как жаль, что так получилось, — произнес он с искренней теплотой. — Мы так ждали вашего выступления...

— Я выступлю, — ответил Сергей и улыбнулся: уж

больно забавное выражение лица было у этого судьи из ФРГ. Он или не понял то, что сказал ему Сергей, или принял это за шутку. А когда до него наконец дошел смысл сказанного, он просто остолбенел.

Однако врожденная корректность взяла верх:

— Ну что ж, в таком случае я буду искренне рад. Но это невозможно.

«Этот русский или сумасшедший, или просто невежлив...»

Был ли Сергей в эти дни не в себе, я не знаю. Но то, что он был одержим сумасбродной идеей все-таки выступить на мировом чемпионате с болтающимся коленом, несмотря на сильные боли, — в этом нет никакого сомнения.

В тот же день вечером у себя в номере он включил телевизор. По одному из каналов шла передача, посвященная соревнованиям фигуристов.

Корреспондент брал интервью у известного американского спортсмена Мак-Колена.

— Кого вы считаете претендентами на призовые места?

Ни минуты не раздумывая, фигурист ответил:

— Володя Ковалев — 2-е место, Джон Карри — 3-е место.

Себя он прочил, видимо, на первое. О Волкове он вообще не произнес ни звука.

— Вы не представляете себе, Зоя Сергеевна, до какой степени мне было обидно, — рассказывал мне впоследствии Сергей, — тем более что я знал, что уже готовится замена. Вместо меня должен будет выступать Константин Кокора.

Я очень хорошо представляла себе его состояние. Много лет тому назад я пережила нечто подобное, когда разбила колено во время тренировки перед первенством Союза. Спортсмену легко понять спортсмена. Даже тогда, когда далеко за поворотом осталось эхо стартового

пистолета и спортсмен этот давным-давно сменил тренировочный костюм на белый врачебный халат...

Волков сумел сделать, казалось бы, невероятное.

Вот хроника его спортивного подвига.

За три дня до начала соревнований он выполняет обязательные упражнения.

За два дня до соревнований — произвольную программу.

За день до мирового первенства он пробует через боль выполнить все прыжки.

И вот наконец первый день состязаний.

От того ли, что позади остался самый сложный барьер и удалось собраться, преодолеть самого себя, поверить в себя, на льду он не почувствовал волнения. С большим отрывом от Ковалева откатал произвольную.

Перед произвольной программой руководитель научной группы Герман Александрович Титов предложил Сергею обезболить ногу. Но Сергей отказался. Это не была бравада.

— Просто, Зоя Сергеевна, не было времени проверить, как я буду чувствовать ногу. Откатал программу через боль.

И как откатал! Откатал блистательно.

Впервые золотая медаль в одиночном катании у советского спортсмена!

Потом турне по Америке и Канаде — Сан-Диего, Лос-Анджелес, Окленд, Чикаго...

...В Миннеаполисе во время выполнения тройного тулупа он вдруг почувствовал сильный удар, нанесенный в колено как бы изнутри. Преодолев боль, он нашел в себе силы закончить выступление и даже повторить его на «бис». В Чикаго, куда они приехали на следующий день, он решил погреть колено в теплой ванне. Но состояние быстро и резко ухудшалось. Надо было немедленно вылетать домой.

Третье пребывание в ЦИТО. Диагноз: разрыв кап-

сулы, повреждение обоих менисков и связок сустава.

Это была блистательная победа советских фигуристов. Его победа. Можно и должно понять чувства и тренера, и спортсмена, и товарищей по команде. Можно и должно разделить эту радость. И я ее всецело разделяю. Разделяю с той полнотой и искренностью, с какой может разделить его человек, сам переживший чувство победы и знающий, что такое горечь поражения...

...В одной из своих статей я писала:

«При занятиях многими видами спорта частыми являются повреждения коленного сустава. После повреждения менисков, как и при других травмах в области коленного сустава, легко возникают посттравматические заболевания. Поэтому своевременное удаление поврежденных менисков не только избавляет спортсменов от болей и связанного с этим снижения спортивной трудоспособности, но и от угрозы развития деформирующего артроза».

За двадцать семь лет работы мы провели более 5000 различных операций на коленном суставе, большинство из которых падает на удаление одного или двух менисков. Как правило, все спортсмены через три-четыре месяца возвращаются к занятиям спортом, не отмечая неустойчивости в колене, опорность и сила постепенно восстанавливаются до исходного уровня...

У Волкова, к сожалению, все сложилось иначе.

Теперь ему предстояло провести в гипсе два с половиной месяца. Более семидесяти дней, каждый из которых казался для него вечностью. Трудно было ему, трудно было и нам.

Потянулись бесконечные дни, процедуры, назначения, новые процедуры, новые назначения. То, что раньше можно было вылечить быстро и надежно, теперь поддавалось лечению с трудом. Болезнь упорно не сдавала своих позиций. Относительное улучшение вновь сменялось обострениями.

Прошло много, очень много времени, прежде чем наступило то состояние, которое можно было бы назвать, опять-таки весьма относительно, выздоровлением. Опасность рецидивов оставалась...

Это и был тот самый случай, который я имела в виду, говоря в статье о посттравматических заболеваниях, возникающих в результате тяжелых повреждений суставов. Та цена, какой нередко достается победа и о которой не может не думать врач...

Но опасны не только повреждения менисков. После них, как показывает наша многолетняя практика, второе место в количественном отношении занимают травмы связочного аппарата. Особенно страдают внутренняя боковая связка, передняя крестообразная и в меньшей степени наружная боковая. Это приводит к потере устойчивости, опороспособности конечности. Оперативное вмешательство в таких случаях наиболее эффективно в первые дни после получения травмы, когда еще не наступила ретракция связки и ее рубцовое перерождение. Здесь очень важно правильно и вовремя суметь поставить диагноз, ибо от этого будут зависеть выбор метода лечения и сроки восстановления спортивной трудоспособности...

И снова я откладываю в сторону ручку. Еще одно воспоминание...

1960 год. Наше отделение спортивной и балетной травмы ведет исследование в области пластических восстановлений связок.

Идет упорный поиск ауто- и аллотканей. И вот наконец первый успех. Впервые в практике отечественной и зарубежной травматологии мы применили при пластическом восстановлении связочного аппарата синтетический материал лавсан. Лавсан обеспечивал, с одной стороны, крепость, с другой — его эластичность. Иными

словами, решал две, казалось бы, трудносовместимые задачи. Отдаленные результаты первых операций показали, что оба качества — и крепость и эластичность — не ухудшались со временем и позволяли спортсменам продолжать занятия спортом.

Мы выходили на решение новых сложных проблем — оперативного вмешательства при разрывах ахиллова сухожилия.

Разрыв ахиллова сухожилия... Это был не просто диагноз. Для спортсмена, артиста цирка или балета это был приговор окончательный и бесповоротный. Нельзя было допустить и мысли, что человек с подобной травмой мог бы продолжать спортивную или артистическую деятельность. Оперативное вмешательство и дальнейшее лечение избавляли человека от инвалидности, но не восстанавливали в полной мере работу голеностопного сустава. К сожалению, подобная травма была не только тяжелой, но и нередкой.

Вот почему разрыв ахиллова сухожилия был одним из самых актуальных вопросов спортивной травматологии. От его успешного разрешения зависело не только здоровье сотен людей, но и их судьбы. Необходимо было найти способ щадящего оперативного вмешательства, при котором с течением времени полностью восстанавливалась бы работоспособность сустава. Прецедентов не было. Но ведь когда-нибудь что-то возникает впервые!

Шли многочисленные исследования, эксперименты, возникали и отвергались одни идеи, их место занимали другие...

Сегодня я снова вспоминаю начало...

...В те годы не только спортсмены, но даже многие спортивные врачи не умели распознать разрыв, а тем более надрыв ахиллова сухожилия. Вот почему Вален-

тин Муратов и был допущен к соревнованиям на Кубок СССР, хотя полученная травма на тренировке была чревата очень серьезными последствиями.

Неизбежное должно было случиться.

На Кубке Советского Союза, проходившем в «Крыльях Советов», во время разминки лидер соревнований получает сильный удар в область пятки. Боль была настолько сильной, что Валентин упал ничком на ковер.

А через несколько минут в зале прозвучали слова:

— В связи с травмой выбыл из соревнований Валентин Муратов.

А через день в старом здании Центрального института травматологии и ортопедии у Крымского моста врач приемного покоя вывела крупными буквами: «История болезни № 561, Валентин Иванович Муратов, 27 лет, гимнаст. Диагноз: разрыв ахиллова сухожилия...»

К тому времени, когда врач приемного покоя внес первую запись в историю болезни № 561, обстоятельства несколько изменились. Отделение спортивной травмы уже располагало данными, которые позволяли судить о том, что оперативное вмешательство по поводу разрыва ахиллова сухожилия может вернуть человеку не только здоровье, но и возможность заниматься спортом и дальше.

Опыты были весьма немногочисленны. И отношение к их отдаленным результатам очень осторожное, как со стороны нашей, так и со стороны руководства институтом.

Вот почему, осматривая на следующий день вместе с профессором Приоровым нового пациента, я очень осторожно отнеслась к окончательному выводу относительно его лечения.

Дело осложнялось тем, что перед нами был не начинающий спортсмен, не перворазрядник, чьи прошлые и дальнейшие спортивные успехи связаны со сравнительно небольшими нагрузками. Перед нами предстал в ка-

честве пациента прославленный гимнаст, неоднократный чемпион Советского Союза, мира и Европы.

Мы скрупулезно, шаг за шагом, исследовали мышцы ног, подводили ток, с точностью до долей минуты измеряли градусы сгибания и разгибания голени, мы изучали степень и характер сокращения мышц.

Когда диагноз окончательно подтвердился, встал вопрос о методе лечения. Удастся ли сохранить нашего пациента для спорта в случае консервативного лечения?

...В 1948 году у постели солиста балета Большого театра народного артиста республики Габовича крупные советские травматологи Приоров, Чаклин, Куслик, Фринлянд решали вопрос о путях лечения полученной артистом травмы ахиллова сухожилия.

Сложность ситуации заключалась в следующем. Хирургическое вмешательство могло лишить артиста возможности продолжать свою деятельность, что же касается консервативного лечения, на котором, в частности, настаивал Куслик, то практика в то время еще не знала случаев полного возвращения трудоспособности. Человек выздоравливал, но танцевать или заниматься спортом уже не мог.

В случае с Габовичем был выбран консервативный путь лечения, увы, он не увенчался успехом...

...Пройдет несколько лет. В Большом театре на одном из утренних спектаклей, как говаривали в старину, будут давать «Лебединое озеро».

В кресле рядом со мной сидит непосредственный и бескомпромиссный ценитель, каким может быть лишь первоклассница хореографического училища Большого театра, которой едва исполнилось десять лет, но которая уже знает, что такое сцена. Вся она подалась вперед, глазенки горят, она едва дышит от переполняющего ее восторга.

— Тебе нравится принц?

— Тише, бабушка. Не мешай. Очень нравится.

Мне он тоже нравится. Нравится и Одетта. Но принц почему-то нравится сегодня больше. Каждое его движение приковывает к себе мое внимание. С волнением слежу я за легкими изящными прыжками, и каждый из них отдается во мне тревожной радостью. Совсем недавно «принц» шел по коридору нашего отделения, делая первые осторожные шаги после операции. Несколько недель назад мы соперировали народного артиста Вячеслава Гордеева по поводу разрыва ахиллова сухожилия. И хоть методика операции была давно и тщательно разработана нами и выздоровление не вызывало сомнений, но не оставляла мысль о том высоком уровне исполнительского искусства, с которого был «сняг» артист и на который он должен вернуться...

И вот Большой театр. «Лебединое озеро». И блистательный дуэт — Надежда Павлова и Вячеслав Гордеев.

Но этот утренний спектакль, на котором я была вместе с внучкой, состоялся много позже...

Я еще и еще раз перелистывала литературу. Читала все, что было написано на эту тему у нас и за рубежом. Случаи сохранения полной динамики стопы с возможностью переносить большие нагрузки я не находила. Расстроенная, закрывала книги и вновь погружалась в размышления.

Итак, оставалась операция.

О чем говорили те отдаленные результаты сорока операций, которые я сделала? Они говорили о возможности вернуть спортсмена в строй. Но, во-первых, это была лишь возможность. И, во-вторых, какого спортсмена и в какой строй. Все, что до сих пор было сделано мною и моими коллегами, было сделано на уровне средних спортсменов. Их дальнейшие выступления вряд ли будут проходить на уровне всесоюзных, а тем более мировых чемпионатов, не говоря уже об Олимпийских играх.

Пациента, который лежал в нашем отделении сей-

час, надо было не только вылечить. Его нужно было вернуть на уровень прежних достижений. Тем более что все мы — врачи, спортсмены — были под сильным впечатлением того мужества, которое продемонстрировал Валентин Муратов на соревнованиях во Франкфурте-на-Майне, выступая с надрывом ахиллова сухожилия.

Я на минуту откладываю в сторону книгу. Вот, собственно, главное, что отличает спортивного врача от всех прочих. Ему свойствен особый оптимизм, он исходит из тех сверхзадач, которые ставит перед собой его необычный пациент. Он, спортивный врач, идет со спортсменом в одной связке. Он понимает и разделяет главные движущие мотивы тех поступков, которые с обывательской точки зрения, с точки зрения общепринятых норм могут быть истолкованы как, мягко говоря, неразумные. Вот почему мы, врачи, не могли не поставить перед собой и на этот раз сверхзадачу...

Итак, операция. Иного выхода я не видела.

Сейчас, много лет спустя, я вновь шаг за шагом повторяла ход этой необычной операции, положившей начало новому способу лечения разрывов ахиллова сухожилия. Первой операции, после которой спортсмен смог вернуться в большой спорт.

Теперь, спустя десятилетия, все это кажется само собой разумеющимся. Азбукой студента-медика.

Но не за азбучными ли истинами скрываются подчас наибольшие усилия, наибольшее напряжение воли, мысли? И сердца...

Сложность заключалась в том, что при разрыве ахиллова сухожилия происходит резкое разволокнение ткани. Необходимо собрать эти разрозненные волокна и сшить их с дополнительно наложенной аутотканью. И не просто сшить, а обеспечить максимальную прочность.

Но, обеспечивая максимальную прочность, мы тем самым в какой-то мере сковываем подвижность сшивае-

мого сухожилия. С другой стороны, без гарантии максимальной прочности невозможно было бы говорить о повышенных нагрузках.

Круг замыкался.

Но разрубить его мог все-таки только скальпель...

Со дня этой незабываемой операции прошло много лет. В отделении спортивной и балетной травмы сделаны за эти годы тысячи операций. Но и сегодня я могу сказать с полной убежденностью: операция, как бы детально она ни была разработана, как бы часто ни проводилась, всегда отмечена, пусть иногда незаметной, черточкой неповторимости. И вот почему.

Подобно музыкальному произведению, знакомому, многократно исполняемому, каждая операция характерна не только почерком исполнителя, но и его внутренним состоянием. Все знакомо, все то же. Костный укол... Наложение жгута... Надрез... Расширение надреза... Сшивание... Все то же. И всякий раз по-другому...

Я верила в успех... Я верила в своего пациента, потому что видела в нем своего союзника.

Весь предоперационный период с чисто психологической стороны я стремилась добиться одного: мой пациент должен был быть уверен, что после операции ему не придется расстаться со спортом.

Такой день наступил. Войдя однажды в его палату, я увидела улыбку. Было в ней что-то такое, отчего я почувствовала в Валентине прежнего Муратова. Обмен шутками, несколько ободряющих слов...

С этой улыбкой он пошел на операцию...

Все было сделано точно, четко, аккуратно, без промахов. И все-таки...

Все-таки было сшито ахиллово сухожилие. Операция, после которой редко возвращаются в строй и после которой никогда и никто не завоевывал ни всесоюзных, ни мировых титулов...

Через несколько месяцев человек со сшитым ахилло-

вым сухожилием после операции, которая иногда не позволяла спортсмену достичь даже средних результатов, завоевывает звание олимпийского чемпиона.

В Мельбурне я была среди тех, кто стоя приветствовал Валентина Муратова, завоевавшего две золотые медали...

Таким было начало. Дни, которых нельзя забыть и о которых сегодня, работая над статьей, посвященной успехам советской спортивной травматологии, я не могла не вспомнить.

Прошли годы. Вопрос о восстановлении спортивной трудоспособности при разрыве ахиллова сухожилия сегодня не является дискутабельным. От Олимпийских игр в Мельбурне до Олимпиады-80 в Москве пройден большой путь. Десятки, а может быть, сотни спортсменов успешно выступают на различных соревнованиях, достигая высоких результатов. Диагноз, поставленный врачом, уже давно не звучит для них приговором. Но было начало, был первый шаг, с которого начинается любая дорога...

Но на горизонте уже вырисовывались тревожные контуры новой опасности.

Микротравма... Микро... Ерунда, пустяк. Но все коварство как раз в том, что именно в микротравме заключена подчас особая опасность. Это как раз тот случай, когда диалектический принцип перехода количества в качество имеет весьма печальную окраску.

Надо было обладать незаурядной прозорливостью большого ученого, чтобы еще двадцать лет назад, на заре спортивной медицины, увидеть в этих подчас небольших и, казалось бы, вполне безвредных повреждениях ту самую угрозу, которая спустя десятилетия встревожит спортивный и медицинский мир. Этим ученым был академик Н. Н. Приоров.

Обстоятельства сложились так, что мне пришлось в те годы лишь коснуться этой проблемы и лишь спустя много лет все та же жизнь заставила меня вплотную заняться микротравмой.

Ситуация складывается весьма противоречивая. С одной стороны, для большого спорта тяжелые травмы не характерны. Характерны микротравмы. Но именно они приводят рано или поздно к ситуациям, в которых когда-то оказалась олимпийская чемпионка Надежда Чижова, а сейчас тоже олимпийская чемпионка Лена Вайцеховская, и, к сожалению, не только они. А ситуация порой складывается весьма сложная.

Микротравма — это прежде всего повреждение мягких тканей, подкожной клетчатки, сухожилий, мышц. Это также и изменение надкостницы и даже самой костной ткани. Уже один этот перечень говорит об объеме и характере этих повреждений. А если к этому прибавить разнообразную локализацию и тенденцию к увеличению микротравм в связи с возрастающими спортивными нагрузками, то микротравма перерастает в макротравму. Вот почему известный итальянский спортивный травматолог профессор Ла-Кава с полным правом назвал микротравму микротравматической болезнью.

Вплотную мы занялись этой проблемой в конце шестидесятых годов, как раз тогда, когда в спорте уже отчетливо определилась тенденция к увеличению спортивных нагрузок. Жизнь рекордов становилась все короче. Теперь для достижения высоких результатов необходимо было еще большее физическое и нервное напряжение, еще большая отдача сил. Между тем возможности человеческого организма небеспредельны. Угроза диспропорции между нагрузками и возможностями организма с каждым днем становилась все более реальной. Диспропорция возрастала. Кроме того, имели место нарушения учебно-тренировочного процесса, также способствовавшие усугублению этой дисгармонии. Как раз тот

случай с членом сборной по легкой атлетике Татьяной Проскуриковой, о котором рассказывал мне совсем недавно доктор Воробьев.

Где и в чем нам, врачам, искать выход? В основном проблема решается путем консервативного лечения. Время — вот тот фактор, который здесь необходим.

Именно это я имела в виду, обсуждая с Риммой Ивановной путь дальнейшего лечения Вайцеховской. Время и терпение, необходимые в одинаковой степени и врачу и пациенту. Здесь большое значение имеет чисто психологический фактор. Здесь, при консервативном лечении, нет и не может быть эффектных, моментальных результатов. Вот почему необходимо безраздельное доверие к врачу. Верить в благополучный исход лечения даже тогда, когда исход этот скрыт за вереницей заполненных болью дней. К сожалению, не всегда хватает у пациентов этого оптимизма...

Можно ли избежать этого тяжкого недуга? В этом смысле имеют огромное значение два обстоятельства: правильная методика проведения тренировок и повседневное, систематическое обследование спортсменов врачами команд и специалистами физкультурных диспансеров.

В статье для «Медицинской газеты» я не могу не обратить внимание на такую острую проблему, как детский спортивный травматизм. Проблему, без которой не обходится ни один конгресс, ни одна конференция травматологов и спортивных врачей других специальностей.

Рекорд в 17, рекорд в 14, рекорд в 12 лет... А дальше? Разве мы не должны задуматься пусть над яркой, но короткой вспышкой молодого таланта? Разве не наш долг и прямая обязанность сделать все от нас зависящее, чтобы продлить короткую спортивную жизнь мальчишек и девчонок? Но что происходит? Статистика показывает, что пока рано говорить об уменьшении случаев детского спортивного травматизма и особенно по-

вреждения позвоночника. Под влиянием возросших тренировочных нагрузок у детей с неокрепшим опорно-двигательным аппаратом нередко наблюдаются значительные изменения в позвоночнике.

Отделение много работает над этой темой. Обследуются дети различных спортивных школ страны, даются различные рекомендации.

Что показывают эти обследования? Прежде всего необходим более качественный отбор детей в детские спортивные школы. Необходимо использовать новейшие методы обследования детей при решении вопроса о выборе вида спорта. Необходимо самым строжайшим образом наказывать тех педагогов, врачей и тренеров, которые в погоне за спортивными результатами нарушают методику и принципы тренировочных занятий.

«Не надо забывать, — пишу я в статье, — дети не столько настоящее, сколько наше будущее. И не только наше, но и их будущее. И преступно лишать их этого будущего, черпая таланты-однодневки из вечно обновляющегося источника, имя которому — детство».

Наконец, вопрос вопросов — профилактика спортивной травмы. Это цель, это задача, это главное. Ни одно из звеньев врачебно-спортивной системы, взятое само по себе, решить эту проблему, конечно же, не в состоянии. Успех я вижу лишь в теснейшем контакте и согласованности Комитета по физической культуре и спорту с Федерацией спортивной медицины.

В слова, которыми я заканчиваю статью, я верю:

«Большая работа, проводимая врачами, работающими в области спортивной медицины, непременно поможет нашим спортсменам в достижении высоких результатов на предстоящих Олимпийских играх...»

Просматриваю статью еще раз. Вместо пяти-шести страничек получилось, конечно, больше. Но ведь не рассказала и сотой доли того, что сделано. Да и невозможно рассказать обо всем.

...Который час сейчас? Ого, уже половина двенадцатого. А ведь кажется, только что я прошла к себе и села за письменный стол.

Из большой комнаты доносятся «Сказки Венского леса». Тихо, приглушенно. Молодец Павел, старается не искушать меня трансляцией из Вены. Это, может быть, жестоко, но необходимо. Он-то знает, как я люблю фигурное катание и с каким удовольствием все эти дни слежу за выступлениями и наших и зарубежных фигуристов. Несколько раз я не выдерживала, оставляла письменный стол и присаживалась на диван рядом с мужем.

Зрелище, красочное, музыкальное, темпераментное, захватывало меня. И не без волевого усилия я заставляла себя подниматься с дивана.

Но теперь, кажется, все.

Я прохожу в комнату и, откинувшись на спинку дивана, с удовольствием вытягиваю ноги.

— Закончила? — не отрывая глаз от экрана, спрашивает Павел Дмитриевич.

— Как будто. Ковалев выступал?

— Неужели я бы тебя не позвал?

Информатор по-английски объявляет выход Ковалева. Раздаются аплодисменты. Все это отчетливо слышно еще до того, как наш Сурков, стараясь скрыть волнение, говорит о том, что наступает решающая фаза соревнований.

Я тоже волнуюсь. Павел чувствует это и с первым же движением фигуриста берет оптимистическую ноту:

— Молодец! Нет, ты посмотри, какой молодец твой Ковалев. Как прыгает! Неплохо вы его подремонтировали...

— Думаешь, займет первое место?

— А тут и думать нечего.

К словам мужа я привыкла относиться с большим доверием. Чувство это появилось не сегодня и не вчера.

Это складывалось в течение многих лет. Складывалось постепенно и непросто. Прекрасно помню первые дни его зарождения.

Я, в то время еще школьница, прихожу в Самарский переулок на стадион совторгслужащих, где меня знакомят с велогонщиком и чемпионом по конькам Павлом Мироновым.

Я пришла не одна. Пришла со своим приятелем художником, которого Миронов и его друзья сразу же окрестили Петя Берет.

Они активно не восприняли берет Пети, что в те годы, как и галстук, казалось проявлением буржуазных вкусов. Мне же было не до Пети. Я таращила глаза на высокого парня, которого узнала по дружескому шаржу в «Вечерке». Под шаржем было всего две строчки: «Наследник двух спортивных тронов — коньки и вело — П. Миронов». Этот «наследник спортивных тронов» и должен был стать теперь моим тренером.

Мой новый тренер отнесся скептически не только к моему спутнику, но и ко мне. Меньше всего его занимало то, что перед ним была довольно самонадеянная юная конькобежка. Его занимало другое. Мои падения на поворотах и снижение скорости на них. Строг и требователен он был страшно. И отношения складывались между нами сложные. Пожалуй, где-то там, в глубине этих несогласий, протестов, срывов, и рождалось у девчонки чувство доверия к своему наставнику. Дело свое он, конечно, знал отлично. И не чувствовать этого было невозможно.

И так уж получилось, что сначала надо было доверять тренеру, потом мужу. Тем более, если твой муж — живая история советского спорта...

Прав он оказался и на этот раз.

Сколько раз за годы, прожитые вместе, мы поздравляли друг друга с победами. Но сегодня, когда его голос

заглушают доносящиеся с экрана аплодисменты в адрес нового чемпиона мира, мне особенно приятно слышать:

— Ну что ж, поздравляю тебя.

И, улыбнувшись, добавляет:

— Ладно скроен, а главное, крепко сшит...

Ну что тут скрывать. Конечно же, приятно, когда в таких победах есть частичка твоего труда, твоего сердца.

Устаешь... На каком-то рубеже вдруг почувствуешь, что уже не тот возраст, не те силы. И кто знает, не будь этого постоянного чувства твоей необходимости, может быть, давным-давно «сошла бы с дистанции».

Незаменимых людей нет, хотя в принципе каждый по-своему неповторим. В науку вступают молодые, вступает поколение моего Сергея. Они пойдут дальше нас и сделают больше нас. Но есть опыт, и, пока есть силы, пока то, что делаешь ты, приносит плоды, можно и нужно работать.

Я иду в спальню и ставлю будильник на семь часов утра...

* * *

...Жизнь в отделении идет своим чередом.

Утром, лишь только вхожу в отделение, вижу в коридоре Володю Шадрина. Уже без костылей, с палочкой он эдаким фертом вышагивает по коридору. Издалека улыбается мне, показывая всем своим видом, что все у него в полном порядке.

Значительно бодрее выглядит и Максименко. Он все реже лежит и все чаще старается бывать в коридоре. Его нетрудно понять — столько дней неподвижности. Часами смотрит в окно. В эти минуты для него нет ни стационара, ни врачей, ни палаты. Весь он там, за пределами больничных стен, за пределами боли.

Многое изменилось и в триста двадцать шестой палате. Ушла очаровательная Наташа. Выписалась и уже

станцевала первый спектакль Алла Михальченко. Значительно бодрее чувствует себя Лена Вайцеховская. Дела идут на поправку.

Кончилось мучительное бездействие и для Зины Курицыной. Теперь она очень занятой человек: целыми днями с того момента, когда мы наложили ей аппарат Волкова — Оганесяна, Зина разрабатывает ногу. С каким великотерпением она это делает! Сначала я боялась, что после долгих месяцев почти полной неподвижности наша великомученица слишком рьяно примется за дело. Но жизненный опыт многому научил ее. Все, что только способно вернуть ее к прыжкам, для нее становится законом. Упорство поразительное, терпение бесконечное...

Жизнь идет своим чередом. Но в этих днях все-таки улавливается какой-то особый настрой, какая-то особая атмосфера.

Нетерпеливы новички, лишь переступившие порог отделения. То же нетерпение читаю я в глазах и тех, кто уже не одну неделю ведет борьбу с недугом. Лечившиеся старательно лечатся еще прилежнее. Непослушные стали послушными. Упрямые — сговорчивее.

Чаще разговоры о спорте, о будущем. Разговоры серьезнее. Пауза используется для размышлений о прошлом и перспективах.

Евгения Васильевна Богуцкая, прекрасно знающая и чувствующая настроение своих пациентов, знающая и любящая спорт, замечает, войдя в ординаторскую:

— Товарищи, если вы хотите поднять настроение у ваших больных, пообещайте, что все они поправятся к Олимпийским играм...

3.
ИГРЫ

ЛЕГЕНДА О ПРАВДЕ

Солнечный луч ударяет в стекло, раскалываясь на миллионы ослепительных брызг. В кабинеты, лаборатории, рекреации, в широкие коридоры льется небо. Сорвавшееся с уст слово поднимается вверх, звук ширится, разрастается, и гулкое эхо прокатывается по пустынно-звонким помещениям. Все сверкает такой чистотой, белизной, свежестью, так ослепительны все эти ультрастомы, центрифуги, велоэргометры, так ослепительны стекло и никель, что в эту минуту чувствуешь себя перенесенной в будущее, на страницы Ефремова и Бредбэри. Но стекло и металл еще не движутся, не дышат. По тонкой проволоке проводов еще не пробежал нервный импульс электрического тока. Все беззвучно, безжизненно, холодно. Воображение поражено лишь богатством и разнообразием причудливых форм и линий...

Центр медицинского обслуживания XXII Олимпийских игр еще пуст. Запах олифы, лака и красок еще не вытравлен запахами карболки, нашатыря, йода. Коридоры и кабинеты еще не наполнены гулом шагов и приборов, не озвучены человеческими голосами. Люди в белых халатах еще не обжили, не согрели своим дыханием эти стены.

...На Олимпийских играх в Москве принцип медицинского обслуживания спортсменов остается в принципе тем же, что и на всех предыдущих Олимпиадах. Но значительно расширяются его масштабы.

Так же, как и на предыдущих играх, здесь, в олимпийской деревне, создан этот центр медицинского обслуживания, так сказать, «центральный спортивный госпи-

таль», где оказывается помощь и производится лечение олимпийцев с серьезными травмами и заболеваниями.

В местах соревнований и тренировок организуются медпункты, обеспеченные всем необходимым для оказания первой помощи и лечения спортсменов.

Большой парк санитарных машин «Скорой помощи» и реанимации обеспечит срочную доставку заболевших в медицинский центр.

Организуются многочисленные врачебные бригады, обслуживающие сборную команду страны, обеспечивающие комплексное обследование и лечение спортсменов.

Однако это не все.

Все крупнейшие клиники и больницы Москвы подключаются к этой работе. Большое значение уделяется экспресс-реабилитации, иначе говоря, быстрому, мобильному восстановлению спортивной работоспособности.

Большая армия ученых-медиков, врачей, большое количество сестер включаются в работу по медицинскому обеспечению Олимпийских игр-80.

Системы обеспечения оборудованием, инструментами, связью и транспортом тщательно отрабатываются с учетом любых неожиданностей. Только антидопинговая служба Олимпиады насчитывает десятки врачей-специалистов.

Если же принять во внимание весь комплекс медицинских вопросов, от стоматологии до дерматологии и от сердечно-сосудистых заболеваний до травм, если принять во внимание, что Олимпийские игры в Москве будут крупнейшими за всю историю олимпийского движения, то нетрудно себе представить размах медицинского обеспечения Игр-80.

Но пока центр медицинского обеспечения пуст...

Там, за окнами, откуда льется небо, за кронами молодых лип силуэт олимпийской деревни. И та же тишина. Тишина преддверия. Тишина кануна. Ее объемность, огромность равновелика тому взрыву волнения,

которое, переполнив чашу олимпийского стадиона, разольется на многие километры вокруг. Оно достигнет коридоров и кабинетов, по которым сегодня я еще брожу в одиночестве. Реальнее, ощутимее станет единство этих стен с тем, что будет происходить на олимпийских аренах. Все сольется в единое целое. Единый нерв пронижет людей в белых халатах и выходящих на старт олимпийцев. Мы вместе берем старт. И я волнуюсь. Волнуюсь оттого, что на этот раз мы берем старт здесь, у себя дома.

Волнуюсь оттого, что приятная миссия быть гостьей должна смениться весьма ответственной обязанностью быть «хозяйкой дома». Во всяком случае, полученное накануне письмо недвусмысленно напомнило мне об этом: «Члену Национального Олимпийского комитета СССР профессору Мироновой З. С. Уважаемая Зоя Сергеевна! Заседание Организационного комитета состоится 30 августа 1977 года по адресу: Скатертный пер. 4, Спорткомитет СССР. Повестка дня: Задачи НОК и спортивных федераций СССР в связи с итогами XXI Олимпийских игр в Монреале».

Четыре года назад я заканчивала свою книгу «Возвращение чемпиона» такими словами: «Мы расстаемся с тобой, читатель, у точки отсчета особого времени — предолимпийского, времени нашей Олимпиады. Я верю: спорт, устремленный в будущее, спорт, освященный идеями добра и гуманизма, во многом определит черты времени. Вот почему уже сегодня я стремлюсь угадать эти черты в тех, кто через четыре быстротечных года выйдет на белую линию олимпийских стартов».

Это было после Монреаля. На горизонте уже четко вырисовывался силуэт Москвы.

Со скоростью самых высоких рекордных секунд пронеслось время. Но оно не только быстротечно. Оно необычайно интенсивно. Четыре года, некогда составлявшие межолимпийский цикл, это совсем не нынешние че-

тыре года. Время с каждым последующим мгновением становится плотнее, насыщеннее, гуще. Такова диалектика развития общественной жизни, будь то политика, культура или спорт. Однако быстротечность и интенсивность времени еще не определяют сами по себе его характер. Обострение самых различных противоречий, напряженнейшая борьба на всех направлениях общественного развития обострила те черты времени, которые сделали его лицо не только жестче, но и мужественнее. Естественно, что все это в той или иной степени не могло не коснуться спорта и, в частности, олимпийского движения, как одной из существенных сторон общественной жизни. Говоря об итогах XXI Олимпийских игр в Монреале, тех игр, с которых начинался отсчет московского олимпийского времени, Президиум Национального Олимпийского комитета СССР отмечал, что острая спортивная борьба проходила в условиях обостряющейся политической борьбы. И может быть, именно в силу этого «делегация СССР вместе с делегациями других социалистических стран прилагала усилия к тому, чтобы Игры в Монреале стали подлинным праздником дружбы и сотрудничества спортсменов».

Эти слова звучали в унисон с теми идеями, которые были заложены в преамбулу «Основных положений программы МОК «Олимпийская солидарность», программы, которую несколько часов назад мы обсуждали на очередном заседании Олимпийского комитета: «Главной целью программы Международного Олимпийского комитета «Олимпийская солидарность» является координация деятельности национальных олимпийских комитетов в дальнейшем развитии международного олимпийского движения как важного социально-общественного явления XX века. Эта программа направлена на широкое распространение олимпийских идей, сплочение единства и универсальности международного олимпийского движения, способствуя делу укрепления мира между на-

родами. Осуществление борьбы с проявлениями всех видов дискриминации в любительском спорте (политической, расовой, религиозной). Всемирные Олимпийские игры, проводимые МОКом один раз в четыре года, являются смотром результатов развития международного олимпийского движения на всех континентах, демонстрацией высших достижений в олимпийских видах спорта, великим праздником спортивной молодежи».

Взяв старт в Вене 23 октября 1974 года, в день открытия 75-й сессии МОК, сессии, на которой было принято решение о проведении XXII Олимпийских игр в Москве в 1980 году, время в один прыжок преодолело расстояние в шесть лет. То, во что лишь верилось несколько лет назад, то, что лишь предугадывалось у линии будущих стартов, стало реальностью сегодня у линии финиша. Зазвучали новые имена, появились новые рекорды, кто-то сошел с дистанции, кто-то впервые принял старт. Волнуют и радуют победы, волнуют и огорчают поражения. Но есть и нечто иное, и, как мне кажется, главное.

Естественно, спорт не определяет собой черты времени в той степени, в какой время определяет социально-нравственный характер и значение физического развития. Но спорт с его устремленностью в будущее, его оптимизмом не может не смягчить дня сегодняшнего, не может не оказать влияния на развитие различных общественных тенденций. «Цель олимпийского движения, — провозглашает Хартия Олимпийских игр, — заключается в содействии развитию тех прекрасных физических качеств, которые приобретаются в соревнованиях на дружеских полях любительского спорта и в объединении молодежи мира один раз в четыре года на великом спортивном празднике». Это не просто демонстрация спортивных достижений с точки зрения физических возможностей человека. Это Человек и Личность в целом. Единство Тела и Духа в минуты высочайшего

подъема. Жизнь в ее наиболее ярком и полном выражении.

Для меня, не только свидетеля, но и в какой-то степени участника шести Олимпиад в шести городах мира, это уже давно стало истиной, не требующей доказательств, явлением очевидным и закономерным.

Помню, как в один из первых дней нашего пребывания в Мехико мы посетили антропологический музей, возле которого была установлена фигура древнего «Бога дождя».

Шел дождь. Дождь был теплым и ласковым. За его стеклянными каплями пряталась загадочная улыбка древнего божества ацтеков.

А там, дальше, в тихой глубине музея на одной из стен были начертаны слова: «Веру в будущее найдут народы в величии прошлого».

Потомки ацтеков имели право верить в это.

Но вера в будущее обретается не только в памяти о величии прошлого.

Ее обретают прежде всего в победах над труднопреодолимым настоящим.

И все-таки здесь у белой линии старта Московской олимпиады память невольно возвращается к прошлому.

К тому, что время успело сделать легендой.

А память — правдой...

* * *

...Передо мной небольшая книжечка в серой обложке. Юрий Власов, «Себя преодолеть».

На внутренней стороне обложки смешная фигурка из палочек, поднимающая штангу. И надпись наискосок: «Без вашего искусства не было бы в моей жизни Рима». И подпись: «Ю. Власов. Токио, 11 октября 1964 года».

Без моего искусства... Нет, пожалуй, без его безграничного мужества...

Что же произошло в Риме? В Риме внезапно заболевает наша олимпийская надежда, чемпион мира Власов. У него открываются тяжелые карбункулы на бедре.

Вот как он расскажет впоследствии о своем состоянии: «Нарывы раздували бедро как раз там, где под белой кожей залегли могучие мышцы...»

К утру пустяковое раздражение превратилось в здоровенные нарывы с надоедливой, дергающей болью. «Что боль! — размышлял он. — Тысячу таких болей и тысячу уколов можно перетерпеть, лишь бы выступить. Выступить и не проиграть».

Карбункулы — вещь, как известно, мучительная и неприятная. И эта неприятная вещь настигает спортсмена на Олимпийских играх!

Власов заболел. Фурункулез дал высокую температуру. Бедро покрылось большими красными нарывами и вспухло.

Руководитель спортивной делегации ставит передо мной вопрос о допуске спортсмена к соревнованиям.

— Как, по-вашему, доктор, сможет ли он выступать?

— Я категорически против выступления Власова.

Чувствую, что Юрий смотрит на меня уничтожающим взглядом.

— Он температурит. Плохо ел все эти дни. Почти не спал. Не мог, естественно, тренироваться. Так что ни о каком соревновании не может быть и речи.

Я прекрасно понимала, что означало бы для нашей олимпийской сборной снятие Власова с соревнований. Но его здоровье действительно внушало мне опасение. Риск был слишком велик. Да и о победе в таком состоянии не могло быть и речи.

Но я не учла одного обстоятельства — могучей воли этого человека. Он буквально осаждал меня своими настойчивыми просьбами о допуске к соревнованиям. Просьбы были настолько настойчивыми, что моя, кста-

ти сказать, довольно крепкая твердость начала давать трещину.

И я уступила. Пожалуй, со мной это случилось впервые в жизни. Это случилось потому, что никогда раньше я не ощущала в своем пациенте такого всесокрушающего желания борьбы, желания победить.

Я чувствовала, что в лице Власова я приобретаю верного и мужественного союзника в борьбе с недугом. Чувствовала, что против нас двоих болезнь не устоит.

Здесь, в Риме, у нас появился и третий союзник — сами Олимпийские игры. Ибо чем ответственнее соревнование, тем глубже и острее обнажает оно в человеке не только физические, но и морально-волевые стороны личности.

И если, прекрасно понимая всю лежащую на нем ответственность перед командой и страной, Юрий все-таки настойчиво стремился на помост — значит, в нем непременно должны были найтись силы победить боль.

Были приняты срочные меры к тому, чтобы прекратить воспалительный процесс. Были сделаны специальные повязки, применена новокаиновая блокада. Мы кололи его пенициллином и стрептомицином. Снова делали повязки и снова кололи.

Время шло. До соревнований оставались считанные дни. Минутами возникало сомнение: а может быть...

В такие моменты Юрий, видимо догадываясь об этом, говорил:

— Однажды, доктор, из-за ерундового недомогания я не пошел на помост. Думал, скорее выздоровлю. Но болезнь этим не кончилась. Я уже стал опасаться ее. А она, будто почуяв слабину, перед любым выступлением набрасывалась... Нет, доктор, поддаваться нельзя.

Это мог сказать лишь настоящий союзник.

Но болезнь не уступала. И вот тогда, видя, что консервативное лечение не дает быстрых и эффективных

результатов, я решила прибегнуть к хирургическому вмешательству.

Здесь же, на медпункте олимпийской деревни, я произвела вскрытие карбункулов с иссечением некротических (зараженных) тканей.

После операции состояние больного все еще оставалось неважным. Но в точно назначенный день и час Юрий Власов появился на олимпийском помосте. В этот момент у него была температура 37,3.

В четыре часа по московскому времени над помостом взметнулась и на мгновение замерла самая тяжелая штанга в мире. Юрий Власов взял вес.

Вот как он напишет в своей книге о пережитом в этот момент:

«Вот она, штанга!

Люди ждут. И мои мышцы тоже. Но теперь скоро. Еще немного, одно мгновение, и все...

Я готов. Руки легли на гриф.

Вы слышали, как шумит кровь, когда тяжело? Я и сейчас слышу. Но еще чуть-чуть — и...

Я победил!..

Почему-то дрожит голова. Я всем улыбаюсь, а сам пытаюсь унять дрожь. Опять отклеился пластырь. Прижал пальцами. Кровь толкает пальцы. И все громче и больнее стучит в воспаленной ноге».

Мне понятно теперь, почему книга, написанная Юрием Власовым, называется «Себя преодолеть».

Из всех видов борьбы труднейшей является борьба с самим собой.

Но без этой борьбы нет победы...

После этих событий прошло четыре года. На следующей Олимпиаде, уже в Токио, Юрий Власов преподнес мне в подарок свою книгу «Себя преодолеть».

Токио.

Передо мной несколько страничек моего токийского дневника.

* * *

«Медицинский пункт советской делегации расположен в олимпийской деревне в двух комнатах на одном этаже мужского корпуса (на всех Олимпиадах только на мужской половине — это удобнее). В одной из комнат организована перевязочная, в другой — физиотерапевтический кабинет.

Медпункт организован таким образом, чтобы наши спортсмены могли получить всю необходимую помощь и могли бы не прибегать к услугам олимпийского госпиталя. Предусмотрено буквально все: от бинтов до операционных. Ответственность за работу медпункта возложена на меня...»

«Работа медпункта начинается в 7.30 утра и заканчивается в половине двенадцатого ночи. Ежедневно на медпункте дежурит один врач. Помимо дежурства на медпункте каждый врач прикреплен к определенным видам спорта. У каждого врача, как правило, три-четыре команды.

В командах врач тщательно следит за состоянием здоровья спортсмена: измеряет кровяное давление, пульс, производит санацию области рта, лечит полученные во время тренировок и соревнований травмы. Одним словом, как всегда, на нем лежит большая ответственность за лечебную работу. Посещений в течение дня много. Здесь не только травмы, но иногда и заболевания. Не очень серьезные, но достаточно неприятные...»

* * *

Но вернемся в Токио.

Тем более что с олимпийских высот спустился «бог», а вернее — «богиня». Сидит ждет меня на медпункте и улыбается так хорошо, так счастливо, так искренне

и по-человечески, что на душе у меня сразу становится тепло.

Соня Муратова только что завоевала звание олимпийской чемпионки.

Подходит ко мне и протягивает золотую медаль.

— Зоя Сергеевна, возьмите. Эта медаль по праву ваша.

Вот и я стала «олимпийской чемпионкой».

...Я была уверена, что выступать она после операции сможет и сможет победить. При интенсивной разработке коленного сустава его двигательная способность должна восстановиться после подобной операции полностью.

Соня в это не очень верила, хотя я знала, что ее упорство не уступает упорству ее мужа Валентина. На это-то упорство, на волю и характер я и возлагала надежду.

В общем, я ее соперировала. Операция прошла удачно. А через некоторое время Соня приступила к тренировкам. Мои предсказания оправдались. Соня не только выступила, но и завоевала золотую медаль. Правда, она до сих пор утверждает, что эту медаль завоевала я...

В Токио представители советской спортивной медицины выступили с программным докладом на тему «Профилактика спортивных повреждений».

Были подвергнуты подробному анализу шесть основных моментов: своевременная диагностика, своевременное и правильное лечение, допуск к тренировкам совершенно здорового спортсмена, хорошая организация тренировок и соревнований, освобождение спортсмена, получившего травму... от тренировок на необходимые для полного выздоровления сроки, а также хорошая организация врачебного контроля.

Успех нашего доклада на международном конгрессе спортивной медицины в Токио был легко объясним. Ни одна страна в мире не знает такой тщательной и

подробной разработки практических мероприятий по профилактике спортивного травматизма, какую знаем мы...

* * *

Среди записей, сделанных в те дни, я нашла и такую: «Посетила госпиталь. Новейшая аппаратура. В основном японская и американская. В отдельных палатах плата за обслуживание достигает 4—5 тысяч иен. Операция аппендицита стоит столько же...»

...Еще несколько записей и заметок, сделанных во время пребывания в Японии.

«На конгрессе присутствовал принц с супругой. Научные конгрессы строятся не так, как у нас. Конгрессу предшествует концерт классической музыки. Он как бы предваряет конгресс. Затем торжественное открытие и, наконец, повседневная работа».

«Участники конгресса приглашены в ресторан. Запомнился голубь мира, сделанный изо льда. Второй банкет состоялся в шикарном ресторане «Хилтон». Золотая, серебряная и жемчужная комнаты. Много рыбных блюд».

«Встреча с японскими врачами в ресторане «Кайкан». У входа непременное снятие обуви. Босиком проходим в кабинет. Низкие столики. Сидим на полу. Познакомились со знаменитой церемонией чаепития.

Сначала зеленый чай, перед чаем раздают мокрые салфетки для рук. После чая куриный бульон, приготовленный здесь же на плитке, подают в маленьких чашечках. Куриные потроха в соусе. Затем жареные куры и овощи в виде рулета. Водка подается теплой. Затем опять чай.

Получили много подарков. Это в основном очень милые зажигалки и маски театра «Ню»...»

«Посетили университетскую клинику. Травматологическое отделение на 120 мест. Темные палаты. Низкие

потолки. Большая захламленность. Много больных с повреждением межпозвонкового диска. Исследование ведется только методом дискографии с контрастным веществом. Удаляют диск под наркозом. Аллопластики нет, при костных опухолях больше выскабливаний. В отделении работают 70 человек, и среди них только одна женщина...»

«При гриппе на улицах ходят в толстых масках, закрывающих все лицо...»

«Одежда — кимоно и европейская...»

«В метро мужчины сидят, женщины стоят. Никто из мужчин места не уступает...»

«Улицы очень тесны. Много транспорта, и много аварий. На перекрестках вывешиваются сводки об авариях за истекшие сутки...»

«Встреча в нашем посольстве с женщинами из общества «Япония — СССР». Очень теплая встреча. Концерт самодеятельности силами экипажа теплохода «Урицкий»...»

* * *

...И снова под крылом море огней. Разноцветные рекламы и сверкающие всеми цветами радуги олимпийские кольца. Другая часть света. Другой материк. Позади очередное четырехлетие. И вот снова Олимпийские игры. Под крылом самолета — Мексика...

* * *

...Перед антропологическим музеем в Мехико стоит древний памятник ацтеков — «Бог дождя».

Когда в 1967 году, то есть за год до Олимпийских игр, его устанавливали в городе, то несколько дней подряд над Мехико шел непрерывный дождь.

Но за два дня до начала игр, в день открытия традиционного Международного конгресса спортивной меди-

цины, яркие лучи мексиканского солнца врывались в распахнутые окна конференц-зала огромного Центр-Медикал.

Солнце, тепло, волнующая атмосфера предстоящих игр, в кулуарах встречи со старыми и добрыми знакомыми — все это придавало конгрессу приподнятость, праздничность.

Мы совместно с доктором наших легкоатлетов Г. П. Воробьевым представляем вниманию собравшихся доклад о функционально-морфологических изменениях в костях голени под влиянием спортивной нагрузки и травматических агентов.

Этот вопрос актуален, поскольку при интенсивных нагрузках и длительных занятиях спортом у спортсменов нередко появляются жалобы на боли в области голени. Чаще всего этими болями страдают скороходы, бегуны на средние и длинные дистанции, барьеристы, реже прыгуны и метатели.

Мы рассказывали о физиологических изменениях костной ткани под влиянием длительных нагрузок, о положительных и отрицательных явлениях, вызванных морфологическими изменениями.

Затем делается большой обзор различных точек зрения по рассматриваемому вопросу и дается оценка каждому из них.

Потом переходим к изложению нашего опыта. Знакомим членов конгресса с нашей методикой лечения. И заканчиваем свой доклад перечнем профилактических мер по предупреждению травм опорно-двигательного аппарата и, в частности, большеберцовой кости.

* * *

Два дня работает конгресс, заканчивая свою деятельность перед началом Олимпийских игр.

И вот мы вновь возвращаемся в олимпийскую дерев-

ню, на свой медпункт, чтобы продолжить нашу основную работу: предупреждать и лечить повреждения, полученные нашими (и не только нашими) олимпийцами.

Наш медпункт в Мехико расположен в трех комнатах. Первая из них — приемная, вторая что-то вроде операционной, и третья — физиотерапевтический кабинет.

Навстречу мне устремляется мой старый знакомый — доктор Ференц из Венгрии.

— Вы знаете, — улыбаясь, говорит он, — я на вас в обиде. Почему вы так мало даете своих статей в международные журналы?

— Дорогой доктор, писать абсолютно нет времени.

— Постойте, постойте, постойте... Сейчас вспомню, как это по-русски?.. Те-ку-чка... Так ведь?

Мы оба смеемся.

А вот в конце зала я замечаю профессора Крааля, директора института спортивной медицины в Праге. Профессор приветливо машет мне рукой. Рядом с ним еще один мой старый знакомый — профессор из Польши.

Приветствия, дружеские улыбки и уж, конечно, комплименты.

— Вы великолепно выглядите. Мадам Миронова, перед вами время бессильно.

Женщины, конечно, интересуются последними модами.

— Что сейчас носят в Москве?

— Скажите, Зоя Сергеевна, эта кофточка сделана по заказу?

— Нет, это я сама связала.

— Да что вы! Послушайте, у вас просто талант...

И так до звонка, возвещающего об открытии медицинского форума.

Открывает конгресс президент Мексики. Председательствует Белянос Скачио, руководитель мексиканской

федерации бокса. Ему уже под семьдесят. Но это необыкновенно живой, общительный и энергичный человек.

Объявляется тема конгресса и порядок работы первого дня. Международный конгресс спортивной медицины, на котором присутствует около тысячи врачей из многих стран мира, начинает свою работу...

Тема конгресса весьма интересна. Он посвящен проблеме изменений в опорно-двигательном аппарате в результате занятий спортом.

Наш физиотерапевтический кабинет оборудован новейшей физиоаппаратурой — ультразвук, диадинамик, кварц, УВЧ, соллюкс, КУФ и многое другое. Медпункт оснащен всеми медикаментозными средствами и перевязочными материалами. Это позволяет нам не прибегать к помощи медико-санитарного госпиталя в олимпийской деревне.

Маленькая операционная дает нам возможность проводить амбулаторные хирургические вмешательства и производить наложение гипсовых повязок.

Надо сказать, что я не помню ни одной Олимпиады, где перед играми пришлось бы так много работать, как в Мехико.

Передо мной тетрадь регистрации посещений нашего медпункта в олимпийской деревне. Запись от 13 сентября.

«Медпункт посетило 30 человек (и это в течение одного только дня!). Из них 16 легкоатлетов, 12 гребцов и два пятиборца».

Травмы самые разные. У Тер-Ованесяна надрыв приводящей мышцы правого бедра. Применяю интенсивную растирку. У Скворцова повреждение стопы. Лечу ультразвуком с преднизолоном. У Сапеи миофасцит мышц задней поверхности левого бедра. У Рингса, Чижовой, Кудинского ушибы. Есть растяжения голеностопа и по-

вреждения менисков. У гребцов солнечные ожоги, простудные заболевания, часты случаи фурункулеза.

19 сентября медпункт посетили за один день пятьдесят два человека.

Работаем почти круглосуточно. Прием на медпункте начинается в 7.30 утра. К этому времени у его дверей выстраивается целая очередь. Заканчиваем работать в половине двенадцатого ночи.

При повреждении мышц мы широко пользуемся новокаиновыми блокадами и повязками с мазью Вишневского, применяем энзимные препараты — тромазин и паратрипсин.

И все-таки надо сказать, что огромная профилактическая и лечебная работа, проведенная до начала игр (как в Москве, так и в Мехико), дала свои результаты. В результате комплексного лечения все спортсмены к началу игр были практически здоровы. Нами было сделано все для того, чтобы спортсмен мог одержать победу.

...Все выше, выше и выше поднимается по ступенькам гигантской пирамиды марафонец, несущий в руках факел. Сейчас он достигнет вершины.

Стадион замер.

И вот над огромной чашей вспыхивает олимпийский огонь. Звучит оркестр, и на флагштоке медленно начинает подниматься к голубому небу белое полотнище с пятью переплетенными кольцами.

XIX Олимпийские игры начались.

Преддверие борьбы празднично, ярко и красочно. Еще не зажглись электронные табло, еще пуст пьедестал почета, еще нет победителей и побежденных. Часть пространства между стартом и финишем принадлежит всем и не принадлежит никому. Фанфары звучат для всех. И к каждому обращен их призыв: «Ты можешь, ты должен, ты сможешь!»

Это лейтмотив. Последняя нота сливается с выстре-

лом стартового пистолета... И снова победы, поражения, новые рекорды и новые имена.

В чаше на вершине пирамиды, напоминающей храм древних ацтеков, гаснет олимпийский огонь.

Мы покидаем Мехико. Идет дождь. Струи дождя стекают с лица древнего бога ацтеков. Олимпийцы всматриваются в его черты.

«Веру в будущее найдут народы в величии прошлого»...

Лицо бога было простым и человечным...

* * *

Можно ли остановить мгновение? Можно ли соединить воедино прошлое, настоящее и будущее? Можно ли превратить миг победы в ее часы, в годы, десятилетия?

Виктор Санеев. Мехико... Мюнхен... Монреаль... Человек, вступивший в единоборство со временем.

Я всматриваюсь в черты этого человека.

Зачем? Не для того ли, чтобы в поисках прошлого, в ощущении настоящего попытаться обрести веру в будущее?

ТРОЙНОЙ ПРЫЖОК

Доктор Воробьев позвонил мне сразу же после своего возвращения из Праги. Я уже давно привыкла к этим звонкам, к этому негромкому, спокойному тону, к приглушенным интонациям утомленного человека, словно только что ввалившегося домой после работы, а не прилетевшего несколько минут назад из Праги, Стокгольма, Лос-Анджелеса или Парижа. Собственно,

поездки эти уже давно стали частью его повседневной будничной работы. Для врача сборной страны по легкой атлетике сетка меридианов и параллелей давно стала чем-то вроде лесенки, по которой он то взбегал вверх чуть ли не к самому полюсу, то спускался к тропикам, чтобы через месяц-другой снова очутиться где-нибудь по ту сторону шарика. Шарика, кружившегося под ногами его подопечных вращением сильных и крепких ног.

Мы много ездили вместе. Мехико... Мюнхен... Монреаль... Олимпийские игры... Международные конгрессы... Сотни тысяч километров южных и северных широт... Сотни зарубежных коллег, многие из которых стали за эти годы нашими друзьями... Но ездил он больше и чаще. И чаще не он, а я слышала в трубке длинные гудки.

С доктором Воробьевым нам всегда было о чем поговорить и что вспомнить.

И он не мог не чувствовать, с каким особым нетерпением ждала я его звонка на этот раз. Вот почему прежде, чем я успела задать вопрос, в трубке послышался ответ:

— Все в порядке. Серебро.

Он знал, что сегодня я могла спросить лишь об одном человеке.

— Приедешь?

— А как же! После комитета — к вам.

Мы пили чай на кухне. Пили по-простецки, по-домашнему. Доктор просто обиделся бы, если бы я принялась сервировать стол в большой комнате. Мы слишком давно и хорошо знали друг друга. Так что право на семейный чай он вполне заслужил. Иногда он, правда, шутит:

— Видите ли, Зоя Сергеевна, при всем моем уваже-

нии к вам я не рекомендую нашим ребятам слишком часто встречаться с вами.

Я смеюсь:

— Тебя послушать, так я бог знает что такое.

— Это знакомство было бы не в мою пользу. Вы, надеюсь, меня понимаете.

Я понимаю. Я отлично его понимаю. Он обязан блюсти, так сказать, свое реноме. Он обязан думать о профилактике травм, об экспресс-методе, думать о чем угодно, но только не о пациентах для профессора Мироновой. Каждая встреча его ребят со мной — это минус в работе лечащего врача команды. И в этом направлении его мысль работает постоянно.

— И вообще моя голубая мечта — лишить вас когда-нибудь практики.

— Павел, — обращаюсь я к мужу, сидящему здесь же за столом и с улыбкой прислушивающемуся к нашему разговору, — и этого человека я пою чаем и угощаю пирогом собственноручного приготовления.

— Ты не волнуйся, ему не так скоро удастся это сделать.

Григорий Петрович с откровенным удовольствием пробует пирог:

— Это что, очередной эксперимент?

— Нравится?

— Угу.

— Собираюсь получить за него авторское свидетельство.

— Одно вы, кажется, уже получили?

— Получила.

— И все-таки, дорогая Зоя Сергеевна, вам не удастся меня подкупить даже такой вкуснотищей: пациентов поставлять я вам не буду.

На его лоб набегают морщинки.

— Правда, если подход к вопросам профилактики останется прежним, сделать это будет трудно.

И он действительно показывает мне только сложных больных. Так было несколько лет тому назад с Надеждой Чижовой. Так было и с тем человеком, о котором он рассказывает сейчас. Рассказывает, еще не остыв от только что пережитых в Праге событий.

— Нет, вы подумайте. Какая воля, какой характер! В Праге, как назло, холодище. Представляете, что значил для его ног холод? Прыгал на стеклянных ногах... Я-то знал. И это после операции на ахилле... Мы с доктором Пектокалио стояли под трибунами мокрые от напряжения. Да, кстати, вам от доктора огромный привет и куча всяческих пожеланий.

— Спасибо. Он не собирается в Москву?

— На Олимпиаду, во всяком случае, собирается. Возможно, приедет еще до игр. Так вот, стояли мы с ним под трибунами и боялись взглянуть друг на друга. Пектокалио переживал за Виктора ничуть не меньше, чем я.

— Его легко понять.

— Виктор был спокоен. Во всяком случае, внешне. Сумел собраться. Но заразить нас своим спокойствием так и не смог. Первый прыжок после операции на ахилловом сухожилии, да еще на соревнованиях такого ранга... Прыгнул прекрасно...

Рассказывал не просто врач. Рассказывал о необычной спортивной судьбе своего пациента врач, вот уже много лет стоящий у «самой кромки поля». Сам знающий и любящий спорт. Спорт, ставший смыслом и содержанием не только его врачебной деятельности, но и жизни в целом.

Это был рассказ не о спортивной травме, во всяком случае, здесь она занимала довольно скромное место. Это был рассказ о звездных часах человека, однажды сказавшего: «По-настоящему талантлив не тот, кто рождается с выдающимися способностями, а тот, кто сумеет сделать их выдающимися».

Жизнь складывается так, что судьбы одних людей, как, допустим, судьба доктора Воробьева и человека, о котором он сейчас рассказывал, идут параллельно и совсем рядом. Других судеб ты лишь касаешься «одним касанием», и касание это оказывается памятным на всю жизнь. Судьбы третьих, на миг пересекая твою судьбу, уходят куда-то далеко за горизонт, не оставив даже следа.

Для меня Виктор Санеев — это память однажды и навсегда. Собственно, по-другому и быть не могло. Этот человек слишком ярок как спортсмен, как личность. След, прочерченный им и теми, кто работает вместе с ним, слишком глубок. Это тот в общем-то нечастый случай моей практики, когда касание происходило не столько вне игры, сколько в самих играх. И в самом деле, возможно, все выглядело бы иначе, но жизнь распорядилась так, что я трижды становилась свидетельницей его блистательных побед. Всех трех его звездных часов. Трижды на олимпийских стадионах я видела красное полотнище, медленно поднимающееся в его честь. Над тремя олимпийскими столицами слышала я наш гимн, звучащий в честь этого парня.

Мы приходим в комнату, и Григорий Петрович, усаживаясь на свое излюбленное место в уголок дивана, продолжает все тем же спокойно-неторопливым голосом не то рассказывать, не то размышлять вслух:

— Конечно, задатки. И не просто задатки, а способности, прекрасные данные, которые еще в школьные годы увидел в нем Керселян. Но разве мы не видели блистательные способности, успевшие угаснуть прежде, чем были достигнуты первые успехи? Везение? Счастливая судьба? Вот уж о ком этого не скажешь, так это о Санееве. Его травмы, его неудачи в межолимпийских циклах скорее смахивали на какой-то злой рок... Нет, тут совсем другое...

Я слушаю доктора Воробьева и думаю о том, что его

совместная работа с Санеевым, дружба, отсутствие, так сказать, расстояния между ними не мешают Григорию Петровичу увидеть это большое и действительно уникальное явление как нечто целостное. Без восторгов, междометий, без восклицательных знаков он пытается проанализировать этот характер прежде всего для себя самого, хотя за многие годы успел достаточно хорошо изучить не только физические, но и душевные данные своего пациента. И все-таки он продолжает отбирать факты, явления, поступки. Внимательно рассматривает их, тщательно «подгоняя» один к другому, прежде чем найти то единственное место на «основе», где будет наконец смонтирован этот фрагмент как часть общего портрета. Зачем это ему нужно? Лечил бы своих прыгунов и бегунов — и делу конец? Но ведь есть общение. Есть сложная система спортсмен — тренер — врач. Есть механизм взаимоотношений. Есть логика закономерностей и алогизмы аномалий. Кто-то сказал: «Не люблю бегущих через поле с криком: «Витя, родной! Поздравляю! Какая победа! Какой успех!» Не люблю потому, наверное, что часто видел другое. Поражение... Виктор сидит на скамейке, уронив голову. И кругом — никого. Подойду, начну что-то говорить. Ерунду какую-нибудь. Лишь бы вывести его из этого состояния...»

Это тоже из области «поставить на ноги».

Сейчас он занимается все тем же излюбленным делом: из пестрого обилия фактов, самых разных, порой противоречивых, выбирает то один, то другой и укладывает их в строго определенной последовательности, в основе которой лежат не общность внешнего колорита, не сходство форм, а та внутренняя логика фактов, их внутренняя взаимозависимость, без которых нет целостности образа.

— Вот вы говорите, его трехкратный олимпийский триумф... Вообще я вам скажу, зная Виктора, что само

слово «триумф» ему не очень-то импонирует. Он ведь из тех, кто больше любит преуменьшать, чем преувеличивать. Но дело не в словах. Вы знаете, когда впервые можно было предугадать его будущее? Еще шестнадцать лет тому назад. Представьте себе Волгоград. 1963 год. Только что закончилась спартакиада школьников. Пьедестал почета... А на третьей ступеньке стоит бронзовый призер и плачет. Стоит восемнадцатилетний парень и плачет. Плачет оттого, что третий...

— Ты знаешь, как-то недавно Вайцеховский сказал мне, что для него истинный чемпион — это чемпион, плачущий на пьедестале.

— И он прав. Без этих слез в Волгограде, наверное, не было бы Мехико, а затем Мюнхена, а потом и Монреаля. Думаю, Мехико вы еще не забыли?

* * *

...Ситуация в секторе для тройного прыжка сложилась довольно сложная. Каждому из атлетов предстояло вести борьбу с примерно равным по силе соперником. Равные шансы на победу предвещали острейшее единоборство и делали абсолютно непредсказуемым его исход. Трудно было сказать, кто же все-таки может преподнести наиболее неожиданный сюрприз и оказаться на высшей ступеньке пьедестала. В такой ситуации спортсмену приходится вести не только физический, но и психологический поединок с каждым из участников, решать уравнение с количеством неизвестных, равным количеству его соперников.

С тех пор как поляк Юзеф Шмидт в 1960 году установил мировой рекорд, перелетев через 17-метровую отметку, на разных континентах появились спортсмены, имевшие право претендовать на высший спортивный титул. Бразилия возлагала надежды на легкого и быстрого Нельсона Пруденсио. Африка не сомневалась в успе-

хе сенегальца Мансура Диа. Фил Мэй, не уступавший в беге спринтерам, был надеждой Австралии. Америка верила в Артура Уокера, в то время как Италия болела за своего гиганта бородача Джузеппе Джентилле. Это были грозные и честолюбивые соперники. Они знали, легких побед на играх не бывает, и готовились к этой борьбе.

Готовились принять бой и трое наших парней. Только один из них — рекордсмен страны Александр Золотарев мог бы быть отнесен к старой гвардии. Что же касается двух его друзей по команде, то и Николай Дудкин, и Виктор Санеев были спортсменами молодыми, а Виктор вообще всего лишь год прожил в большом спорте. Вот те, кому предстояло решать уравнение со многими неизвестными, решать безошибочно и без черновиков.

Уровень соперников дал знать о себе уже на квалификационных соревнованиях. Прыжок итальянца Джентилле — и падает мировой рекорд Шмидта, державшийся восемь лет!

Это была сенсация, предвещавшая начало сенсаций.

Любители легкой атлетики тянутся к сектору для тройного прыжка, предчувствуя, что именно здесь может произойти одно из самых впечатляющих событий Олимпиады.

Итак, начинаются основные соревнования. Тот удивительный момент, когда сливаются воедино напряжение участников и напряжение тех, кто заполнил трибуны олимпийского стадиона. Нити прямых и обратных связей натянуты в это последнее мгновение до и сверх предела. Почти физически ощущаешь напряженность собственных мышц.

К своей первой попытке готовится итальянец. Старт... И Джузеппе Джентилле в первом же прыжке побивает уже свой собственный мировой рекорд. Электронное табло фиксирует цифру 17 метров 22 сантиметра.

Словно подхваченный вихрем общего успеха, Санеев бьет рекорд итальянца — 17,23.

Напряжение нарастает. Один за другим «улетают» за семнадцатиметровую отметку Мэй, Дудкин, Уокер, но все трое остаются позади.

Попытка Нельсона Пруденсио. И рекорд Санеева живет ровно столько, сколько требуется для разбега и прыжка «легкокрылому» бразильцу. Пруденсио поднимает фонтан песка на расстоянии 17 метров 27 сантиметров от линии старта. Еще один мировой рекорд!

У Санеева еще одна — последняя попытка, последний единственный шанс.

На стадионе творится что-то неописуемое. Кто-то из соперников продолжает еще прыгать, что-то кричит ему тренер. Но вряд ли хоть что-нибудь в этот момент проникает за пределы волевой сосредоточенности, в центр до предела сжатой пружины.

Встал со скамейки, легко и свободно размялся, имитируя разбег, так же легко попрыгал, но вместе с тем осторожно, словно боясь расплескать кипевшее внутри «топливо».

Что-то уже висело в воздухе. Что-то должно было случиться. Стадион замер.

Момент высшего напряжения силы и воли. Высший миг.

...Он летел в каком-то вакууме молчания, замирания. В оцепенении многотысячного стадиона.

В какое-то мгновение вдруг показалось, что первыми не выдержали электронные нервы светового табло, и ошеломляющая цифра 17,39 зажглась прежде, чем атлет коснулся земли.

Это был не просто мировой и олимпийский рекорд. Санеев прыгал в следующее десятилетие. В самом прямом смысле слова.

Прошло более десяти лет. 17,39 остается непревзойденным олимпийским достижением...

...Болезнь прогрессировала. Подвижность сустава с каждым днем становилась все ограниченнее. Теперь боли мучили его не только днем, но и ночью. Это был деформирующий артроз со всеми его типичными признаками и безрадостными последствиями. Если он и поправится, то уже вряд ли сможет выйти в сектор для прыжков. Черт возьми, уйти из спорта сейчас, уйти перворазрядником, так стремительно стартуя с первых же месяцев занятий легкой атлетикой. Уйти, когда звание мастера спорта было в буквальном смысле слова в нескольких сантиметрах от его последних результатов...

Он был подавлен, угнетен. Но еще не сломлен окончательно.

Человек, который в течение этих тяжких двух лет неотступно находился рядом, поддерживал искорку надежды, как делает это человек, пытающийся своим дыханием удержать чуть теплящийся огонек, не давая ему погаснуть.

Человек этот был уже немолод и по-житейски мудр. А, следовательно, по-отечески добр, ибо житейская мудрость в конечном счете всегда добра. И еще. Человек этот обладал удивительной способностью убеждать. Вспомнилось совсем раннее. Они уже были знакомы. И во время почти каждой игры рядом с баскетбольной площадкой он видел высокую фигуру Акопа Самвеловича, ревниво и внимательно следившего за движениями стремительного и прыгающего центрального нападающего. А после игры снова долгий разговор с Керселяном о легкой атлетике, куда Виктору идти вовсе не хотелось, может быть, оттого, что легкий хмель первых успехов в баскетболе уже давал о себе знать. Но было в голосе, в тоне, в словах Акопа Самвеловича что-то, что делало их провидческими. То, во что верилось помимо твоей воли. И Керселян добился своего: он убедил в конце концов Виктора серьезно заняться легкой атлетикой. Убедить в своей правоте... Какой риск берет на себя

спортивный педагог в эти минуты выбора пути... Не верила ли в свою правоту мать восемнадцатикратной чемпионки по парашютному спорту Зинаиды Курицыной, пытаясь собой заслонить небо от дочери? Но убедить так и не смогла. Здесь нужна особая прозорливость, почти ясновидение. Ясное видение. И умение убеждать...

Керселян обладал и тем и другим.

Отстранив напрочь купоны, которые можно было состричь быстро и эффектно с поистине выдающихся способностей нового ученика, Акоп Самвелович принялся за черную работу. О тройном прыжке он даже не упоминал. Не упоминал потому, что постоянно думал о нем. Думал как о конечной цели, дорога к которой начиналась с будничных, повседневных и тяжких шагов на беговой дорожке, разминок, прыжков и метаний.

И только потом постепенное (даже при таких способностях!) освоение техники тройного прыжка.

Сдерживаемая в течение долгих недель и месяцев энергия раскрывалась стремительно и бурно. И вдруг — травма.

Подкрадывающийся артроз выбил Санеева из сектора в тот момент, когда он уже готов был получить звание мастера спорта.

Что мог, я не говорю, был вправе, сделать любой другой тренер? В подобной ситуации впустую проходил день за днем, неделя за неделей, год за годом — шла потеря драгоценного времени, когда болезнь делала, казалось бы, безнадежной перспективу возвращения спортивной трудоспособности. Тренер мог отказаться и ждать.

Вот здесь, на этом этапе своей работы с Виктором Санеевым, Керселян совершает свой первый глубоко человеческий поступок.

Когда-то, еще до перехода на тренерскую работу, Акоп Самвелович был школьным учителем.

В трудной борьбе с тем, что педагоги называют возрастными особенностями личности подростков (особенно современных подростков), в настоящем педагоге постепенно вырабатывается великое долготерпение как качественно новый вид доброты, не благодушия и всеобщей любви к детям, а доброты выстраданной, а потому более глубокой и искренней.

Тренер Керселян был во многом определен качествами Керселяна-учителя.

Всю теплоту своего большого сердца, всю мудрость, освещенную любовью к человеку, он вкладывает в заботу о тяжело заболевшем ученике. Миссия, которая выпала в те трудные дни на долю Керселяна, была значительно сложнее той миссии, которую выполняли врачи. Они лечили. Но могли ли они сделать большее — восстановить Виктора как спортсмена без того душевного участия, без той веры в грядущие победы, которые приносил к постели больного Акоп Самвелович?

Выздоровление становится восстановлением, лишь пройдя сквозь разум, сердце и волю человека. И Керселян знал его. Болезнь с трудом сдавала свои позиции, и все-таки она отступала.

Постепенно, бережно «подводил» Акоп Самвелович Виктора к сектору для тройного прыжка. Каждый еще нетвердый шаг ученика отдавался в нем самом.

Сейчас Керселян чем-то напоминал хирурга, учившего соперированного больного первому шагу. И, подобно врачу, он чувствовал, что в эти минуты «первого шага» ученик ищет уверенность не столько в себе самом, сколько ищет ее в ободряющем взгляде своего педагога.

В первых же состязаниях Санеев устанавливает личный рекорд в тройном прыжке, преодолев шестнадцатиметровую отметку.

Они шли вместе. Учитель и ученик. Как похож был этот путь на горную дорогу в яркий солнечный день. Яркая полоса, потом глубокая тень, снова яркая полоса и снова тень... Победы и поражения... Удачи и разочарования... И медленно накапливающаяся усталость. В мышцах. В душе... Она наваливалась, она давила, она готова была вот-вот сломать и раздавить одного из них окончательно.

И тогда Керселян уводил Виктора в горы... «Бурный поток, чаща лесов, горные скалы мой приют...» Охотились. Ночами жгли костры... Говорили об охоте, о собаках, о звездах, о вселенной, в которой было все. Кроме этой выдуманной кем-то штуки — спорта. Впрочем, об этом ни слова... Надо уметь слушать горы, ветер, учиться понимать язык птиц и рокот морского прибоя... Уметь раствориться во всем этом... Да, раствориться. Ибо, наверное, только так можно постигнуть высший смысл всего сущего...

Так бродят они в горах день, другой, третий, неделю. И вот наступает момент какого-то удивительного обновления. Уже не только вокруг тебя, но и в тебе самом все начинает звучать свежо, ярко, первородно... И начинает тянуть к людям.

С первыми лучами солнца они спускаются в долину.

Акоп Самвелович украдкой поглядывает на Виктора. «Ну вот и отошел. Вот и отдохнул. Проголодался... Соскучился... Значит, работа будет...»

— Виктор, горы своротим?

Виктор задирает вверх голову:

— Эти? Нет, эти, пожалуй, оставим.

— Что, слишком крепкие?

— Нет, слишком красивые...

И снова прыжки. И снова пространство, которое нужно проглотить тройным глотком, тройным прыжком...

— Зачем, Акоп Самвелович?

— Зачем, спрашиваешь... — Взгляд устремлен куда-

то внутрь, в себя, в глубину. Зачем... Жил в старину человек. Был он портным. Потому что отец и дед, и прадед были у него портные. И сосед был портной и сосед соседа тоже был портной. Шил себе человек пиджаки да брюки, и казалось ему, что он счастлив, потому счастлив, что незыблем и нерушим был извечный порядок вещей. Но вот на склоне лет пришел он как-то в кузницу. Увидел горн, пламя, раскаленный металл, что подвластен сильной руке человека, и понял, что это и есть его дело. Но время его ушло. А был бы он действительно великий кузнец, потому что был он в молодости силен. Но сила эта была неведома ему самому. Вот и продержал он всю жизнь в крепких руках не молот, а всего-навсего иголку. Понимаешь, дорогой, я думаю, что в человеке всегда есть чуточку больше того, о чем он знает сам. Есть кладовая, куда он не решается заглянуть.

— Что-то вроде намалеванного очага в каморке папы Карло?

— Вот-вот... Ты меня, дорогой, правильно понимаешь. Это мудрая сказка. До седин дожил человек, а так бы и не узнал, что за намалеванной занавеской такое богатство таилось. Тебе дан талант, даны способности. Так не таи их, раскройся. Покажи себе и другим, на что способен человек. Награди не только себя, но и других верой в их собственные силы. Разве это не долг настоящего таланта? Придет время, уступишь дорогу молодым. Появятся ученики. И каждому надо будет помочь подобрать золотой ключик к той самой дверце, что прячется за намалеванным очагом. А как же?

И после паузы:

— Но тебе еще не скоро учить других. И радуйся этому. Работай. Учись побеждать. Победа — это... понимаешь, дорогой, это... Это вздох полной грудью... Ты говоришь: сантиметром больше, сантиметром меньше — какая разница? Если измерять расстояние от стар-

та до финиша, почти никакой. Но разве это расстояние ты измеряешь? Измеряешь волю, характер, измеряешь самого себя. Понимаешь, дорогой?

Они поднимаются со скамейки и идут к сектору. Учитель и ученик. Идут работать.

Искусство большого мастера имеет ту особенность, что произведение, созданное им, уходит от него к людям тем быстрее, чем больше души, пота и крови вложил в него автор. И тем болезненнее этот «отрыв» для самого художника. Удача принадлежит всем. Неудача остается с тобой. Песенку герцога итальянцы пели еще до первого исполнения «Риголетто». Вальсы Штрауса «вылетали» на улицы Вены чуть ли не из окон композитора. Нашу знаменитую «Землянку» бойцы пели еще до ее первого артистического исполнения.

Нечто подобное происходит и с талантливым учеником, чей талант представляет собой суммарное выражение таланта педагога и задатков самого ученика.

Тренер Санеева уже давно видел ту даль, которая рано или поздно отнимет у него ученика.

Это была та неизбежность, которая столь же естественна в жизни каждого педагога, насколько и тяжела всякий раз, когда созданное, выпестованное тобой уходит в новую жизнь. Учитель Керселян знал это лучше других, и, может быть, поэтому тренер Керселян чувствовал это острее. Но именно потому, что в душе он оставался педагогом, он был, возможно, в меньшей степени заражен тем эгоизмом и честолюбием, которое подчас мешает тренеру собственноручно передать ученика своему коллеге.

Да, успехи Санеева были успехами Санеева. Но это были и успехи его тренера. Что означало для Акопа Самвеловича отдать своего лучшего ученика под опеку своему коллеге? Это означало отдать и принадлежащий тебе успех. Пройдет время, и кто там вспомнит первого тренера, когда есть последний тренер? Благодарная па-

мять... То, чем утешает себя учитель... Но достаточно ли она прочна? Достаточно ли долговечна? Поможет ли новый наставник сохранить ее в душе своего нового ученика или постарается помочь ему побыстрее забыть прошлое? Но разве дело в памяти? Дело в будущем, в тех надеждах, которые отныне должны стать реальностью.

И Акоп Самвелович открывает спортивную сумку своего ученика, «складывает» на ее дно принадлежащие ему, Акопу Самвеловичу, успехи, скромненько, на самое дно, а сверху на видное место «укладывает» успехи и достижения Виктора, затягивает «молнию» и передает сумку своему уже бывшему ученику. Он провожает его до той дороги, по которой уходят в большой спорт сборные команды страны.

Они и дальше будут работать вместе.

Но рядом с ними уже появляется третий...

...Мюнхен. 1972 год. XX Олимпийские игры.

Четыре межолимпийских года — это не только путь вверх. Время берет свое. Итальянец Джентилле, который четыре года тому назад в квалификационных соревнованиях в первой же попытке побивает мировой рекорд Шмидта, на этот раз в тех же предварительных состязаниях не может взять даже 16 метров 20 сантиметров. Выбывают Уокер и Дудкин.

Прыжок Санеева — 16 метров 85 сантиметров!

К началу основных соревнований становится ясно, что наиболее острая борьба развернется между спортсменом из ГДР Иоргом Дремелем и олимпийским чемпионом Виктором Санеевым. Виктор прыгал первым. Результат высокий — 17,35. Это всего на пять сантиметров меньше мирового рекорда кубинца Педро Переса Дуэнаса.

Но что покажет основной соперник Иорг Дремель?

Пять раз выходит он на штурм результата Санеева,

И только в последней, пятой попытке он показывает свое высшее достижение — 17,31.

Результат Санеева остается недоступен ни ему, ни кому бы то ни было из участников состязания.

Мюнхен чествует двукратного олимпийского чемпиона Виктора Санеева, теперь уже двукратного.

...Итак, третий. Третий, кто должен войти в круг давно сложившихся отношений, привычек, характера работы, всего того, что было отмечено мягкостью, душевностью, бесконечным взаимным доверием.

Керселян отлично знал человека, которому перепоручал Виктора для подготовки в составе сборной команды Советского Союза. Знал его сильные и слабые стороны. И, зная этот сложный характер, прекрасно отдавал себе отчет в том, что с этого момента система тренер — ученик будет работать совсем в ином режиме.

Креер был из тех, кого с полным правом можно было назвать сильной личностью. Он был тверд, точен, пунктуален и целеустремлен. Он был одним из тех, кто способен подчинить своей воле даже достаточно сильные характеры. Таким Креера сформировало в значительной степени его более чем двадцатилетнее пребывание в большом спорте, где за каждую следующую ступеньку двукратному чемпиону страны, двукратному бронзовому призеру Олимпийских игр приходилось вести упорную, трудную, бескомпромиссную борьбу. Его тренерская работа была продолжением той же борьбы за завоевание олимпийских высот, но другими путями, другими методами.

Его способность подчинять своей воле даже сравнительно трудные характеры имела совсем иную природу, чем умение Акопа Самвеловича добиться от ученика того, чего он хотел. Креер достигал этого скорее всего аналитическим подходом к причинно-следственным связям, пронизывая их непоколебимой логикой факта. Его рационализм, способность предвидения, а точнее,

способность прогнозировать была основана на математически точно обоснованной аргументации.

Когда ни один из врачей не мог дать полной гарантии в том, что после очередной тяжелой травмы Санеев сможет вернуться в большой спорт, и большинство тренеров и членов Федерации легкой атлетики были весьма скептически настроены относительно его спортивных перспектив, Креер занял диаметрально противоположную позицию. На Всесоюзной тренерской конференции, проводившейся в рамках подготовки к XIX Олимпийским играм, он не побоялся заявить следующее: «Виктор Санеев — это прыгун номер один. Если удастся залечить травму, он станет реальным кандидатом на победу в Олимпийских играх». Прогноз Креера оказался абсолютно точным.

К аналитическому мышлению он приучил себя еще со времени своих спортивных выступлений. Для него состязание не исчерпывалось единоборством силы, воли, характера. Оно предполагало и борьбу тактическую. Он вел специальную тетрадь, куда скрупулезно заносил всех тех, кто в те годы мог преодолеть 15-метровый рубеж (результат международного класса). Но это был отнюдь не перечень имен. «Кондуит» Креера отражал движение результатов, их сравнительные характеристики. Внимательно анализируя свой «реестр», Витольд Креер подмечал различные тенденции, порой трудноуловимые даже для самих спортсменов, постигал их сильные и слабые стороны.

Продолжая штурм олимпийских рекордов уже в качестве тренера, Креер не расставался со своей ставшей за эти годы знаменитой тетрадкой.

После Токио у нового тренера сборной по тройному прыжку Витольда Креера появилась еще одна запись: «Виктор Санеев («Динамо», Сухуми), рост — 186 см, вес — 78 кг, лучший результат 15,78».

Это было за восемь лет до Мехико. 15,78 — такова

была отметка, с высоты которой еще за восемь лет до Олимпийских игр Креер уже просматривал мексиканский горизонт.

15,78 был высокий, но не единственный и не самый главный критерий оценки. Креер, фанатически преданный спорту, знал лишь один путь к победе — трудоспособность спортсмена, ту трудоспособность и то трудолюбие, которое рождается от всесокрушающего стремления человека добиться поставленной цели. Высшей целью Креер считал олимпийскую победу. В Санееве он нашел то, что искал. Парень был готов к самой тяжелой, самой черной работе, готов был, как любит выражаться сам Виктор, «пахать» днем и ночью, в любое время года, во имя той же цели, которую ставил перед собой и его тренер.

Большой личный опыт спортивных состязаний на самом высоком уровне давал Крееру возможность заранее смоделировать ситуацию, которая может сложиться в тот или иной момент состязания. В Мехико Санеев устанавливает мировой рекорд, который выбивает у него из-под ног через несколько минут Нельсон Пруденсио. При таком повороте дела нетрудно растеряться. Санеев же отнесся к этому так, словно ожидал «подвоха» легконогого бразильца.

И он действительно этого ожидал.

Задолго до игр Креер предупредил своих питомцев, что непременно, именно непременно, должен появиться некто, кто постарается и кому действительно удастся улучшить личное достижение.

Так оно и случилось. Но психологически Санеев к этому «сюрпризу» был уже подготовлен.

У актеров есть термин «чувство партнера». У Креера хорошо развито чувство «соперника». Чувство это скорее всего производная от чувства борьбы, которую Креер воспринимает мозгом, нервами, мышцами. Подобно компьютеру «проигрывает» он все возможные варианты,

все возможные сочетания. Выдается оптимальное решение. Но здесь интересно другое. Нет рецептурности. Проигрывание программы происходит вместе со спортсменом. Блестящий рассказчик, он очень живо и образно воссоздает картину будущего состязания.

Требователен, упорен. Характер не из легких. Трудный, порой жесткий характер, но путь, прорубаемый Креером, проходит «в твердой породе», в скальных грунтах олимпийских вершин.

И все время вверх. Мехико... Мюнхен... Монреаль...

...К началу Олимпийских игр в Монреале на горизонте стал вырисовываться еще один соперник.

Со всевозрастающей тревогой лечащий врач команды осматривал ногу Санеева. Воробьева волновал голеностопный сустав. Перегрузки, старые травмы все чаще давали о себе знать. Выдержат ли связки новое испытание? Не станет ли ахиллово сухожилие «ахиллесовой пятой» двукратного чемпиона Олимпийских игр? Воробьев прекрасно понимал, что растирки, массажи, строгая дозировка нагрузок, — все это, к сожалению, не в состоянии кардинально решить вопрос. Речь могла идти лишь о временном улучшении.

Креер и Керселян оказались в сложном положении. С одной стороны, подготовка к предстоящим Олимпийским играм требовала больших физических напряжений, с другой стороны, щадящий режим, в свою очередь, был необходим для сохранения работоспособности спортсмена. Создавался заколдованный круг. Такие ситуации нередко разрешались конфликтами. Тренер упрекал врача в том, что тот перестраховывается и не дает ему, тренеру, возможность работать, как того требуют современные условия больших соревнований. Врач же отстаивал свое право заботиться не столько о рекордах, сколько о здоровье своего подопечного. Но чаще назревающий конфликт исчерпывается тем, что врач идет на поводу у тренера, не желая портить с ним отно-

шений. В таких случаях тренер остается доволен врачом, не мешающим ему работать. Что же касается спортсмена, то он, отправляясь в диспансер или в стационар, естественно, остается недоволен ни тем, ни другим.

Здесь все выглядело по-другому. Выход был найден в четко отработанной системе тренер — спортсмен — врач, когда каждый из ингредиентов четко взаимодействовал с остальными.

И только один человек, казалось, совершенно забыл о травме. Виктор думал об играх, и только об играх.

...На что ставил ставку Крсер и на что мог надеяться Керселян? Конечно, воля, характер, психологическая стойкость... Но есть неумолимость времени. Оно «снимает с дистанции» сильнейших соперников и «вызывает на старт» новых. Время неумолимо. И все-таки оно дает фору. Эта фора — приходящий с годами опыт борьбы.

В олимпийской деревне Монреаля уже не будет ни Пруденсио, ни Джентилле, ни Дремеля. Все они сошли с дистанции, так и не сумев одержать победу над временем. Его любимцем стал новый герой — бразилец Жоан Карлос ди Оливейра. Вечно меняющаяся и вечно изменяющаяся минута выбирает своего фаворита из тех, кто способен покорить ее извечного врага — пространство. Оливейра принес к ее ногам накануне Олимпиады 17 метров 38 сантиметров покоренного им пространства.

Санееву был брошен серьезный вызов.

Но пути борьбы неисповедимы. И тот же Оливейра показывает на играх всего лишь 16 метров 90 сантиметров. Прыжки «не идут» и у Санеева. Только в третьей попытке Санеев отрывается от него на 16 сантиметров.

И вот четвертая попытка. Фантастический результат — 17 метров 50 сантиметров! И все... впустую. На какую-то долю сантиметра он переступает линию старта, и результат не засчитывается. Все приходится начинать сначала.

И тут новое испытание. Прыжок американца Баттса, и на табло зажигается цифра 17,18.

Креер и Керселян предвидели многое. Единственно, что они не могли предугадать, так это «заступ» Виктора и последующий сразу же за ним рывок Баттса. Но был опыт. Тот самый, что приходит со временем к его фаворитам. Опыт многолетней борьбы — это не только способность предвидеть тактические варианты. Это и способность правильно и здраво среагировать на тот или иной поворот в ходе соревнования, правильно и здраво отнестись к решению судей. Короче, способность оставаться в форме при любом повороте событий.

В Монреале опыт Санеева решил исход борьбы. Он сумел собраться, сумел продемонстрировать огромную волю к победе.

Последняя, пятая попытка, и он перекрывает результат Баттса на 11 сантиметров.

Виктор Санеев в третий раз становится чемпионом Олимпийских игр. Беспрецедентный случай за всю историю олимпийского движения.

Время вновь выбирает его своим фаворитом...

Так в третий раз четко сработала система тренер — спортсмен — врач. Керселян и Креер. Тот далеко не частый случай, когда «разнохарактерность» двух психологических сред не привела к дисгармонии (что, естественно, пагубно отразилось бы на ученике), а, напротив, в значительной степени обогатила педагогическую почву. Грани таланта обрабатывались с разных сторон, под разным ракурсом, но по единому рисунку законченной и целостной формы. Креер готовил олимпийского чем-

пиона. Керселян обеспечивал основу этой подготовки и спортивное долголетие своего ученика.

Григорий Петрович встал с дивана, несколько раз прошелся из угла в угол. Руки держал под подбородком, как человек, о чем-то глубоко задумавшийся, глаза были опущены вниз. Взгляд в глубину, внутрь.

— Возьмите Аржанова, — вдруг произнес он, словно осененный догадкой. — Все матчи с европейцами — его. Все матчи с американцами — его. Все личные встречи с африканцами — тоже его. Вспомните Мюнхен. Финальный забег на 800 метров. Аржанов выигрывает его «в полете». Вырвал победу в долях секунды и все-таки вырвал. Казалось бы, можно ли желать лучшего? И все-таки Аржанов сходит с дистанции. Почему? Попробуем разобраться. Вся штука в том, мне кажется, что он был любимец богини Ники, но так и не стал любимцем Хроноса.

Я удивленно подняла брови.

— Да-да. Он был любимцем победы, но не любимцем времени. Это разные вещи. У него не было личных результатов, он недостаточно бегал на время. Ему нужен был соперник. Надо было побеждать. И он побеждал. Это были взлеты, взлеты и взлеты. Горючим служило честолюбие. Оно эксплуатировалось без оглядки. А между тем, мне кажется, — черт его знает, может, во мне говорит врач, — мне кажется, необходимо побеждать не только расстояние. Надо уметь побеждать время. А иначе для чего все наши усилия?

— Это верно, Санееву действительно удалось победить время.

— И вы знаете почему? Не только потому, что он необыкновенно одарен физически. И даже не потому, что Керселян и Креер вложили в него, так сказать, суммарно-разносторонние качества. Но и потому, что Виктор оказался талантливым учеником.

— Естественно.

Воробьев останавливается посредине комнаты и бросает на меня хитроватый взгляд.

— Вы меня не поняли. Я имею сейчас в виду не его физические или морально-волевые данные. Я о другом. Об искусстве быть учеником. Это так же необходимо, как необходимо быть талантливым слушателем, тонким зрителем, одаренным читателем. Андроников как-то рассказывал об одном известном дирижере, которого однажды спросили, были ли его родители музыкально одаренными людьми. Дирижер ответил: «Да, были. Папа немножко играл на скрипке, а мама умела его слушать».

— Об этом сейчас говорят все чаще и чаще.

— Правильно. Об этом давно нужно говорить. Без искусства, ну, скажем, без культуры восприятия, не было бы, наверное, искусства воспроизведения. Искусство быть учеником созвучно, сопредельно искусству восприятия. Санеев владеет этим искусством. Вот что я имею в виду, говоря, что он талантливый ученик. Этому, конечно, способствует его скромность. Молчун. Склонен скорее преуменьшить успех, чем его преувеличить. Очень честен. Обратите внимание: все качества удивительно способствуют таланту учиться. С ним легко работать. Благодатный «материал».

Он говорит о Керселяне, о Креере, о самом Викторе. Говорит о гранях его таланта, которые с ювелирной тонкостью уже много лет шлифуют эти большие мастера. А я смотрю на Григория Петровича, целый вечер пытающегося что-то объяснить мне, а главное, самому себе, и думаю о третьем ингредиенте все той же системы тренер — спортсмен — врач. Много лет следит этот врач за упорной и вдохновляющей работой двух больших мастеров, двух тренеров, соизмеряя их усилия с прочностью «материала».

Внимательно следит. С большим беспокойством.

Григорий Петрович подходит к окну.

— «А из нашего окна площадь Красная видна...» Вид

у вас изумительный. Сколько ни смотрю, не могу налюбоваться. И старая Москва и новая. Как на ладони.

И, не оборачиваясь, все к той же теме:

— Для такой борьбы, какую ведет Санеев, нужен огромный запас прочности. В Праге и мы с Пектокалио, и Креер с Керселяном поняли это еще раз. Помните, в Монреале во второй попытке дала знать о себе старая хроническая травма. Процесс шел давно. Но Виктор был очень сильно заряжен психологически и нервно.

Воробьев лечил Санеева упорно. И только тогда, когда положение действительно стало серьезным, привез его ко мне. Но было ясно, что консервативное лечение не дает эффективного результата. Я вспоминала о докторе Пектокалио. Мы с Григорием Петровичем знали его много лет. Подвижный живой человек. Как он себя называет, «пожизненный легкоатлет». Немолод, но бегает до сих пор. Любит спорт, спортсменов. И отличный хирург. Он несколько раз бывал у нас в ЦИТО, присутствовал на операциях. Его метод несколько отличен от нашего, и он с большим интересом следил за работой советских врачей. Мечтал о том, чтобы когда-нибудь мы сделали операцию вместе.

И вот Санеев. Это был вполне подходящий повод для ответного визита.

В Хельсинки едем втроем: Санеев, Григорий Петрович и я. Пектокалио встретил нас на аэродроме и отвез в университетскую клинику, где он работал.

Он оперировал. Я ассистировала.

Через день после этой довольно серьезной операции Виктор уже ходил на костылях. На следующий день опирался только на палочку. На пятый Виктора выписали из клиники, и они на радостях пошли с Григорием Петровичем в кино.

— Это, как вы помните, был сентябрь 1977 года. А уже через несколько дней он мог начать тренироваться в полную силу, но он не форсировал нагрузки. А в нояб-

ре в Тбилиси он тренировался вовсю. В марте он уезжает на первенство Европы в Милан только для того, чтобы посмотреть, что могут его соперники. И вот очень ответственный чемпионат Европы в Праге. И его новая победа. После травм. После операции...

Григорий Петрович все еще стоит у окна.

— Вот что я называю победой не только над соперником и не только над самим собой, но и победой над временем.

Я понимаю, что он видит в этот момент и что он хочет сказать. Он видит силуэт олимпийской Москвы. Он думает о Викторе Санееве, для которого эта Олимпиада будет четвертой.

Четвертой...

Выпив еще одну чашечку чаю — свой «посошок» на дорожку, — доктор Воробьев прощается со мной и Павлом Дмитриевичем. У него дела, снова сборы в дорогу. На этот раз в Цахкадзори, где сейчас готовятся к играм его ребята.

Почему древние греки возносили спортивные игры к вершине Олимпа? Что заставляло их приближать атлета к богам? Не было ли это косвенным признанием огромной роли таившихся и вот теперь раскрепощающихся сил, приближающих человека к богам и героям? Не во имя ли пробуждения этих сил вознесли древние греки на вершину Олимпа факел спортивных игр?

Они были мудры и дальновидны. С каждым новым столетием жизнь усложнялась все больше. Сегодня она требует от человека огромных физических, и не только физических, сил. Она требует от него проявления «сверхкачеств», ибо сама жизнь с ее стрессовыми ситуациями, нервными нагрузками и темпом все больше становится большой игрой, борьбой острой и подчас бескомпромиссной. И, наверное, нужно не просто «удержаться» на каждом новом витке жизненной спирали. Нужно, чтобы

борьба и движение, утверждение и созидание были исполнены оптимизмом.

Чтобы само по себе раскрытие таящихся в человеке поистине безграничных возможностей стало его звездным часом.

Для него. Для тебя. Для нас...

* * *

«Известия», 17 марта 1979 года. В разделе «Спорт» одна под другой две заметки.

Первая озаглавлена: «Плюс воля к победе». Подзаголовок: «Владимир Ковалев — чемпион мира».

«В мужском одиночном катании была самая напряженная ситуация, и Владимир Ковалев, проявив выдержку и силу воли, сумел завоевать чемпионское звание...»

Вторая заметка под рубрикой «Финиши и старты». В ней сообщается:

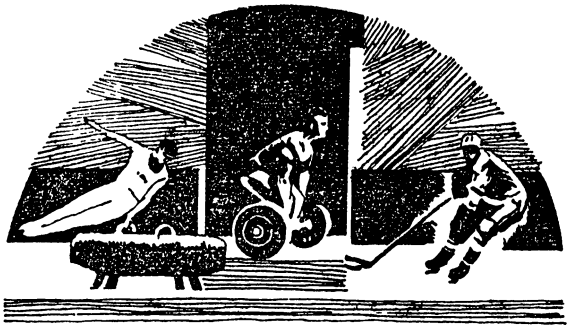
«...Нынешний предолимпийский сезон обещает быть интересным. В международном турнире прыгунов в воду «Весенние ласточки» стартуют лучшие спортсменки Советского Союза... Приступила к тренировкам и олимпийская чемпионка Елена Вайцеховская...»

Приступил к тренировкам олимпийский чемпион Александр Аннилогов, выступает Владимир Шадрин, после тяжелой травмы вышел на поле Виктор Михайлов...

Скупые строчки репортажей, короткие строчки газетных информаций, вобравшие в себя годы работы, годы поисков, тысячи судеб, ставших твоей судьбой.

Строчки, вобравшие в себя жизнь...

ИЗ ПИСЕМ К ДРУГУ

«...Как ты помнишь, пять лет тому назад председатель исследовательского комитета Международного совета физического воспитания и спорта (СИЕПС) доктор медицины, профессор, мой давнишний знакомый Эрнст Йокль вручил мне медаль имени лауреата Нобелевской премии Филиппа Ноэль-Бейкера.

С той же искренностью, с какой ты поздравил меня с этой высокой наградой, я приняла твои теплые слова. Вместе с тем я почувствовала в твоем письме нотки беспокойства. Ты спрашивал, не сделала ли меня жизнь среди успехов менее сострадательной к побежденному? Ты, знающий меня многие годы, протягивал ниточку от первых побед на ледяной дорожке к моим успехам на поприще врача и ученого. Но, поверь мне, это не была жизнь среди «молний», чей блеск мог ослепить меня. Это не была жизнь среди беспрерывных триумфов и озарений. Хватало всякого. И ты лучше, чем кто бы то ни было, знаешь это.

Да, в победах звучит самоутверждение человека, и не принять их он не может. Победы необходимы, и да будет победитель увенчан славой. Он заслужил ее в честной борьбе. Так пусть побеждает достойнейший!

Ты спрашиваешь меня, о чем я думала на олимпийских стадионах Рима и Токио, Мельбурна и Мехико, Мюнхена и Монреаля? О чем буду думать на нашей Олимпиаде? И думала и продолжаю думать о победителях. Я думаю о побежденных. И, может быть,

о побежденных больше и чаще. И оттого, что в прошлом сама была спортсменкой. И оттого, что я врач. И просто потому, что я женщина, и сострадание, идущее от любви и материнства, органично присуще нам. Я думаю об огорчении, а подчас и отчаянии побежденного. Думаю с острой болью человека, которому известна цена, заплаченная за поражение.

Скажи, ты когда-нибудь задумывался над тем, что не только победа, но и поражение достигается иногда дорогой ценой? Поверь мне, что как врач я хорошо знаю истинную стоимость не только успехам, но и неудачам. Но если все честно. Если все до конца. Если на протяжении всей дистанции до последней минуты проигравший верил в свою победу.

Я верю в человека, не сошедшего с дистанции.

Понимаешь, в чем вся штука. Для победителя борьба закончилась с пересечением белой линии финиша. Для побежденного — она продолжается. Она продолжается на самом трудном этапе, где нет ни зрителей, ни болельщиков, ни судей. Она продолжается в его душе. В борьбе с самим собой. Я хорошо знаю это по себе. По спорту. По научной работе. По жизни... И если хочешь знать, это главное для всех нас. Честолюбие? Возможно. Но и оно необходимо. Но мне кажется, дело не только в нем. Есть силы. Неудача не сломила побежденного. Он не выплеснул остаток сил за кромку поля, увидев впереди майку лидера. Отдав борьбе все, он не сдался. И в этом я вижу источник восстановления его физических и моральных сил, гарантию его будущей победы.

Ты прекрасно понимаешь: это не только о спортсменах и спорте. Это о жизни. Это о нас с тобой...»

«...Вчера я получила твое письмо, в котором ты сообщаешь, что прочел в «Советском спорте» о вручении мне Международного олимпийского ордена.

Как это было?

Было торжественно и ...уютно. Наверное, потому, что вручение происходило в моем родном институте, и были все наши: Римма Ивановна Богуцкая, Бадмин, профессор Гришин и Оганес Вартанович Оганесян... И были наши спортсмены — вчерашние пациенты. От них уже веяло олимпийской энергией.

Цветы... Улыбки... Теплые слова. Сердечность. Я была искренне тронута и взволнована. Знаешь, почему? Потому что видела в этом ритуале не столько признание личных заслуг, сколько признание заслуг советской спортивной медицины в олимпийском движении. Той отрасли медицины, которой, ты помнишь, было совсем не просто пробивать себе дорогу к признанию и авторитету...»

«...Ты знаешь, что напомнили мне пять колец на роскошной ко-

робке, в которой лежал Олимпийский орден? Их сплетение напоминало рукопожатие.

После драматизма спортивной борьбы самым волнующим остается для меня рукопожатие на пьедестале почета. Рукопожатие на ковре, рукопожатие на ринге. Рукопожатие соперников. Улыбка...

Спортивное состязание неотделимо для меня от чувства товарищества, от коллективной солидарности, от уважения к сопернику. Ибо истинной радостью должна оставаться «радость соучастника». Я вспоминаю эти слова Сент-Экзюпери всякий раз, когда с ударом гонга, извещающим о конце поединка, соперники протягивают друг другу руки. Когда вижу на их лицах улыбку, которой они расплачиваются, благодарят и вознаграждают друг друга.

Только истинная радость соучастника способна сделать спортивное соперничество прекрасным, а состязание — праздником. Только она способна сделать рукопожатие крепким, а улыбку — искренней.

Во имя чего выходят спортсмены на старт, во имя чего побеждают, если не во имя дружбы, солидарности, идеалов добра и гуманизма, если не во имя этой улыбки?

Во имя чего живем мы, работаем, ищем, ошибаемся и находим, если не во имя все той же улыбки гордости, сочувствия и взаимопонимания?

Обо всем этом думала я в тот день в конференц-зале нашего института...

...Коробка, в которой лежал орден, была очень красивая, и мне не терпелось ее побыстрей раскрыть. Но ведь орден впервые вручался женщине, и я думаю, это нетерпение было вполне извинительным...»

А до XXII Олимпийских игр в Москве оставался еще год...

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3
Из писем к другу 5

I. ОТДЕЛЕНИЕ

«Служебный роман». Страничка на выбор . . 8
Вне игры. Мужчины 20
Вне игры. Женщины 33
Без неба нет земли... 50
Обыкновенный парадокс 74

II. ПРИНЦИП ОТДАЧИ

Рука человеческая 88
Наука в олимпийском костюме 108
Что за словом? 134

III. ИГРЫ

Легенда о правде 160
Тройной прыжок 177

Из писем к другу 204

Миронова З. С.

М64 Форвард продолжает борьбу /Лит. запись М. Ямпольского. — М.: Мол. гвардия, 1980. — 207 с. — (Спорт и личность).

75 к., 100 000 экз.

Заслуженный мастер спорта, абсолютная чемпионка страны становится доктором медицинских наук, профессором, видным общественным деятелем. Это вехи личной биографии автора предлагаемой книги. Но биография лишь фон, на котором разворачиваются главные события. Перед читателем пройдут разные судьбы и характеры, формируемые большим спортом, захватывающие эпизоды борьбы спортивных медиков за будущее знаменитых атлетов. Состоится также и популярная «лекция» о важнейших проблемах современной спортивной медицины.

М $\frac{\text{60902—057}}{\text{078(02)—80}}$ **132—80.** **4202000000** **ББК 75.0**
7А.06

ИБ № 2373

Зоя Сергеевна Миронова

ФОРВАРД ПРОДОЛЖАЕТ БОРЬБУ

Редактор **М. Лаврик**
Художник **В. Васильев**
Художественный редактор **Б. Федотов**
Технический редактор **О. Бойко**
Корректоры **Л. Четыркина, А. Долидзе**

Сдано в набор 26.09.79. Подписано в печать 11.02.80. А01453. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 9,1. Уч.-изд. л. 9,3. Тираж 100 000 экз. Цена 75 коп. Заказ 1630.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

75 коп.

Зоя Сергеевна Миронова — заслуженный мастер спорта СССР, доктор медицинских наук, профессор

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ